

Der Generalbevollmächtigte des Reichs
für die Baltischen Länder

1918. am 26. August 1918.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ

1918 – 1919

Август Винниг у колыбели
эстонской и латышской
государственности

Ummeu bevingen, die
werden, die Verwaltung an
die Organe der provisorischen
Regierung

August Winnig

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ

1918–1919

Август Винниг у колыбели
эстонской и латышской
государственности

Москва
Ассоциация книгоиздателей
«Русская книга»
2019

УДК 94(474.2+474.3)»1918/1919»

ББК 63(4Лат+4Эст)»1918-1919»

П75

Перевод с немецкого языка к. и. н. Л. В. Ланника

Предисловия, комментарии:

к. и. н. Л. В. Ланник

Н. Н. Кабанов

В. В. Симиндей

Оформление переплета М. Левыкина

*В оформлении обложки использован акт на немецком языке от 26 ноября 1918 г. о признании германским правительством Народного совета и Временного правительства Латвии, подписанный генеральным имперским уполномоченным по Прибалтике А. Виннигом. Автограф, печать. Источник: *Adolfs Šilde. Latvijas vēsture 1914-1940. Stokholmā: Daugava, 1976. XV. lpp.**

П75

Прибалтийский излом (1918-1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности / Фонд «Историческая память»; РАПИ; пер. с нем. Л. В. Ланника; предисл. и коммент. Л. В. Ланника, Н. Н. Кабанова, В. В. Симиндея. — М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. — 224 с. — (Прибалтийские исследования в России).

ISBN 978-5-907211-24-7

Оригинал немецкого издания: *Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik: persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921. 126 S.* (Винниг А. На исходе германской политики на Востоке: личные впечатления и воспоминания. Берлин, 1921. 126 с.)

Впервые выходящие на русском языке воспоминания Августа Виннига повествуют о событиях в Прибалтике на исходе Первой мировой войны. Автор внес немалый личный вклад в появление на карте мира Эстонии и Латвии, хотя и руководствовался при этом интересами Германии. Его книга позволяет составить представление о событиях, положенных в основу эстонских и латышских национальных мифов, пестуемых уже столетие. Рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг интересующихся историей постимперских пространств.

УДК 94(474.2+474.3)»1918/1919»

ББК 63(4Лат+4Эст)»1918-1919»

© Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»,
издание, 2019

ISBN 978-5-907211-24-7

Содержание

«Эта Латвия держалась на германских штыках»	7
К анамнезу независимости Прибалтики: зеркало мемуаров Августа Виннига	9
Предисловие автора.	24
I. Как я оказался на Востоке	25
II. Делегат к латышам	32
III. У эстонцев	46
IV. Интермедия	54
V. Поступь судьбы.	60
VI. Первые свершения на новом посту	76
VII. Республика Eesti	84
VIII. Солдатские советы	92
IX. Республика Latwija	100
X. Немцы и латыши в Прибалтике	111
XI. Вторжение Красной Армии.	124
XII. Дальнейшие военные события.	131
XIII. Бои за Ригу	142
XIV. Республика в Митаве.	163
XV. Новая обстановка.	170
XVI. Зарисовки из поездок	175
XVII. Последние дни в Курляндии	186
XVIII. На исходе германской политики на Востоке	192
XIX. Poleмика	202

XX. Заключение	215
Указатель имен	219
Указатель географических названий	222

«Эта Латвия держалась на германских штыках»

Столетие государственности, праздновавшееся в Риге самым пышным образом, обошлось без упоминания Августа Виннига. Хотя немецкого акушера латышской независимости можно было бы почтить если не названием улицы, как отказавшего в признании советизации 1940 года заместителя госсекретаря США Сэмнера Уэллеса, то хотя бы персональной почтовой маркой.

Германский социал-демократ, впервые посетивший оккупированную Ригу еще при кайзере Вильгельме — с целью подготовить колонизацию Остзейского края по профсоюзным путевкам, неожиданно стал спецпредставителем Республики (которую он, впрочем, постоянно именует Рейхом). Ему пришлось иметь дело с малодеспособным «опереточным» правительством Ullmann'a, которого он считал облагороженным потомком ганноверцев, оторвавшимся от своих немецких корней. Разумеется, Винниг презрительно отзывается о новоявленных политиках, которые *«перед англичанами стелились ковром, а нам плевали в лицо»*.

Левоцентристский активист вполне адекватно чувствует себя в митинговой стихии солдатских Советов. Ведь это же свой, немецкий рейхсвер. И автохтонное немецкое население гордо несет знамя цивилизации: *«Они выставили всех боеспособных мужчин, чтобы те сражались с оружием в руках за независимость Латвии»*. Безусловно, Винниг — русофоб, Россия для него синоним грязи и восточного варварства. Факт, что добрая половина Риги — каменные дома в югендстиле — построена во времена Николая II, он старается не замечать, в отличие от проложенных немецкими оккупантами в Курляндии узкоколейных железных дорог.

Да, в ходе своей миссии Винниг проявил гибкость и настойчивость, талант негоцианта (поиск миллиона марок для найма шведских добровольцев) и личную храбрость (эпизод с обстрелом красными немецкого бронепоезда). Ему есть что поставить в вину неблагодарным туземцам: *«Латышское государство существовало лишь на бумаге. Латышское правительство вообще может управлять территорией своей страны лишь потому, что делает это под нашей защитой и на наши деньги»*.

Винниг в своей книге 1921 г. издания предрекает в самое ближайшее время ущемление прав немцев: *«Латыши будут делать все, лишь бы использовать нас как наемников, а затем, когда пора самой большой и неотложной нужды будет уже позади, тут же оставят нас с носом»*. Именно это и произошло в три этапа: при аграрной реформе; во время ущемления нацменьшинств диктатурой Ульманиса в 1934–1940 гг.; в ходе добровольно-принудительной репатриации немецкой общины в 1939 г.

На последних страницах Август Винниг слагает величественный реквием германству на восточных берегах Балтики. Но оставляет эпилог открытым: *«Просуществуют ли эти новые малые государства какое-то количество лет, или же они вскоре будут присоединены обратно, как и все прочие отпавшие от живого тела России части, а прежняя Россия возникнет вновь, — так или иначе, без немцев они обойтись не смогут»*.

Спустя четверть века после завершения очередного вывода российских войск из Прибалтики германские войска вновь дислоцированы в регионе, а Германия является крупнейшим экономическим игроком в Литве, Латвии и Эстонии. Чтение небольшой, но крайне насыщенной информацией и эмоциями книги Августа Виннига поможет русскому читателю осознать извечное немецкое целеполагание на берегах Балтийского моря, оценить этот переходящий приз геополитики пристальным взглядом Германии.

Николай Кабанов, депутат Сейма Латвии

К анамнезу независимости Прибалтики: зеркало мемуаров Августа Виннига

По сложившейся за несколько веков традиции европейского восприятия исторических событий срок в 100 лет считается достаточным для того, чтобы любые, даже весьма неоднозначные страницы прошлого отошли из области пропаганды и политизированной мифологии в сферу подлинно исторического. Так было с Великой Французской революцией, перипетиями Наполеоновских войн, так происходит и с Первой мировой войной. Это пробуждает надежды и на то, что историзация наконец достигнет и череду событий и обстоятельств, в ходе которых обрели независимость государства-лимитрофы Российской империи, в том числе и страны Балтии.

По-видимому, сознавая неоднозначность многих перипетий становления Эстонии, Латвии и Литвы, политическое руководство этих стран приняло вполне логичное решение не сводить торжества и памятные мероприятия к конкретным датам, избранным в качестве момента появления новых государств. Поэтому столетие независимой Эстонии будет праздноваться и после 24 февраля 2018 г., Литвы — не только 16 февраля 2018 г., а Латвии и после 18 ноября 1918 г. Славный юбилей продлится как минимум до годовщины Рижского мирного договора марта 1921 г., что выглядит вполне логичным. Однако, помимо этого первого шага к развитию стройной исторической картины событий, других важнейших мер к преодолению инициационного мифа в первой и единственной его редакции пока не наблюдается, особенно в научно-исследовательской сфере, хотя усилиям на этом направлении в странах Прибалтики уделяется немало внимания.

Так, в тени остаются едва ли не все демиурги независимых государств Балтии, за исключением избранных в «отцы наций» и старательно ретушированных фигур К. Пятса, К. Ульманиса и А. Сметоны. В борьбе с «советской оккупацией» и за национальную идентичность позабыты не только борцы за «красную»

версию прибалтийской государственности, хотя этническую принадлежность ни Я. Анвельта, ни П. Стучки, ни даже В. Капсукаса редуцировать вроде бы невозможно. Остались «за кадром» и многие деятели из европейских стран (Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Польши), без усилий которых отмечать вековой юбилей независимости пришлось бы при совершенно иных обстоятельствах и в другие даты.

Желая поспособствовать (вос)становлению более полного исторического полотна событий вековой давности, мы взяли на себя труд вернуть из забвения хотя бы некоторые центральные их фигуры. Это было тем более необходимо, что за 100 лет прибалтийской государственности ни у латвийских, ни у эстонских исследователей (Литвы эта книга касается в меньшей степени) времени и желания перевести на родной язык и должным образом проанализировать один из важнейших источников — мемуары Августа Виннига (*нем.* August Winnig; 1878–1956) — так и не нашлось (хотя некоторые историки цитируют его в своих работах)¹. В силу политической конъюнктуры вряд ли придется рассчитывать и на то, что о вкладе этого германского государственного деятеля в появление будущих членов НАТО и ЕС вспомнят в современной ФРГ. Конечно, немецкие исследователи посвятили Виннигу и его участию в германской политике на Востоке целый ряд работ, однако на авансцену германской официальной позиции в связи с вековым юбилеем стран Прибалтики выдвигать его не стали.

До сих пор произведения этого известного германского политика и плодовитого публициста не переводились и на русский язык. Однако на общем фоне празднования юбилея прибалтийской независимости вполне можно надеяться, что первое русскоязычное издание книги, по-немецки названной «На исходе германской политики на Востоке», найдет своего читателя сразу в нескольких странах. Следует отметить, что если для самого Виннига прибалтийский излом конца Первой мировой войны (и сразу после нее) был финалом предыдущего этапа — свертывания германской политики в регионе, то современным исследователям и читателям все же, на наш взгляд, эти же события представляются началом новой эры, ведь речь идет о зарожде-

¹ См., например: *Feldmanis I., Stranga A., Taurēns J., Zunda A. Latvijas ārpolitika un diplomātija 20. gadsimtā.* Rīga, 2015. 152.-155. lpp. (Внешняя политика и дипломатия Латвии в XX веке).

нии государственности Эстонии и Латвии, к чему автор имел непосредственное отношение. Этим обусловлено иное название представляемых мемуаров в русском издании.

Если решение задачи по вводу в научный оборот мемуаров А. Виннига за пределами немецкоязычного круга исследователей сможет быть отнесено к длинному счету России, выставленному странами Балтии в связи с иностранной оккупацией последних, то это можно лишь приветствовать. В текущих межгосударственных и межнациональных дискуссиях о прошлом иного выхода, кроме историзации и демифологизации, попросту нет, а для этого нужно по меньшей мере выслушать «и другую сторону».

Будущий генеральный имперский уполномоченный по Прибалтике родился в 1878 г. в сердце Германии — Гарце, в многодетной семье гробовщика, а затем сделал едва ли не образцовую — по понятиям индустриальной эпохи — карьеру выходца из народа, убежденного социалиста, благодаря упорному труду и самообразованию обнаружившего в себе таланты умелого профсоюзного лидера и публициста. Как и многие его сверстники в позднем Кайзеррейхе, молодой каменщик Август Винниг с политической принадлежностью определился быстро, вступив в Социал-демократическую партию Германии, стремительно набиравшую после отставки Бисмарка политическое влияние. Заслужив доверие активистскими подвигами в стычках со штрейкбрехерами и на профсоюзной работе, пройдя необходимую закалку в рядах прусской армии, Винниг к 30 годам проявил незаурядный талант митингового оратора, организатора экономических стачек и журналиста-производственника. Вполне возможно, он был и ловким карьеристом, ведь, быстро продвигаясь по партийной линии, сумел еще до Первой мировой войны успешно баллотироваться в парламент вольного города Гамбурга.

Вполне вероятно, Винниг уже тогда тяготел к правому крылу социал-демократии, все более настроенному на легальную оппозиционную деятельность в консервативной монархии и рассчитывающему на поступательное развитие парламентаризма вплоть до будущего вступления социалистов в правительство, как это произошло во многих европейских монархиях XX века. После того как в 1912 г. СДПГ получила крупнейшую фракцию в рейхстаге, под аккомпанемент трескучих фраз Вильгельма II, что он намерен быть «кайзером бедных», такие взгляды уже не выглядели ревизионистской утопией.

Первые дни августа 1914 г. покончили с антимилиитаристскими и интернационалистскими лозунгами подавляющего большинства европейских социалистов. Международное товарищество рабочих распалось, все (пусть и не без споров) депутаты рейхстага от СДПГ проголосовали за установление на время войны гражданского мира и за одобрение чрезвычайных военных кредитов. Вполне искренним сторонником оборонческого, националистического течения в германской социал-демократии стал и Винниг, гордившийся достижениями социализма именно в Германской империи и искавший соединения национального воодушевления с социальной справедливостью, как и многие из его сверстников в 1910–1920-е гг. Поддержка военных усилий Германии, гордость успехами кайзеровской армии привела Виннига к стремлению послужить военной машине Кайзеррейха пером. Вскоре он — как и многие интеллектуалы из различных слоев общества — стал сотрудничать с высшими штабами и военными изданиями, причем изменой классовому сознанию или долгу члена СДПГ гамбургский депутат это отнюдь не считал. В этом его вполне поддерживали и его новые знакомые, в том числе работавший на германские спецслужбы А. Парвус.

Винниг обзавелся связями в военной среде и смог преодолеть известное недоверие кадровых офицеров к «безродному сброду», которым до войны в армейской среде считали любого социалиста. Военная усталость в германском обществе и резкая критика тяжелых испытаний в безнадежной войне привели в 1916–1917 гг. к распаду СДПГ, как и многих других европейских социал-демократий. Почти 40-летний Винниг, успешно избежавший фронта, — хотя мог бы пойти добровольцем, как некоторые из его единомышленников, — осознавал растущую популярность ультралевых и антивоенных лозунгов. Но на поводу у конъюнктуры не пошел, напротив, проникаясь все более националистическими воззрениями. Как и большинство его однопартийцев, большевизм он ненавидел и главной своей задачей полагал борьбу с его экспансией любой ценой. Политические перемены в Германии были неизбежны, а явное военное поражение Центральных держав наконец открыло перед социал-демократами возможность прямого участия в правительстве и внешней политике. Одним из первых ответственное назначение получил и А. Винниг, став в октябре 1918 г., еще при последнем кайзеровском правительстве Макса Баденского, специальным эмиссаром в Прибалтике, которую

тогда попытались готовить к сопротивлению большевистскому вторжению, неизбежному и скорому.

При всей оправданности критики в адрес германской оккупационной политики шансов исправить ее наследие у Виннига не было вовсе. Он прибыл в Ригу и Ревель слишком поздно, а вплоть до начала ноября 1918 г. необходимости в резкой перемене курса в отношении эстонских и латышских националистов в германских штабах почти никто не ощущал. Не слишком готова была рисковать прямым конфликтом с оккупантами и местная элита — тем более что господствующие позиции в регионе исторически занимали балтийские немцы, не намеренные в большинстве своем допускать формирования национальных государств. Новый эмиссар из Германии никакого «прибалтийского опыта» не имел, опираясь лишь на свою краткосрочную поездку накануне и поначалу не подозревая обо всех нюансах сложившейся за время германской оккупации расстановки сил. Но это не помешало ему «врезаться» в местную политику с места в карьер. У социалиста и бывшего пролетария А. Виннига были неплохие шансы как у посредника, но вплоть до краха кайзеровского режима возможностей для радикального пересмотра прежней политики Германии в Прибалтике он не имел.

Все изменили Ноябрьская революция, крайне быстрое революционное разложение войск 8-й германской армии в Прибалтике, растерянность штабов и беспомощность образовавшихся германских солдатских советов. Только теперь опытнейший партийный функционер оказался на гребне событий, фактически присвоив недостававшие полномочия, ссылаясь на поддержку его пришедших к власти в Берлине однопартийцев. Он стремился (и довольно удачно) стать «прибалтийским Носке», то есть обуздать мятежных солдат, сохранить минимальный порядок и не допустить прорыва к власти ультралевых. Пользуясь флером старого социалиста и статусом депутата еще с довоенных времен, он легко обретал доверие и солдатской массы, и местных социалистов, и дезориентированных штабных офицеров. В достижении главных его целей — сохранения всех тех позиций Германии на Востоке, что еще казалось возможным спасти, недопущения большевизма на Запад и успешной эвакуации военного имущества, сырья и продовольствия с тех территорий, что проигравшим в Великой войне придется покинуть, — независимость Латвии и Эстонии для него была лишь средством, впрочем, как и для прибывших в регион первых британских эмиссаров. Это и характеризует отношения

автора этих мемуаров к населению Остзейского края — более чем что бы то ни было.

Август Винниг в латышском и эстонском пространствах публичной истории — по большому счету фигура забвения и умолчания. Однако в научно-популярной литературе и публицистике все же встречаются краткие упоминания о нем, о его деятельности и... о потребительском, если не сказать — цинично-утилитарном отношении к нему, распорядителю реальной власти и денег, пусть и в недолгий период ноября 1918 — февраля 1919 г. В Латвии с его активностью связывают главным образом признание пореволюционным Берлином первого временного правительства Ульманиса. Наиболее показателен, на наш взгляд, пассаж из юбилейного панегирического издания 2012 г., посвященного 135-летию Ульманиса². В нем отмечается следующее:

«Вечером 18 ноября 1918 года К. Ульманис и Г. Земгалс передали официальное сообщение о провозглашении Латвийского государства также и генеральному уполномоченному (бывшему государственному комиссару) в Риге Августу Виннигу (Winnig) (1978–1956). Роль А. Виннига в Риге, несмотря на провозглашение независимого государства, была велика — он был ответственен за остававшиеся на территории Латвии вооруженные силы Германии, более того, ему были доступны также германские финансовые средства. 25 ноября 1918 года было получено официальное согласие министра иностранных дел Германии, в котором сообщалось, что германское правительство признает Народный Совет Латвии и Временное правительство под руководством Ульманиса высшим органом государственной власти до решения мирной конференции по вопросу о будущем Латвии»³. В этой трактовке попросту не остается места оценке истинной роли А. Виннига и крайне непростых его взаимоотношений с местным политиком. В действительности же расстановка сил и ход событий были намного сложнее.

Винниг в новом для себя качестве проявил себя ловким авантюристом, хорошим переговорщиком, способным на риск

² Следует отметить, что богато иллюстрированная книга «Карлису Ульманису 135 лет» подготовлена издательством «Лауку Авизе», специализирующимся на выпуске национал-романтической литературы по истории, в сотрудничестве с Национальным историческим музеем Латвии и политической партией «Крестьянский союз Латвии», которая считает себя преемницей Латышского крестьянского союза под руководством К. Ульманиса.

³ Kārlim Ulmanim 135. Rīga, 2012. 18. lpp.

харизматическим лидером. Он возглавил борьбу за германские интересы в Прибалтике на самом сложном первом этапе Ноябрьской революции и оставался — с переменным успехом — представителем новых и все менее революционных властей Германии, вплоть до прибытия необходимых для борьбы с большевиками войск и новых командиров. Лишь в феврале 1919 г. А. Винниг смог отправиться на новый и весьма важный для продолжения его борьбы за германское будущее на Востоке пост в Восточную Пруссию. Драконовскими мерами подавив сопротивление ультралевых, опираясь на поддержку фрайкоров и ставшего рейхспрезидентом правого социал-демократа Ф. Эберта, Винниг превратил самую восточную германскую провинцию в бастион немецкого Востока и канал поставок добровольцев и оружия продолжавшим войну в Прибалтике и с большевиками, и с местным населением германским солдатам и офицерам. Резкая критика в СДПГ слишком «поправившего» однопартийца его давно не смущала. В Восточной Пруссии он рука об руку работал с лидером консерваторов В. Каппом, который готовил попытку антиверсальского мятежа. Сам Винниг еще до предъявления 7 мая 1919 г. шокировавших Германию условий договора упорно надеялся на достижение перемирия с латышским советским правительством Стучки ради совместных действий против Антанты, однако на такие смелые комбинации, кроме самого Виннига, никто не был готов.

Поддержав Капповский путч в марте 1920 г., провалившийся за несколько дней, обер-президент Восточной Пруссии — как и его тайный кумир Г. Носке — лишился своего поста, был исключен из партии и освобожден от профсоюзных должностей. Вот теперь настала пора вновь взяться за перо, хотя в жизни Виннига будет еще немало попыток найти и сплотить вокруг себя тех, кто станет обладателями схожего коктейля националистических и социалистических взглядов. Его флирт с военизированными группировками оказался довольно коротким. Опытный политик быстро и верно оценил перспективы тогда еще только начинавшегося сотрудничества правоконсервативных и националистических группировок с набирающим силу нацизмом. Вернуть себе былое влияние Винниг не смог, но искушению переродиться в борца за будущее Германии под свастикой не поддался. Его прошлые заслуги в Прибалтике гарантировали ему вполне лояльное отношение нацистского режима. Долгое время Виннига вовсе не смущали антисемитские лозунги, к которым он был склонен и сам, отделява-

ясь формальными конформистскими заявлениями и продолжая писательскую карьеру. Однако с годами его взгляды становились все ближе к идеям христианского консерватизма, что в военные годы и привело бывшего социалиста в круги организаторов событий 20 июля 1944 г. Он сумел избежать не только заключения, но и ареста гестапо, благополучно покинул будущую советскую зону оккупации, стал одним из основателей ХДС и даже удостоился в 1955 г. высокой правительственной награды ФРГ. Правительство Аденауэра не было заинтересовано в дотошной денацификации еще и этой неоднозначной в политическом отношении фигуры. Август Винниг, продолжавший литературный труд до последних своих дней, скончался в 1956 г.

Как и любые мемуарные свидетельства, следующие ниже записки нуждаются в предварительной поправке не только на личность их автора, но и на обстоятельства и нюансы их написания. Из богатого письменного наследия А. Виннига была выбрана ранняя версия его воспоминаний, 1921 г. издания, хотя в дальнейшем — после окончания своей политической карьеры — он написал и куда более объемную книгу «Возвращение домой» (*Heimkehr. Erinnerungen 1918-1923. Hamburg, 1935*), а за 1920-1930-е гг. стал не только плодовитым публицистом, но и признанным автором художественной литературы. Однако для исследователя событий в Прибалтике в 1918-1919 гг. ценна будет именно первая редакция мемуаров Виннига, полная умолчаний о недавних (1920-1921 гг.) событиях, тонких намеков на политическую конъюнктуру ранних лет Веймарской республики, но зато свободная от наслоений последующих лет, включая не нуждающееся в излишних комментариях, но массивное влияние действительности Третьего рейха. Разумеется, писать в 43 года мемуары в качестве политического завещания, подводя окончательные итоги своей карьере, Винниг не собирался, он был полон решимости доказать свою значимость, подчеркнуть заслуги перед Германией и тем оправиться от тяжелых политических неудач. Это добавляет его тексту не только самолюбования и тенденциозности, но и публицистического запала, гарантирует тексту все плюсы и минусы почти памфлетного жанра, а свежесть воспоминаний провоцирует на эффектные портретные штрихи, демонстрируя задатки будущего романиста.

Оказавшись в опале после Капповского путча, Винниг, издавая в 1921 г. первую свою книгу, не терял надежды вернуть

себе расположение существенно закрепившегося у власти Ф. Эберта, а потому тонко дозировал свою критику центральных инстанций и присматривался к возможным союзникам среди оставшихся в рядах рейхсвера кайзеровских военных. Вполне осознавая полемичность затронутых событий, автор этой первой германской версии истории прибалтийской независимости оправдывался и дискутировал прямо на ее страницах, особенно в заключении. В тогдашней обстановке первой и самой тяжелой фазы версальского унижения Германии, на фоне тогдашнего триумфа спаянных Антантой в «санитарный кордон» государств-лимитрофов, беспощадных к бывшим метрополиям и оккупантам, болезненно переживавший утрату всех перспектив на Востоке убежденный немецкий националист мог ни в чем себе не отказывать в отношении к бывшим «подопечным», хотя демонстрировал некоторую готовность не идеализировать и своих соплеменников.

Не стесняясь исторических анекдотов и почти обценных нюансов политической физиономии тех или иных деятелей, Винниг разоблачал, а также напоминал обстоятельства появления на свет независимой Эстонии и в еще большей степени Латвии. На фоне преобладания в современной местной историографии и публицистике лакированных портретов латышских и эстонских политиков того периода такое «срывание покровов» несколько уравнивает мифологизацию. Да и по сравнению с оправдывавшими любые действия германских властей мемуаристами из числа отставных кайзеровских генералов и статс-секретарей Винниг нередко выглядит довольно объективным, а уж преимущества взгляда очевидца, инициатора и непосредственного участника у этого типичного фаворита первой революционной волны не отнять.

При всех этих оговорках и приведенных в комментариях поправках книга Виннига остается куда менее мифологизированным описанием появления на свет независимых Эстонии и Латвии, нежели ныне транслируемая официальная версия. Сознывая недостатки приводимого здесь на русском языке немецкого взгляда на события, мы полагаем, что игнорировать их и на втором столетии истории государственности прибалтийских стран было бы попросту некорректно.

Л. В. Ланник, В. В. Симиндей

Обер-президент Восточной Пруссии Август Винниг, 1920 г.

База открытых данных:

https://data.bnf.fr/en/10339674/august_winnig/

Караул кайзеровской армии у рижской ратуши.
Германская оккупация, 1918 г.

Немецкие машины у Дома Черноголовых в Риге.
Германская открытка, 1918 г.

3 сентября 1918 г. Открытие в Риге памятника ландштурмисту (солдату-ополченцу) в ходе празднования первой годовщины взятия города войсками Германской империи. Германская открытка, 1918 г.

Монумент ландштурмисту «Железный солдат»,
изготовленный из дуба, рижане называли «деревянный Фриц».
Германская открытка, 1918 г.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ

Стела «освободителям Либавы». Германская открытка, 1918 г.

Предисловие автора

Эти личные и выдержанные в сугубо личном тоне воспоминания времен моей деятельности в Прибалтике вовсе не претендуют на то, чтобы восприниматься как глубокое историческое исследование. Для подобной работы мне попросту не хватает материалов. К документам о политических событиях того времени доступа у меня нет. В своем описании я опираюсь на письма, которые я тогда с завидной регулярностью отправлял на одни и те же адреса, а теперь ради этой цели переписка предоставлена в мое распоряжение. Письма эти писались отнюдь не в намерении позднее использовать их в качестве исторического источника, а поэтому вовсе не исключено, что в некоторых случаях не совсем точно указаны сроки и даты, однако это касается лишь двух-трех эпизодов, где мне приходилось ограничиться лишь примерным указанием — «несколько дней назад», а при попытке выяснить точную дату я, по-видимому, не смог ее установить. Хотя в данном случае это не может иметь существенного значения, я все же хотел бы упомянуть возможность подобного варианта. Кроме этих писем я пользовался также личными заметками, ведшимися в некоторых случаях весьма подробно, а порой, наоборот, очень кратко, а потому затем дополненных по памяти. Естественно, нельзя вполне исключать ошибки и по этому поводу, хотя я полагал долгом своим действовать со всей тщательностью и ответственностью. Ошибки эти ограничиваются датами и фамилиями; истинный же ход событий — и это я хотел бы подчеркнуть со всей настойчивостью — изложен с не допускающей каких-либо сомнений точностью.

Запись и публикация моих воспоминаний в обосновании не нуждаются.

Сначала они были написаны для издаваемого мною еженедельника «Морген», где появлялись отдельными главами. В данном издании единой книгой исправлены некоторые обнаруженные с тех пор ошибки вышеупомянутого рода. Кроме того, добавлена новая, итоговая глава.

Кёнигсберг в Пруссии⁴, 15 марта 1921 г.

А. В.

⁴ Долгое время в Германии уточняли, какой Кёнигсберг имеется в виду, так же как и насчет Страсбурга. Отечественному же читателю известен в основном пример Франкфурта (на Майне и на Одере).

I. Как я оказался на Востоке

Почти сразу после занятия Эстляндии нашими войсками я должен был делать доклад на одном собрании в Альтоне⁵. Как и было объявлено, я должен был говорить о «Взаимопонимании между народами — против аннексий». Из-за недостатка времени я не смог в полной мере подготовиться к выступлению, в частности, я не имел возможности основательно обдумать положение, созданное нашим наступлением⁶, а потому чувствовал себя несколько неуверенно. Мне было весьма желательно еще до доклада переговорить с видными членами партии⁷ из Альтоны. В ходе этой беседы обсуждался также и вопрос буферных государств на Востоке. Я всегда полагал противоречившим здравому смыслу то, что называли «германской политикой в буферных государствах». Не в связи с питаемым некоторыми моими товарищами по партии благородным пиететом по отношению к решениям Венского конгресса и вовсе не из-за приверженности

⁵ Альтона (нем. Altona) — город в Германии на правом берегу р. Эльба; в описываемый период являлась пригородом, а с 1938 г. частью города Гамбург.

⁶ Германское наступление началось 18 февраля 1918 г., причем на прибалтийском участке фронта оно развивалось особенно быстро. Двинск был занят в тот же день, Ревель и Псков 24–25 февраля, Нарва 3 марта 1918 г. 4–5 марта после подписания Брестского мира стала формироваться демаркационная линия между германскими и советскими войсками, просуществовавшая до конца ноября того же года. Она была намечена лишь приблизительно, долго согласовывалась и не соответствовала ни условиям Брестского мира, ни Добавочного договора к нему от 27 августа 1918 г. 3 марта 1918 г. Советская Россия подписала Брестский мирный договор с Центральными державами, который отдал Эстонию, Латвию, Литву и большую часть Белоруссии и Украины Германии. Поэтому рано утром 4 марта последние части Красной Армии оставили Нарву. Формировавшаяся в Русской армии эстонская дивизия 20–21 февраля 1918 г. по собственной инициативе вступила в переговоры с германским командованием, которое использовало ее содействие для быстрого захвата Эстляндии. Несмотря на провозглашение независимости Эстонии, германские оккупационные власти уже в апреле распустили все эстонские войска.

⁷ То есть Социал-демократической партии Германии (СДПГ), на тот момент — социал-демократов большинства, ведь их левое крыло, независимые социал-демократы, а в их числе и будущие коммунисты из группы «Спартак», откололись еще весной 1917 г., образовав НСДПГ.

к принципу *status quo ante bellum*⁸, а лишь вследствие своего убеждения, что исторический прогресс требует создания не мелких, не слишком эффективных национальных государств, а скорее формирования крупных и скоординированно управляемых экономических областей. Под этим я имею в виду: кому должны достаться приграничные территории русских, должна решать сила, однако самостоятельными становиться им не следует, это противоречило бы логике мировой истории, как и вообще весь девиз: самостоятельность малым нациям! Это было бы мудростью позавчерашнего дня, мелкобуржуазностью. Мне же возражали, что свершившимся фактом стало давно уже произошедшее восстановление польского государства⁹, его теперь уже нельзя отменить, а потому это влияет и на решение судьбы остальных буферных территорий на Востоке. Это, к сожалению, так.

Это событие и стало поводом к тому, чтобы я тут же более подробно занялся вопросами, связанными с Востоком, его историей, экономикой и управлением. Я делал это из простой обязанности гражданина хоть как-то участвовать в происходящих крупных политических событиях и не мог знать, что когда-нибудь буду использовать полученные таким образом знания и на официальном посту.

⁸ То есть возвращения к довоенному положению.

⁹ Август Винниг имеет в виду декларацию Центральных держав от 5 ноября 1916 г. о восстановлении польской государственности, вызвавшую большое негодование немецких националистов и консерваторов, однако долгое время имевшую мало практических последствий. После того как надежды германской Ставки обрести тем самым многочисленные союзные польские войска за счет притока добровольцев провалились, быстро дошло до конфликтов с польскими легионами, лидер которых, будущий маршал и «начальник государства Польского» **Юзеф Пилсудский** (польск. Józef Klemens Piłsudski; 1867–1935) летом 1917 г. оказался в тюрьме за отказ присягать на верность Центральным державам. Таким образом, весной 1918 г., то есть в период, описываемый Виннигом, ни о каком настоящем восстановлении польской государственности говорить не приходилось, хотя опасный прецедент в декларативной плоскости действительно был положен. Нельзя не отметить и то, что параллельно развивалась борьба за симпатии поляков теми же средствами и так же без практических (пока) результатов со стороны России и в целом Антанты. Важным шагом была декларация Временного правительства России от 29 марта 1917 г. о признании права Польши на восстановление государственности, имевшая среди поляков определенный успех и подтолкнувшая формирование целого ряда польских национальных дивизий, а затем и корпусов в Русской армии.

В июле 1918 г. имперское ведомство внутренних дел запросило меня, не желаю ли я предпринять исследовательскую поездку в прибалтийские земли. Я согласился и обязан был назвать и еще нескольких профсоюзных лидеров, которых можно было бы также пригласить туда. По моему предложению от планов выезда крупной общественной делегации пока воздержались, ограничившись лишь очень небольшими группами. Первая состояла из господина Пауля Умбрайт, главного редактора издаваемого объединением профсоюзов «Корреспондент-блатт», и меня. Мы выехали из Берлина в конце сентября 1918 г. Наша поездка должна была продлиться около двух недель. Мы посетили Либаву, Митаву, Ригу, Дерпт и Ревель. Пауль Умбрайт заезжал и в Ковно, в то время как я после 12-дневного турне вернулся в Германию, где для начала дал в Берлине в имперском ведомстве итоговый устный отчет, а также заявил, что представлю и подробную записку по этому поводу.

У нашей поездки была цель — якобы познакомить ведущие профсоюзы с возможностями для расселения в Прибалтике, чтобы затем они оказали поддержку далеко идущим германским планам колонизации. Для меня эти вопросы были не совсем в новинку. Уже в 1915 г. я присутствовал на докладе курляндского помещика и организатора колонизации Сильвио Брёдериха¹⁰, который он делал перед небольшим кругом гамбургских политиков. В ходе недавних своих исследований я также постоянно сталкивался с новейшими попытками немецкой колонизации.

Наилучшее представление о мерах, предпринятых к тому моменту германской администрацией на прибалтийской территории, предоставила мне чрезвычайно познавательная беседа в Либаве с главой округа Гробин — бароном Книгге¹¹. Книгге

¹⁰ **Сильвио Брёдерих** (нем. Silvio Bröderich; 1870–1952), курляндский помещик, который в 1905–1914 гг. попытался организовать массовое переселение немецких колонистов из отдаленных регионов Российской империи в Прибалтику, в итоге добившись миграции несколько тысяч человек. С 1916 г. он работал в русском отделе иностранного ведомства, занимался исследованием провинциальной прессы, заручившись хорошими связями в германской верхушке, в том числе с будущим рейхсканцлером **Максом Баденским** (нем. Maximilian Alexander Friedrich Wilhelm Prinz von Baden; 1867–1929). См.: Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Leipzig, 1927. S. 93f.

¹¹ **Вильгельм барон Книгге** (нем. Wilhelm Freiherr Knigge, 1863–1932), юнкер из нижнесаксонского рода, в 1912–1918 гг. был депутатом рейхстага от Консервативной партии, в начале Первой мировой войны некоторое время провел в кавалерийских частях на фронте, но уже в 1915 г. стал главой округа в Либаве, где и оставался вплоть до конца 1918 г.

и сам был управляющим в поместье (хозяйствовал в Ганновере и в Западной Пруссии), но родился он в Курляндии и там провел свою молодость. Таким образом, у него были прекрасные данные для решения связанных с темой колонизации вопросов, а кроме того, он был немецким патриотом, прекрасно понимавшим суть экономических потребностей своего Отечества. В тот момент еще нельзя было предположить, что война окончится столь сокрушительным для нас миром¹². Негативные последствия удара во фланг после отхода за Марну и «клещи» под Реймсом, конечно, тогда уже были. Фронт колебался. Однако тогда еще нельзя было предугадать, что крушение уже на пороге. В августе 1918 г. я или в «Глоке», который тогда был рупором германских правых социалистов, в своем открытом письме Леону Жуо, французскому Легину¹³, или даже в специальной статье о военном положении

¹² Либо Август Винниг лукавит, либо вполне честно передает всю степень неадекватности в оценке общей военно-политической обстановки в ходе Великой войны даже сравнительно информированными представителями оппозиционных политических кругов Германии. Беседа с Книгге имела место в начале октября 1918 г., когда поражение Германии было очевидно. Предполагать, что победившая после столь кровопролитной войны Антанта согласится на сравнительно компромиссные условия мира с побежденными, могли только отъявленные оптимисты. В оправдание политиков и дипломатов может быть принято лишь то обстоятельство, что вплоть до 29 сентября 1918 г. военные во главе с 1-м генерал-квартирмейстером **Эрихом Людендорфом** (нем. Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff; 1865–1937), фактически руководившим Верховным главнокомандованием (ОХЛ) в 1916–1918 гг., упорно отказывались признать необратимый характер поражений на Западном фронте и прямо дезинформировали руководство страны и рейхстаг. Впрочем, осознания цены поражения в Германии, даже на самых высоких уровнях командования и правительства, не было и впоследствии, вплоть до оглашения предполагаемых условий Версальского мира в начале мая 1919 г. Разработанные без участия германской делегации, они в прямом смысле повергли даже испытавшую на себе унижительные условия Компьенского перемирия Германию в шок.

¹³ **Леон Жуо** (фр. Léon Jouhaux, 1879–1954) в 1909–1947 гг. был лидером французских профсоюзов, занимая последовательно «оборонческие» позиции. Впоследствии играл крупную роль как в межвоенный период, так и после Второй мировой войны. Лауреат Нобелевской премии мира. **Карл Легин** (нем. Carl Rudolf Legien; 1861–1920) был лидером германских профсоюзов, правым социал-демократом, депутатом рейхстага. Его соглашение с крупнейшим магнатом **Гуго Стиннесом** (нем. Hugo Stinnes; 1870–1924) во время Ноябрьской революции 1918 г. стало одной из основ будущей Веймарской республики, позволив его товарищам по партии образовать коалицию с военными против большевиков и германских коммунистов. Он же организовал сопротивление Капповскому путчу в марте 1920 г., который поддерживал А. Винниг, ведь к тому времени пути бывших одно-

писал, что неоспоримое превосходство противника в людских и материальных ресурсах все же будет иметь успех, германские войска будут шаг за шагом оттеснены, и что поэтому победа союзников теперь стала более вероятной. Однако я писал (причем с намерением тем самым воздействовать на принимаемые в Германии решения) и о том, что германское отступление пойдет через Бельгию, а потому одна миля за другой станут театром яростной последней схватки за оккупированные территории, а потому полная военная победа может быть достигнута только ценой полного опустошения Бельгии. Я надеялся, что такая перспектива вынудит вражескую коалицию обеспечить умеренные условия мира еще до того, как дойдет до такой финальной схватки¹⁴. Но даже в этом случае положению Германии как мировой промышленной и торговой державы будет нанесен страшный удар, а потому следует по возможности позволить избыточному немецкому населению выехать в те области, где оно не лишится своей немецкой национальной принадлежности. Такими землями могли стать прибалтийские страны с их способностью принять большое количество переселенцев. Исходя из этих соображений, я с самого начала положительно относился к планам немецкой колонизации прибалтийских стран.

И в этой связи немаловажно, что делалось в тот момент для подготовки масштабного переселения¹⁵. Курляндское дворянство предложило передать в распоряжение переселенцев треть своих земельных владений по ценам 1914 г. Рыцарство Эстляндии и Лифляндии подобных решений не принимало¹⁶. При этом в Кур-

партийцев под влиянием ряда событий, в том числе и в Прибалтике, существенно разошлись. Для автора этой книги Легин превратился в имя нарицательное.

¹⁴ Получилось несколько иначе: к моменту заключения Компьенского перемирия большая часть Бельгии еще оставалась под германской оккупацией, так что до боев за Брюссель, например, дело не дошло.

¹⁵ Германским колонизационным устремлениям и планам способствовало обезлюдение территорий Курляндии и части южной Лифляндии в результате военных действий в 1915 г., массового беженства и вынужденного переселения местных жителей, в основном латышского, еврейского и русского происхождения.

¹⁶ Важнейшей к тому причиной было то, что Курляндия была оккупирована германскими войсками еще в мае-августе 1915 г., то есть находилась к моменту поездки Августа Виннига под контролем Германии более трех лет. Рига, ее окрестности и Моонзундские острова были заняты только в сентябре-октябре 1917 г., а большую часть Лифляндии и всю Эстляндию оккупировали лишь в конце февраля 1918 г. Таким образом, помимо разной исторической судьбы трех остзейских губерний в предыдущие столетия, даже их участь в годы Первой мировой войны существенно различалась.

ляндии провести выделение этих земель для колонистов было, естественно, нелегко, к тому же при этом стремились действовать так, чтобы между поместьями и колониями сохранялась экономическая взаимосвязь. Чтобы составить себе представление о состоянии сельского хозяйства, мы посетили несколько поместий. Общее впечатление сводилось к тому, что будущие поселенцы на этой обрабатываемой почти исключительно экстенсивно земле оказались бы в очень непрестом положении, так что им понадобится оказывать существенную помощь. Не было водоотведения, а вследствие этого и дренажа, скот, как мне показалось, был не особенно хорошей породы, дорожная сеть по германским меркам была очень редкой, а пути в плохом состоянии.

В этих поездках у меня порой было время, чтобы озаботиться теми вопросами, что до сих пор не являлись предметом официального контроля или государственных усилий. Посещение одной крупной военной мастерской в Либаве позволило мне составить представление о политике военных инстанций в рабочем вопросе. Мне показалось, что ситуация отнюдь не сплошь удовлетворительная. Техническое оснащение и забота о здоровье рабочих были не на высоте. Напротив, заработная плата рабочих была ужасающе скудной. Жалованье колебалось между 5 и 6,5 марки. Для сравнения: в тот момент фунт картофеля стоил 75 пфеннигов, фунт масла 1 марку 90 пфеннигов. На военных заводах в Митаве положение было лишь немногим лучше. Мои попытки переговорить с рабочими-латышами успеха не имели, эти люди мне не верили, делая вид, что ничего не понимают.

В Риге ко мне с визитом явились несколько латышских патриотов. Я обсудил с ними будущее их страны. «Только не назад в Россию!» — говорили они. Самостоятельность? Да, по меньшей мере в административных вопросах; транспорт, валюта, экономическая политика — вместе с Германией. «Мы хотим, — говорил один из них, — скорее быть на прибалтийских холмах с германской культурой, нежели на сарматских равнинах русского варварства». То были представители имущей буржуазии; с латышскими социалистами в ходе той поездки я не встречался. Я выслушивал жалобы на суровую военную юстицию и принимал прошения и жалобы, за которые должен был замолвить слово.

В Ревеле я встречался только с той частью населения города, что имела немецкое происхождение. Наше пребывание там продлилось всего 24 часа, его хватило только на то, чтобы осмотреть порт и большую фанерную фабрику Луттера. Эта фабрика, кстати, была

единственным крупным заводом, принадлежавшим частному предпринимателю, которую я видел по-настоящему работающей. Рабочие за 10-часовой рабочий день зарабатывали 12-16 марок. Куда разнообразнее было более продолжительное пребывание в Дерпте. Из всех крупных балтийских городов он был самым немецким. В Либаве, Митаве, Риге и Ревеле немецким — то есть построенным в старой немецкой манере и населенным преимущественно немцами — было только их ядро. Бедные, грязные окраинные кварталы были заполнены низенькими русскими домами, в них ни снаружи, ни изнутри не было ничего немецкого. В Дерпте нас привели на совместную трапезу с эстонцами, настроенными безусловно прогермански — это были хорошо обеспеченные горожане, ценившие в Германии прежде всего то, что она принесла с собой строгую администрацию и порядок. После еды я подсел к нескольким эстонцам и послушал, о чем они говорят. Там раздавались и некоторые жалобы, частью на устройство школьного образования, частью на чрезмерную суровость военных судов. Мне вновь сообщили о целом ряде необоснованных арестов и немислимо крупных сроках лишения свободы, а я обещал им содействие.

В имперском ведомстве внутренних дел я, как уже упоминалось, подвел итоги моим впечатлениям и, прежде всего, призвал по меньшей мере удвоить прямо-таки нищенские заработки, а также разрешить рабочие комитеты на заводах. Я доказывал, что невозможно основывать новые государства, опираясь лишь на тонкий слой верхушки общества. Прежде всего, следует предоставить рабочим приемлемые условия существования, если только вообще желают пробудить у них симпатии к Германии. Я не оставил никаких сомнений в том, что германские профсоюзы не смогут оказать поддержку германской политике в Прибалтике, если там нельзя будет надеяться на улучшение жизни рабочих.

Поначалу я не смог выяснить, какое впечатление произвел мой отчет. Однако после моего возвращения из поездки прошло едва две недели, как меня вновь попросили отправиться в Прибалтику, причем с вполне конкретной миссией, но, к сожалению, без полномочий. На словах мне была обещана всевозможная поддержка, так что 25 октября 1918 г. я во второй раз прибыл в Прибалтику.

Я и не подозревал, насколько задержусь там.

II. Делегат к латышам

Миссия, с которой правительство принца Макса¹⁷ отправило меня в прибалтийские страны, подразумевала, что я попытаюсь вступить в контакт с ответственными представителями эстонцев и латышей и смогу склонить их к прогерманской политике. Я счел необходимым сначала обсудить ситуацию с председателем Германской социал-демократической партии и получить от него, если возможно, некоторые контакты. На это у меня было всего несколько часов. В Берлине я отправился к доктору Давиду¹⁸, который тогда заседал в иностранном ведомстве. Сам-то он мало что мог мне сказать, однако передал мне множество писем рижских социалистов, где были жалобы на германскую администрацию. Доктор Давид уже смог ощутить близость краха — к политической стороне моей миссии никакого особого интереса он не выказал: говорил о «глупости и свинстве там, наверху» и советовал мне действительно основательно вникнуть в эти дела.

¹⁷ Август Винниг совершенно напрасно не оговаривает причины резких перемен в германской политике в отношении Прибалтики, возможно, полагая, что это и так общеизвестно. Если в первый раз он выезжал в Прибалтику при правительстве графа **Георга фон Гертлинга** (нем. Georg Friedrich Karl von Hertling; 1843-1919), то с 29 сентября 1918 г. в Германии началась так называемая революция сверху, сопровождавшаяся парламентаризацией государственного устройства и формированием первого в истории страны кабинета с участием социал-демократов. 3 октября 1918 г. во главе нового правительства был поставлен принц Макс Баденский, который намеревался добиться согласия Антанты на переговоры о мире путем отказа от политического наследия военной диктатуры во главе с генералом Эрихом Людендорфом, существовавшей в Германии до этого. В том числе перемены касались и Прибалтики, где рейхсканцлер отмежевался от идеи образования Балтийского герцогства и его вхождения в состав Германской империи, а также лишил военную администрацию большинства полномочий. Политический курс Макса Баденского подразумевал и разрыв с большевиками ради перспективы дальнейшего соглашения с Антантой и последующих совместных с ней действий против Советской России.

¹⁸ **Эдуард Давид** (нем. Eduard Heinrich Rudolph David; 1863-1930), один из лидеров правого крыла СДПГ и автор концепции «гражданского мира» в годы Первой мировой войны. В рамках политических реформ в Германии в начале октября 1918 г. занял пост заместителя главы иностранного ведомства. На высоких постах он оставался и в четырех последующих германских правительствах, вплоть до конца июня 1920 г.

У меня еще осталось время, чтобы съездить в как раз заседавший тогда рейхстаг, где я смог обменяться парой слов с Эбертом¹⁹. До того я мало имел с ним дело, хотя мы довольно часто виделись на конференциях и тому подобных мероприятиях. По мне, так он был самым симпатичным членом партийного руководства. Та манера, с которой он при Бебеле²⁰ смог восстановить весьма ограниченные контакты с профсоюзами, создав или посодействовав чуть ли не идеальным отношениям между партией и профсоюзами, пробудила во мне большое доверие к его политическим способностям. Я уже здесь хотел бы сказать, что это доверие я так никогда и не утратил²¹. Его избрание рейхспрезидентом было необходимостью, и я не думаю, что кто-либо еще из других проправительственных партий смог бы исполнять президентскую должность лучше, чем Эберт. Несмотря на это, о его выборе можно было пожалеть, ведь в партии Эберта заменить было не кем; там его влияние, естественно, упало, когда он стал президентом, а это не пошло на пользу ни социал-демократии, ни рейху²². Эберт

¹⁹ **Фридрих Эберт** (*нем.* Friedrich Ebert; 1871-1925) стал лидером умеренного крыла социал-демократии в ходе Первой мировой войны. В качестве своего рода компромиссной фигуры по сравнению с такими неоднозначными кандидатами, как Филипп Шейдеман или тот же Давид, смог стать первым главой правительства Германской республики 9 ноября 1918 г., а 11 февраля 1919 г. был избран рейхспрезидентом, однако еще до истечения семилетнего срока скончался 28 февраля 1925 г.

²⁰ **Фердинанд Август Бебель** (*нем.* Ferdinand August Bebel, 1840-1913), видный деятель германского и международного рабочего движения, марксистский социал-демократ, один из основателей и руководителей германской СДПГ и II Интернационала. Неоднократно избирался депутатом: рейхстага Северогерманского союза (1867-1870), Германской империи (1871-1913), за исключением 1881-1883, а также ландтага Саксонии (1881-1891). При этом многократно подвергался гонениям со стороны властей, в том числе находился в тюремном заключении и ссылке. После отмены «Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии», действовавшего в 1878-1890 гг., Бебель способствовал превращению СДПГ в массовую легальную политическую организацию, представленную в рейхстаге.

²¹ Весьма важное признание, учитывая, что именно Эберт возглавлял Веймарскую республику в драматические для фрайкоров месяцы второй половины 1919 г., когда они, несмотря на поддержку ряда общественных организаций Германии и властей Восточной Пруссии во главе с А. Виннигом, вынуждены были отступить из Прибалтики под давлением правительств своей же страны и Антанты.

²² По конституции 11 августа 1919 г. Веймарская республика была «рейхом», как и Германская империя, как и являвшийся ее продолжением Третий рейх. Традиционный русский перевод слова «рейх» как «империя» применительно к Германии не слишком точен.

был не доволен моей миссией, в такие-то времена. «Здесь все пошло под откос — и чего же вы там хотите?» — спросил он меня. «Чем же я здесь могу помочь?» — спросил я со своей стороны; в остальном же моя поездка оставалась в силе, а потому никаких намерений дать себя отговорить у меня не было. Однако озабочен я все же был, об этом я хотел поговорить с Эбертом. К нам поступили угрожающие сведения о подспудном брожении среди берлинских рабочих. В течение этого года рабочее движение в Берлине доставляло все больше забот. На их политических сходах воцарился до того чуждый им радикализм. Решения и резолюции почти всегда были столь экзальтированными, что их вообще нельзя было воспринимать всерьез. Теперь же я был озабочен тем, что части рабочих, источнику таких настроений, становившаяся все более напряженной обстановка шла только на пользу и побуждала проводить собрания и демонстрации, чтобы оказать давление на социал-демократическую фракцию в рейхстаге, а также изменить их тактику. В общественное обсуждение был уже вброшен вопрос об отречении кайзера. Любой ответственный человек в такой момент не мог думать об этом, исходя из абстрактных соображений, зато обязан был озаботиться практическими военно-политическими последствиями. При том состоянии, в котором находился наш испытывающий жесточайший натиск Западный фронт, я полагал возможные следствия вырванного у кайзера отречения весьма тяжелыми и опасался для рейха самого худшего, если дело дойдет именно до такого отречения. Эти опасения я и изложил Эберту. Мы бродили туда-сюда под куполом, Эберт слушал меня чрезвычайно серьезно. Я спросил, смогут ли партийное руководство и фракция выдержать натиск радикалов. Эберт был на этот счет весьма уверен и успокаивал меня, когда я прощался с ним: «Не беспокойтесь, мы не позволим, чтобы до этого дошло».

В ходе поездки я познакомился с бароном Карлом фон Мантейфелем-Кацдангеном²³. Это был истый «балтийский барон». Под

²³ **Карл Вильгельм фон Мантейфель-Кацданген** (нем. Karl Wilhelm Freiherr von Manteuffel(-Katzdangen) genannt Zoegel; 1872–1948), курляндский барон, крупный землевладелец, экономист, литератор и военно-политический деятель, выступавший за немецкое господство в Прибалтике. Высшее экономическое образование и докторскую степень в области философии и политики получил в Германии. Дворянством избирался в курляндский ландтаг от Митавы, а также на должность крайсмаршала в Газенпотте (ныне Айзпуте). 31 декабря 1905 г. в ходе революционных выступлений был сожжен родовой замок Кацданген,

этим определением у нас обычно понимают чуть ли не худший в политическом смысле из всех сортов людей, созданных Богом. Что же касается Мантейфеля, то я встретил в нем немецкого идеалиста, чего как раз в данном случае никак не предполагал. Теперь следует об этом сказать: он создал в своих владениях несколько крупных поселений, где возникло около 50 крестьянских дворов, для чего Мантейфель приложил немало средств. В ходе продолжительной беседы, предметом которой, естественно, было положение Германии на Востоке, Мантейфель проявил крайне примечательную неспособность анализировать внутривнутриполитические события. Он всегда исходил из весьма широко понимаемых национальных чувств и считал все внутривнутриполитические конфликты несущественными по сравнению с необходимостью обеспечить для немцев новую землю, что было возможно только путем колонизации. Мантейфель принадлежал к числу самых приятных балтийцев, которых я только знал.

В этой поездке, так же как и в первой, меня сопровождал доктор Буркхард из Гамбурга, который был прикомандирован к граж-

пострадали и другие имения семейства. Выступил основателем и с 1906 по 1911 г. председателем «Ассоциации немцев в Курляндии», объединявшей широкие круги балтийских немцев и уделявшей большое внимание развитию культурно-образовательной сферы и поддержке ремесел в остзейской среде. Организовывал массовое переселение немецких колонистов с Волыни и других регионов в Курляндию, численность которых к началу Первой мировой войны в губернии достигла 16 тысяч человек. В конце 1914 г. был выслан в Вятскую губернию. Летом 1917 г. бежал через Финляндию в Германию. Едва прибыв в рейх, он вызвался добровольцем во 2-й гвардейский драгунский полк императрицы Всероссийской Александры (*нем.* Garde-Dragon-Regiment Kaiserin Alexandra von Rußland Nr. 2), сражался в его составе на Восточном фронте и к концу войны был уже лейтенантом резерва, награжденным в том числе Железным крестом обоих классов. В 1918 г. вернулся в Курляндию, пытался «предложить» герцогскую корону Курляндии германскому императору. Вступил в Железную дивизию, воевал с Красной Армией в составе Балтийского ландесвера, союзного в этом вопросе латышским националистическим силам. Однако после вывода в 1919 г. немецких войск из Латвии под нажимом Антанты, правительства в Берлине и в результате ряда поражений в боях у Мантейфель-Кацдагенов решением властей Латвийской Республики окончательно конфисковали родовые замки и земли. В межвоенный период проживал в Берлине, занимался общественно-публицистической деятельностью. После нападения Германии на СССР, стремясь к реваншу, пожилой Карл Вильгельм фон Мантейфель-Кацдаген в Кёнигсберге получил подготовку в качестве зондерфюрера К вермахта (соответствовало званию ротмистра). В 1945 г. 73-летний фон Мантейфель был взят в плен войсками США, в 1946 г. освобожден, проживал в Баварии.

данской администрации прибалтийских территорий от полка пазевалькских кирасиров²⁴. Мы оба были жителями Гамбурга; так как мы были членами противоположных крыльев нашей партии, то до этого момента были знакомы друг с другом лишь бегло. Уже в ходе первой поездки мы с Буркхардом поговорили по многим вопросам, я встретил в его лице весьма богатого духовно человека. Длившиеся порой целый день поездки по курляндским проселкам мы использовали для длинных бесед, и так как Буркхард был в Курляндии уже три года²⁵, то он, естественно, великолепно знал и эту землю, и людей. Он любил Курляндию как свою родину. Из его семьи вышли многие опытные гамбургские офицеры; он был душой и телом ганзеец²⁶; однако ганзейство его было довольно тесно связано с немцами колонизируемых прибалтийских земель, а Рига с ее истинно немецкими домами и торговыми конторами у широкой реки Двина казалась ему просто городом-побратимом Гамбурга. Уже в ходе первой поездки мы существенно сблизились, а готовность, с которой Буркхард откликался на мои политические предложения, постепенно привела к таким отношениям между нами, которые основывались на взаимном доверии и симпатии.

Моя миссия сначала вновь привела меня в Ригу. Там была резиденция гражданской администрации прибалтийских стран²⁷, во главе которой стоял господин фон Госслер²⁸. Госслер был депу-

²⁴ То есть Буркхард был офицером 2-го кирасирского полка, стоявшего гарнизонам на севере Пруссии в померанском провинциальном г. Пазевальк (*нем.* Pasewalk).

²⁵ Таким образом, почти с самого начала оккупации: Курляндия была полностью занята германскими войсками к концу августа 1915 г.

²⁶ Имеется в виду житель одного из купеческих городов, входивших в Средние века в состав Ганзы. В широком смысле под ганзейцами принято понимать особый тип северных немцев с ментальностью торговцев и мореходов, главным образом жителей Бремена и Гамбурга, что сильно отличает их, например, от бренденбургцев и пруссаков. А. Винниг до войны жил главным образом именно в Гамбурге.

²⁷ Здесь: в безгосударственном значении слова «страна» (прибалтийские земли, занятые германскими войсками).

²⁸ **Альфред фон Госслер** (*нем.* Karl Max Eugen Alfred von Gofler; 1867-1946), профессиональный юрист, выходец из юнкерской семьи. В 1908-1918 гг. был членом прусской Палаты представителей, а с 1915 г. также и рейхстага. С сентября 1915 г. по ноябрь 1918 г. возглавлял гражданскую администрацию в Курляндии, имея резиденцию в Митаве. Пытался проводить взвешенную политику, учитывая интересы не только военных, но и местных помещиков, что приводило к разногласиям с Людендорфом.

татом от консерваторов в старом рейхстаге. Мы познакомились еще в ходе первой моей поездки и отнеслись друг к другу выжидательно и с недоверием. Когда я нанес ему визит и сообщил о моих планах и намерениях, он заявил, что никак препятствовать мне не будет, его только порадует, если мне удастся то, что не удалось ему и его чиновникам.

В течение всего нескольких дней я завязал так много контактов с латышскими национальными партиями, что их для моих целей уже было вполне достаточно. В письмах, переданных мне доктором Давидом, отправителем значился председатель совета рабочих Риги Кляйнберг. Сначала я никак не мог найти этого человека. Стал подозревать, что это — псевдоним. Мой друг Эмиль Краузе в Гамбурге называл мне имя некоего инженера Скубика²⁹, латыша и социал-демократа. Я разыскал его. Он тут же пригласил меня остаться у него на чай, и после нескольких часов оживленной беседы я получил очень неплохой обзор латышской партийной системы, а также основных ее представителей. С его помощью я смог опознать в таинственном Кляйнберге практикующего врача Калнина. Жена господина Скубика тоже была врачом³⁰, имела хорошую практику, и под таким прикрытием в этом доме часто собирались на совещания многие латыши-оп-

²⁹ **Эмиль Скубикис** (*латыш.* Emīls Eduards Skubiķis; 1875–1943), латышский инженер и политик. После окончания гимназии в Либаве участвовал в политической активности в качестве «новотеченца» — активиста сравнительно радикального латышского левонационального политического течения, тяготевшего на рубеже веков к марксизму и ставшего источником кадров как для большевиков, так и для правых социал-демократов. В 1898 г. был вынужден податься в эмиграцию. В 1900 г. выступил одним из создателей радикальной протопартийной сети — «Союза латышских социал-демократов Западной Европы», в котором сочеталась национальная и пролетарская риторика и делался упор на нелегальный завоз в Россию марксистской литературы через остзейские порты. Учился в Цюрихском университете, который окончил с квалификацией геолога. После возвращения в Ригу в 1918 г. был товарищем секретаря Народного совета Латвии («предпарламента») от Латвийской партии революционных социалистов, избирался в Учредительное собрание Латвии (1920–1922). Умер в Риге.

³⁰ Жена Э. Скубикиса — **Клара Гибшмане** (*латыш.* Klāra Hibšmane; 1878–1946), врач, член ЛСДРП. Первой из латышек получила степень доктора медицины (Бернский университет, 1906 г.). В Казанском университете получила право практиковать на территории Российской империи, работала в Вятской губернии, затем в клиниках Вены (Австро-Венгрия). В 1912 г. вернулась в Лифляндию, работала в сфере санитарного образования, в 1921–1939 гг. преподавала гигиену в Рижской городской 3-й гимназии. Оставила мемуары «Моя жизнь». Умерла в Риге.

позиционеры. Там я и познакомился почти со всеми латышами, которые позднее сыграли большую роль в политике.

Скубик был трудовиком³¹, то есть народным социалистом, а так как эта партия не продемонстрировала особенной жизнеспособности, он примкнул к Латышской социалистической рабочей партии, которую можно было бы сравнить с русскими меньшевиками и «независимцами»³² в Германии. Однако не следует слишком буквально приравнять эти понятия. Так называли свою партию сами латыши и сразу же выводили из этого право высказываться в самых несдержанных выражениях по поводу «социал-империалистов Эберта и Шейдемана»³³. При германской администрации они не больно-то преуспели, хотя помимо действительно опасных субъектов довольно жестко обходились и с людьми поистине безвредными. Германская социал-демократия помешать этому не смогла. Этим и было вызвано ожесточение, несколько смягченное только тем, что теперь я смог обещать определенные послабления и улучшение ситуации. В остальном же они вовсе не думали действовать в интересах латышской нации так же, как это делают по отношению к своему народу германские «независимцы»³⁴. Латышские социалисты были чуть

³¹ В оригинале Винниг цитирует русский термин в транслитерации. Следует отметить, что известная идейно-организационная неустроенность и оппортунизм многих местных политических активистов позволяли с равным успехом именовать Скубикиса трудовиком, энэсом, эсером, ассоциированным меньшевиком и т. п.

³² В апреле 1917 г. от СДПГ откололось ее левое крыло — НСДПГ, куда вступил ряд крупных политиков из фракции социал-демократов в рейхстаге. «Независимцы» сыграли важную роль в событиях Ноябрьской революции, однако так и не смогли найти свое место между умеренными социал-демократами, настроенными на союз с либералами и сотрудничество с военными, и требовавшими мировой революции коммунистами из группы «Спартак». После 1920 г. партия раскололась, левые вошли в состав КПГ, а правые вернулись в состав СДПГ.

³³ **Филипп Шейдеман** (нем. Philipp Heinrich Scheidemann; 1865–1939) был одним из самых известных лидеров правого крыла германских социал-демократов, а взятый им с 1 августа 1914 г. курс на «оборончество» и «гражданский мир» привел к тому, что его почти непрерывно проклинала большевистская пропаганда. В таком утверждении нет ничего удивительного, если принять во внимание постоянные компромиссы СДПГ с германским правительством, в том числе согласие, несмотря на все оговорки, на условия Брестского мира и Добавочного договора к нему от 27 августа 1918 г., определявшие судьбы Прибалтики без всякого учета мнения ее коренного населения.

³⁴ А. Винниг в 1920–1921 гг. продолжал вести ожесточенную политическую

ли не шовинистами, а когда я обратил их внимание на их же теоретическую установку на интернационализм, они оправдывали свое поведение словами: «Мы, латыши, — угнетенная нация!» А теперь таковой стали уже мы, немцы.

В лице врача Калнина³⁵ я познакомился с латышом-радикалом, причем самого резкого тона и непримиримых взглядов. Всякая беседа с ним после нескольких предложений превращалась в обмен резкостями, что доставляло немало забот и огорчений нашему любезному хозяину Скубику. В ходе войны несколько германских социал-демократов побывали в Риге. Двое из них — Эрнст

дискуссию с НСДПГ, обвиняя ее в прямом предательстве национальных интересов Германии ради большевистских (как он считал) идеалов. В конце 1920 г. левая часть НСДПГ действительно объединилась с компартией Германии, а в 1922 г. оставшиеся умеренные вернулись в состав СДПГ.

³⁵ Речь идет о **Паулсе Калниньше** (*латыш.* Pauls Kalniņš; 1872-1945), латышском враче и политике. После окончания гимназии в Либаве изучал естествознание в Московском университете и в 1898 г. получил диплом врача в Юрьевском (ныне Тартуский) университете. В политическую стихию окунулся в качестве «новотеченца». Участник революционных событий 1905 г., сотрудник редакции социал-демократической газеты «Борьба» (*латыш.* Cīņa). Несмотря на некоторый радикализм взглядов, с большевиками в идейных позициях и тактических вопросах разошелся, в 1918-1924 гг. председатель ЦК ЛСДРП. Видный парламентский деятель: числился по партийной квоте в составе Народного совета Латвии (1918-1920), провозгласившего 18 ноября 1918 г. независимость, избирался депутатом Учредительного собрания (1920-1922), принявшего конституцию (*латыш.* Satversme), был депутатом всех четырех Сеймов Латвии, неизменно председательствуя в них. После государственного переворота 15 мая 1934 г. и установления авторитарно-националистической диктатуры Карлиса Ульманиса он был заключен под стражу. В период установления советской власти в Латвии (1940-1941) репрессиям не подвергался. При этом его сын **Бруно Калниньш** (*латыш.* Bruno Kalniņš; 1899-1990), также бывший партийным социал-демократическим функционером, публицистом и депутатом всех Сеймов Латвии, по возвращении из политической ссылки в Швеции стал начальником полуправления Народной армии Латвии (с июля по сентябрь 1940 г.). В период нацистской оккупации П. Калниньш участвовал в подпольном «Латвийском центральном совете» (ЛЦС), отметившемся в 1944 г. рядом деклараций и меморандумов с призывом к германским властям и западным союзникам восстановить независимость Латвии. Незадолго до бегства состава ЛЦС из Риги от приближающейся Красной армии П. Калниньш был провозглашен в своем кругу «исполняющим обязанности президента государства» (на «основании» бывшего председательства в разогнанном Ульманисом Сейме). В ноябре 1944 г., при попытке бегства в Швецию, задержан немецкими моряками и препровожден в Данциг. Умер в Австрии.

Хайльманн³⁶ и Адольф Кёстер³⁷, который был потом министром иностранных дел в кабинете Мюллера, — позднее записали свои впечатления, вызвав известное озлобление латышей. Теперь все это мне и поставили в упрек. Я объяснил, что эти двое являются моими близкими товарищами по партии, считаются одними из лучших наших писателей и одной из самых крепких опор политики нашей партии. С господином Калниным я в пух и прах разругался, ведь его оскорбления в адрес германской социал-демократии переходили всякие границы, так что и мне пришлось грубить, потому человек этот отныне стал моим врагом. Отправленные им в Берлин жалобы, которые были переданы мне Давидом, как я выяснил, соответствовали действительности лишь в самой малой степени.

Совершенно иной тип являл собой доктор Мендер³⁸, глава журналистики латышских социал-демократов. Он был человеком

³⁶ **Эрнст Хайльманн** (нем. Ernst Neilmann, 1881-1940), германский политик, член СДПГ, в которой примыкал к крайне правому ее крылу, требуя во время Великой войны расширения территории Германии. Выходец из еврейской мелкобуржуазной семьи. Получил юридическое образование, возглавлял ряд партийных газет. Около года воевал добровольцем в кайзеровской армии, но после тяжелого ранения вернулся в конце 1916 г. в тыл. С 1919 г. член прусского ландтага, а в 1928-1933 г. депутат рейхстага, где яростно боролся с нацистами. Летом 1933 г. арестован, остаток своей жизни провел в концлагерях, казнен в Бухенвальде.

³⁷ **Адольф Кёстер** (нем. Adolf Köster, 1883-1930), германский публицист и политик, член СДПГ. В годы Великой войны был военным корреспондентом, работал и на официальную пропаганду. С 1919 г. занимал ряд постов в прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн, 10 апреля — 8 июня 1920 г. — министр иностранных дел в кабинете Г. Мюллера, 26 октября 1921 г. — 14 ноября 1922 г. — министр внутренних дел в правительстве Й. Вирта. Кроме того, в 1921-1924 гг. был членом рейхстага. В 1923-1928 гг. — был посланником в Риге, затем переведен в Белград, где и скончался.

³⁸ **Фрицис Мендерс** (латыш. Frīcis Menders; 1885-1971), латышский политик, публицист, видный участник социал-демократического движения (с 1904 г.). В 1907 г. бежал из ссылки в Енисейской губернии. С 1907 по 1917 г. жил в изгнании, изучал народное хозяйство, право и социологию в Вене, Берне и Брюсселе. В 1912 г. становится членом Зарубежного комитета Латвийской социал-демократической партии. В 1917 г. выбран членом исполкома Рижского совета рабочих депутатов, руководил его информационным отделом. После оккупации Риги германскими войсками участвовал в «Демократическом блоке», за что был исключен из партии. С 1918 г. член ЦК ЛСДРП, сторонник его левого крыла. Член Народного Совета, депутат Учредительного собрания, I-IV Сеймов. В 1931-1934 гг. председатель ЛСДРП. После государственного переворота 15 мая 1934 г. и установления авторитарно-националистической диктатуры Карлиса Ульманиса он был заключен под стражу. После освобождения в апреле 1935 г. из Лиепайского концлагеря работал пове-

спокойным, а в политических вопросах оппортунистом. За недолгое время владычества большевиков он так настрадался, что теперь непоколебимо отстаивал антибольшевистскую линию. Насколько я смог убедиться, он был единственным латышским социалистом, который действительно овладел социалистическими теориями. Он был искренним сторонником прогерманского курса. Германская же администрация всегда относилась к представителям таких кругов исключительно с полицейской, но только не с политической точки зрения.

Самым интересным человеком в этом кружке латышских политиков был, безусловно, доктор Вальтер³⁹. Этот человек учился в

ренным адвокатом, участвовал в деятельности нелегальной Латвийской социалистической рабоче-крестьянской партии. С установлением советской власти в 1940–1941 гг. — консультант отдела кодификации Наркомата юстиции Латвийской ССР. После Второй мировой войны Мендерс работал юрисконсультом в Наркомате местной промышленности (1945–1947) и Министерстве просвещения (1947–1948) Латвийской ССР. В 1948 г. арестован, находился в заключении. В 1955 г. освобожден из лагеря в Мордовской АССР, проживал в Латвии. Из-за острой антисоветской публицистики в 1960-е гг. вновь подвергался политическим репрессиям.

³⁹ **Микелис Вальтерс** (латыш. Mīkēlis Valters; 1874–1968), латышский юрист, публицист, общественно-политический деятель. В 1890-х — «новотеченец», увлекался рабочим вопросом. В период проживания в Германии контактировал с немецкими социалистами, как вольнослушатель посещал лекции по экономике, сельскому хозяйству, философии и химии в Берлинском университете. В 1897 г. вернулся на родину, где в Либаве был арестован за политическую деятельность. Осужден на 15 месяцев в Двинской крепости, потом был вынужден остаться в Двинске без права выезда. В 1899 г. приговорен к пятилетней ссылке, но бежал в Германию, затем перебрался в Швейцарию, где изучал юриспруденцию в Бернском университете. В 1900 г. вместе с единомышленниками Э. Ролавсом и Э. Скубикисом основал радикальную группу «Союз латышских социал-демократов Западной Европы», занимавшуюся доставкой марксистской литературы на родину. В 1903–1904 гг. редактор газеты «Пролетарий», в которой опубликовал статью «Долой самодержавие! Долой Россию!» (1903), впервые содержащую идею о необходимости независимого государства под названием «Латвия». После революционных событий 1905 г. бежал в Швейцарию, в Цюрихском университете защитил докторскую степень в области права. Порвал сотрудничество с РСДРП, сблизился с эсерами по вопросу индивидуального террора, пытался скрещивать национальные идеи с марксистским базисом. К 1917 г. националистические воззрения взяли верх, и Вальтерс наряду со своим другом К. Ульманисом создали Латышский крестьянский союз. В период немецкой оккупации Риги был идейным вдохновителем консультативного «Демократического блока», тесно контактировал с германскими властями, в том числе непосредственно в Берлине, входил в состав Народного совета, был первым министром внутренних дел во временном правительстве Ульманиса (1918–1919). В дальнейшем находился

Германии, а затем много лет был в Риге корреспондентом газет германских профсоюзов, но порой писал и для газет социал-демократической партии. Потому он считался настолько прогермански настроенным, что с началом войны был интернирован русскими. Но он бежал в Финляндию, где скрывался у также прогермански настроенного главы округа, пока не сумел добраться до Скандинавии. В октябре 1918 г. он получил от германского правительства разрешение на поездку в Ригу и прибыл туда почти в то же время, что и я в Берлин. Он написал книгу о латышской политике и показывал мне выдержки из нее, но она, однако, так никогда и не вышла. При первых наших встречах он еще держался как друг Германии, но позднее свою позицию изменил.

Я довольно быстро добился политического взаимопонимания с местными социалистами, к которым тогда должен был причислять и доктора Вальтера. Они были искренними противниками Антанты, но также и врагами старой Германии, однако они верили, что смогут сотрудничать с будущей Германией, новой. В наших беседах мы смогли непринужденно обсудить формы, в которых позднее может происходить наше взаимодействие. Латыши при этом выступали за полную самостоятельность и отказывались от союза с Эстонией и Литвой. На мои возражения, что подобная балканизация всего региона недопустима прежде всего с экономической точки зрения, что образование таких новых карликовых государств с марксистской точки зрения попросту не выдерживает критики, ничего существенного возразить они не смогли, однако мнения своего не изменили.

Через все буржуазные латышские партии прошла глубокая трещина. Причиной тому была внешнеполитическая ориентация. Прогермански настроенная латышская буржуазия всеми прочими рассматривалась как предатель национальных интересов, ее избегали словно чумы. Эта группа оставались в меньшинстве. Большинство же латышской буржуазии или же интеллигенция, ведшая образ жизни пролетариата, хотя и жившая куда лучше, чем громадное большинство крестьянства, склонялась к Антанте и была крайне антигермански настроена. Она распадалась на четыре-пять партий, в рамках которых в самых различных сочетаниях встречались демократические, националистические

на дипломатической работе, посол в Италии, Франции, Польше, Бельгии и др. странах. После установления в Латвии советской власти жил в эмиграции в Бельгии, Швейцарии и Франции.

и радикальные воззрения. Крупнейшей по численности и влиянию группой был Крестьянский союз, руководил которым Карл Ульманис⁴⁰, однако с ним я познакомился позднее, когда мы оба уже были при должностях и соответствующих полномочиях. Латышская интеллигенция была настроена радикально, и если я сделаю исключение для Вальтера и Ульманиса, а также еще пары социалистов, то среди них не останется ни одного человека, который имел хоть какое-нибудь значение. Ульманис и Крестьянский союз по политической окраске были умеренно-либеральными, а прогерманская латышская буржуазия сильно тяготела вправо. Таков был пестрый спектр политических партий этого небольшого народа численностью в 900 тысяч человек⁴¹. Однако, помимо этого, были еще и большевики, имевшие прочную опору в некультурных слоях пролетариата, оставлявшую далеко в тени тех, кто был приверженцем меньшевиков. Почти ежедневно проходили тайные совещания партий, в которых зачастую принимал участие и я. При этом на улице и при входе в дом на всякий случай выставлялись посты. Однако же я позаботился, чтобы этим заседаниям не мешали, о чем я, конечно, латышам ничего не говорил, чтобы не возбудить их недоверия и не лишать их романтического и приключенческого флера, доставлявшего им столько радости⁴². Кстати, осведомительная служба тайной

⁴⁰ Даже прекрасно знакомый с Ульманисом А. Винниг в немецком тексте продолжает упорно использовать прежний немецкий вариант его фамилии — Ullmann, так же как и по отношению к остальным латышским политикам. Во избежание путаницы в русском тексте приведен привычный, хотя и так же не слишком точный, но устоявшийся в русской традиции вариант ее написания.

⁴¹ Неизвестно, на чем основывает такую оценку численности латышей А. Винниг. Возможно, он имеет в виду численность этого народа в границах лишь трех остзейских губерний, без учета латышей во внутренних губерниях России и за рубежом. Учитывая, что на территории современной Латвии даже после эвакуации, переселения и бегства от военных действий сотен тысяч и гибели десятков тысяч оставалось к 1919 г. не менее 1,4 миллиона человек, до 70% из которых полагали себя латышами, такая оценка выглядит несколько заниженной. Вероятно, Винниг руководствовался немецкой пропагандой, пытавшейся целый ряд категорий населения включить в состав «русских» или «немцев» в связи с существенной проблемой в становлении национальной идентичности у многих жителей бывшей Российской империи. См., подр.: *Манаков А., Чученкова О.* Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М., 2016. С. 20–38.

⁴² Замечательное объяснение своей фактически разведывательной деятельности в качестве внедренного агента.

полевой полиции работала так плохо, что, как правило, ей не были известны даже фамилии весьма активно действовавших персон, в то время как сами они полагали, что следят за каждым их шагом, и порой бродили по городу целых полчаса, прежде чем направиться к месту очередного совещания, до которого могли бы при желании дойти за три минуты.

Эти совещания были посвящены подготовке к провозглашению латышской республики. Противоречия между прогерманскими социалистами и проантантовскими радикальными демократами и прочими были, однако, столь острыми, что до объединения так и не дошло. Я известил германскую гражданскую администрацию, что, возможно, вскоре будет провозглашена свободная Латвия, и потребовал, чтобы к этому отнеслись с пониманием, а с латышами и правительством вступили в переговоры. Господин фон Госслер пришел в ужас. Я же опасался, что в противном случае будут повторены прежние ошибки, которые принесли нам столько вреда, и рассматривал возможность срочного отъезда в Берлин, чтобы там убеждать в пользу такого мнения. Однако уже ощущалось, что здесь дело идет к решительному повороту, а потому уезжать было никак нельзя. Под влиянием этих сомнений я и решился ускорить поток событий. Теперь уже я сам посоветовал латышам сформировать Национальный совет, а на его основе образовать и временное правительство. Это произошло 31 октября на совещании, проходившем в конторе латышского общества взаимного кредита⁴³. Я тут же предложил текст прокламации, где говорилось о признании факта оккупации Германией и выражалась готовность к сотрудничеству с оккупационными властями

⁴³ В Риге в этот период было несколько латышских обществ взаимного кредита со схожими названиями, которые могли предоставлять явку для политических совещаний активистов национальной буржуазии и небольшевистских социалистов. Известно, однако, что вечером 17 ноября 1918 г. именно в помещениях 2-го Рижского общества взаимного кредита (*латыш.* 2. Rīgas savstarpējā kredītbiedrība), основанного еще в 1883 г., было оформлено создание Народного совета, товарищем председателя которого стал руководитель этой кредитной организации, рижский городской голова и будущий президент Латвии в 1927–1930 гг. **Густав Земгалс** (*латыш.* Gustavs Zemgals; 1871–1939). В то время он был одним из трех руководителей небольшой Латвийской радикально-демократической партии, возникшей весной 1917 г. и сохранившейся в Риге под немцами осенью 1918 г. в виде подпольного политкружка. Адрес явочной кредитной конторы и места жительства Земгалса: Рига, ул. Суворова, д. 3 (названа в честь губернатора Прибалтийского края А. А. Суворова, внука прославленного российского полководца; с 1923 г. и ныне ул. Кр. Барона — латышского фольклориста, собирателя народных песен).

в соответствии с принятыми в Гааге принципами управления территориями, занятыми в ходе военных действий. Со своей стороны, я обещал заручиться поддержкой этого акта со стороны балтийских немцев, а также потрудиться, чтобы, пока не поступит признание из Берлина, к этому сочувственно отнеслись местные германские инстанции. Также я заявил о своей готовности отправиться вместе с делегацией к германскому правительству и там оказать ей всяческую поддержку. Латыши были поражены дерзостью такого предложения, а Вальтер сказал, что им надо бы сначала обсудить его. Я оставил их. Спустя некоторое время ко мне в соседнюю комнату пришел один из латышских социалистов и заявил, что предложение придется отклонить. Проантантовски настроенная латышская буржуазия не желает получать независимость милостью Германии и использует мое предложение только для того, чтобы загнать их, социалистов, в ловушку. Сделать же такой шаг в одиночку социалистов уговорить было невозможно, ведь даже самым фактом контактов со мной они оказались сильно скомпрометированы в глазах германофобов.

Эта неудача развеяла многие мои надежды. Мне стало ясно, что в связи с прискорбным итогом войны вскоре должен наступить момент, когда мы здесь уже больше ничего не будем значить. Затем последует и провозглашение независимости — однако уже против нас, а вся Прибалтика станет сателлитом Англии.

На следующий день я выехал в Эстонию.

III. У ЭСТОНЦЕВ

Когда в ходе первой моей поездки я посетил Дерпт⁴⁴, пребывание там показалось мне чуть ли не праздником. Сады и леса стояли во всех красках осени. Куда ни взгляни — ясные лучи солнца и пестрая листва. Город, над которым возвышалась колокольня, выглядел так, что мог бы находиться и в Саксонии, и в Тюрингии — настолько истинно немецким и уютным показался он мне. Германская гражданская администрация и представители эстонской общины, действовавшие с ней на редкость слаженно и в сердечном согласии, а также оккупационные войска в отличной форме и в полном порядке, оживленная и функционирующая полностью на немецком высшая школа: таким для меня остался Дерпт, одно из самых приятных воспоминаний, так что после 12-часовой поездки я с радостью вышел из вагона, когда там остановился поезд. Однако теперь над всей округой лежал морозный туман. В офицерском собрании, где я квартировал, я увидел удрученные лица, прислуга была небрежна и ленива, а довольствие — словно в берлинских ночлежках. Я быстро привел себя в порядок и отправился в город. По дороге я встретил одного офицера, с которым познакомился еще в первой поездке. «Поглядите-ка! Да что это Вы здесь делаете?» — спросил он. Разумеется, я не мог ему рассказать, что здесь делаю.

В Дерпте я не знал никого из того круга людей, что мне был нужен. Я спрашивал латышских социалистов. Однако с тем же успехом я мог бы спрашивать адрес в государстве мормонов. Латыши и эстонцы терпеть друг друга не могут и, несмотря на то что живут рядом друг с другом, никаких отношений не поддерживают. Горожане-эстонцы, которых я навестил, не смогли мне помочь. В конце концов в редакции немецкоязычной «Дорпатер Цайтунг» я узнал, что в Дерпте есть социалисты, причем лидером

⁴⁴ Хотя со времен Александра III городу было возвращено его исконное название Юрьев, немец А. Винниг его никогда не использовал. К тому же в период его недолгой немецкой оккупации в феврале—декабре 1918 г. были приложены все усилия, чтобы сделать город цитаделью германского культурного влияния, основой которого должен был стать торжественно открытый и подчеркнuto немецкоязычный Дерптский университет. Эстонское название — Тарту — тогда не употреблялось, вероятно, никем, кроме некоторой части самих эстонцев.

их следует полагать некоего господина Янсена. Я разыскал его: это оказался небольшого роста блондинистый и запуганный юрист из конторы, который как раз в это время готовился к свадьбе и собирался идти на венчание. И так как, следовательно, в тот момент времени у него было, я договорился встретиться с ним поздно вечером. Оставшееся время я использовал для посещения эстонского музея, где были выставлены некоторые образцы народного творчества. Крестьянские орудия труда и костюмы, доисторические, как правило, еще эпохи железного века клады, древнеримские серебряные и древнерусские медные монеты, образцы оружия времен Северной войны⁴⁵. Молодая эстонка, распорядившаяся в музее, была не особенно благожелательно ко мне настроена и ответы свои сопровождала враждебными взглядами. Когда я спросил, неужели у Эстонии вообще нет литературных памятников, она густо покраснела и сказала: «У эстонской литературы нет прошлого, но есть будущее!» Сколь к лицу ей была эта национальная гордость! Когда, уходя, я положил банкноту в 10 марок в выставленный для добровольных пожертвований на содержание музея ящичек, она уже начала прощать мне то, что я являюсь немцем.

С господином Янсенем мы встретились, как и договаривались. Он к беседе подготовился. На меня обрушился сокрушительный поток тяжелых обвинений на небезупречном немецком. Он показал мне фотографию. На ней был изображен берег реки неподалеку от города, покрытый множеством трупов. «Это сделали немцы! Они расстреляли там мирных крестьян! 60 убитых!» В ответ на дальнейшие расспросы я узнал, что расстрелянные были эстонскими максималистами, которых подозревали в связях с большевиками. Я принял длинный список арестованных и записал все данные к нему пояснения. Более всего задел меня приговор 12 членам распущенного германскими военными властями ландтага, Маапяэва⁴⁶, осужденным на 15 лет тюрьмы за то, что они вопреки запрету собрались на заседание. У меня вовсе

⁴⁵ А. Винниг не указывает какой, так как, по-видимому, не располагает должной информацией, у него эта война и вовсе — «северная», одна из войн на севере. И все же речь идет о войне, которая называется Северной в России, то есть 1700–1721 гг., а не о Северной войне 1655–1660 гг., развернутой Швецией и ее союзниками против Речи Посполитой и ее союзников.

⁴⁶ А. Винниг в оригинале попытался передать этот эстонский термин (Мааряев) транслитерацией, но не слишком точно.

не было намерения пытаться восстановить уже сломанную систему. Я знал также, что у этой системы есть и немалые заслуги, ведь она смогла быть бесспорно полезной в этой стране. И все же я устыдился и долго не мог смотреть эстонцам в глаза. Теперь я знал, что если между нами нет никакой дружбы, то вина в этом не только латышей и эстонцев.

Политические устремления этого эстонца-социалиста были направлены на воссоединение с Россией. Он не особенно высоко ставил эстонскую независимость. «Мы — слишком маленький народ и живем в слишком важной с военной и торгово-географической точек зрения стране, чтобы иметь возможность на чем-то основывать нашу независимость», — говорил господин Янсен. Он отказывался и от союза Литва — Курляндия — Лифляндия — Эстляндия: «Между эстонцами и латышами никакой союз невозможен». В отличие от латышских социалистов, он был незнаком с ситуацией в германской социал-демократии, а потому полностью оставался в русской системе координат и представлял себя как «минималиста»⁴⁷, хотя и не безоговорочно отрицал большевистское господство в Эстляндии.

Вечером он привел меня в дом господина Лухта⁴⁸, совершенно отъявленного мерзавца, чья ненависть к немцам, хотя она и скрывалась под маской благонамеренного мещанина, вызывала у меня раздражение. Мы просидели несколько часов в полной темноте из-за опасений быть обнаруженными и арестованными. По ходу продолжительной беседы, в ходе которой я был лишь слушателем, ничего — кроме жалоб и рассказов о делах арестованных — достигнуто не было. Дорога домой проходила через заброшенные дворы и сады, так как господин Янсен был весьма озабочен тем, чтобы остаться на свободе. Когда же я с ним прощался, он еще раз высказал свои опасения насчет того, что его, вполне возможно, попросту расстреляют. Я успокоил его и на всякий случай дал ему свою карточку и мой адрес на ближайшие

⁴⁷ Имеется в виду представление себя в качестве меньшевика (что, впрочем, в условиях осени 1918 г. вовсе не означало четкую партийную привязку).

⁴⁸ Вероятно, речь идет о **Генрихе Иоганне Лухте** (эст. Heinrich Johann Luht; 1865-1943), эстонском фармацевте-предпринимателе и политике. В 1917 г. избирался мэром Дерпта (Тарту). Генрих Лухт был одним из тех представителей Временного правительства Эстонии, которые 19 ноября 1918 г. подписали так называемый договор о передаче власти, в соответствии с которым Германия формально передала власть эстонцам на территории Эстонии. Германию представлял А. Винниг.

дни, чтобы он смог известить меня, если с ним действительно что-то случится. Его никто не тронул. Я поспешил на станцию, чтобы ехать дальше, в Ревель.

Для меня специально оставили мягкое купе, так что я сел в вагон и закрылся у себя. Поезд долго стоял — так что я расположился поспать. Но тут в дверь постучали. «А стучат безо всяких церемоний!» — подумалось мне, но я хотел поспать без вшей. Там стучали, угрожали — я оставался невозмутим, ведь у меня не было никакого желания делиться местом с каким-нибудь завшивевшим жителем Востока⁴⁹. И тут я услышал, как кто-то сказал кондуктору по-немецки: «Я сейчас еду из Брюсселя и в пути уже третью ночь». Тогда я открыл. Вошел господин, извинился за вторжение и представился: «Доктор Рорбах». «Ах, да если бы я знал!» — теперь уже извинился и я. Это был Пауль Рорбах, знаменитый писатель и специалист по международной политике⁵⁰. Он ехал из Брюсселя⁵¹, имея миссию в Ревеле. Мы оба очень устали и потому отложили беседу до утра. Ночь оказалась нам долгой из-за холода, но в конце концов над широкой заснеженной равниной забрезжил бледно-розовый новый день. Немного хлеба, чуть рома, сигарета — и вот машина уже на ходу.

⁴⁹ В военное время для таких опасений были все основания безотносительно этнической принадлежности соседа, однако германская пропаганда сделала все, чтобы выставить источником вшей исключительно жителей Российской империи, хотя вшей было предостаточно на любых фронтах и у всех народов.

⁵⁰ **Пауль Рорбах** (нем. Paul Rohrbach, 1869–1956) был балтийским немцем, родился недалеко от курляндского Гольдингена (Кулдиги). Учился в Юрьеве и Берлине, стал теологом. Остался жить в Кайзеррейхе. Предпринял ряд путешествий по Ближнему Востоку и Средней Азии. Был колониальным чиновником в Германской Юго-Западной Африке, однако к 1910-м гг. основной его сферой деятельности стала публицистика. Считался специалистом по России, а также горячим сторонником колониальных и колонизационных проектов, исходя из националистических воззрений. Вместе со своим земляком Т. Шиманом в годы Первой мировой войны, выступая с русофобских позиций, стал теоретиком будущего отделения от России буферных государств, включая Украину. При этом был противником пангерманцев, выступая с позиций культурной немецкой экспансии. После Великой войны, будучи близок к виднейшим историкам и социологам своего времени, продолжал общественно-политическую деятельность. При нацистах отошел от дел; относился к ним отрицательно, несмотря на сходство в идеалах экспансии на восток. Оставил громадное письменное наследие.

⁵¹ Брюссель был оккупирован германскими войсками в самом начале Великой войны, 20 августа 1914 г., в результате нападения на нейтральную Бельгию, отказавшуюся предоставить свою территорию для прохода германских войск на территорию Франции.

Доктор Рорбах был удручен развитием событий. Мы говорили о необходимости заключения перемирия. Кто же теперь будет ее отрицать? В Брюсселе и Лилле полным-полно дезертиров. А теперь еще и дома! Я услышал цифры, которые мог бы счесть сказочными⁵². Как следует относиться к Вильсону⁵³? То ли он скрытный, законченный негодяй или действительно человек чести, которым хочет казаться? Теперь же было, в принципе, неважно; с того дня, когда утихнут пушки и будет положен конец войне, он всем остальным будет уже не нужен. Тогда он сможет взять в золотую рамочку как ценную реликвию свои «14 пунктов» — а остальным уже не придется принимать их во внимание, они будут наслаждаться победой. Таково было мнение Рорбаха⁵⁴.

⁵² Летом-осенью 1918 г. боевой состав германских войск на Востоке существенно сократился. И не только из-за тяжелых боев с наступающей Антантой, но и из-за большого количества дезертиров, симулянтов, «отставших от частей», не вернувшихся из отпуска и т. д. Именно эта категория солдат, устроивших что-то вроде скрытой «военной забастовки», и стала основной движущей силой революции в Германии. Численность ее оценивается как минимум в несколько сотен тысяч человек.

⁵³ **Вудро Вильсон** (англ. Woodrow Wilson, 1856–1924) в 1913–1921 гг. был президентом США. Стал одним из идеологов нового мирового порядка, архитектором мирных переговоров с Германией и основателем Лиги Наций. До сих пор его имя упоминается главным образом в связи с его 14 пунктами, то есть принципами предполагаемого переустройства «мира, подготовленного к демократии», озвученными в январе 1918 г. Впрочем, лишь единицы из перечня этих пунктов были частично претворены в жизнь, да и то касавшиеся не Германии или России, а в основном Бельгии, Польши, Франции и Турции. Читатель может сравнить реалии Гражданской войны и иностранной интервенции в России с патетикой 6-го пункта Вильсона: *«Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий».*

⁵⁴ Если Винниг не преувеличивает, то Рорбах оказался проницательнее очень многих в Германии. Принимая знаменитые 14 пунктов Вильсона за основу, германское руководство не слишком отдавало себе отчет в том, как будет выглядеть их реализация под диктовку Антанты. Иллюзии, что на основе 14 пунктов и будет в буквальном смысле построен Версальский договор, продержались в Германии

А здесь, на севере? Слишком поздно — и слишком много глупостей сделано: теперь уже, судя по всему, ничего не спасти. Я с такими взглядами спорил. Да, положение на морях потеряно, дорога на Запад закрыта, однако здесь путь следует оставить свободным — это наш проход в мир!⁵⁵

К обеду мы прибыли в Ревель. Отдохнув несколько часов, я отправился через весь город в порт. На рейде стояла на якоре пара пароходов водоизмещением в 3 тысячи тонн. Приехала военная машина, которая должна была доставить меня к капитану округа, ожидавшего меня к кофе. Я отказался и обещал быть к вечеру. Между тем быстро стемнело, а потому мне оказалось непросто отыскать свое доверенное лицо. Им был чиновник юстиции Кёстер, жившей на Форштадтской улице. Когда я добрался туда, было уже совсем темно. Единственным источником света на всю округу была отсвечивающая красным пивная. Ломая спички, я пытался разглядеть номера домов на дверях. Когда же я наконец нашел нужный мне, дверь оказалась запертой. Я постучал. Из глубины донесся отдаленный шорох. Затем все вновь стихло. Я продолжал стучать. Изнутри явно прислушивались, опять-таки из страха быть арестованными. После изрядной проверки моего терпения на прочность и долгого стука в окне появилось существо мужского пола, разговаривавшее женским голосом. Я отвечал, что я — германский социал-демократ и желаю переговорить с Кёстером. Затем дверь открыли, а я в темноте стал на ощупь протискиваться вперед и вверх, ориентируясь на указания голосом. Наверху я оказался в темной комнате и стал ждать. Спустя продолжительное время пришло какое-то создание женского пола с маленькой лампочкой, поставило ее на столик передо мной так, что свет бил прямо мне в лицо. Когда же оно удалилось, дверь осталась приоткрытой на ширину ладони, и когда я стал вглядываться в этот просвет, то заметил там, за дверью, какого-то мужчину. Тогда я встал, открыл дверь и заявил: «Если вы — советник юстиции Кёстер, оставьте в конце концов эти

до 7 мая 1919 г., когда подготовленный Антантой без участия Германии проект договора был предъявлен проигравшей стороне. Он шокировал немцев, а сам Вильсон вскоре убедился, что не в состоянии каким-либо образом помешать Англии и Франции извлечь максимум из поражения Германии.

⁵⁵ Сам же Винниг явно отражает еще одну довольно устойчивую германскую иллюзию тех месяцев, что Антанта, добившись своего на Западном фронте, позволит Германии сохранить существенную часть полученного по Брестскому миру на Востоке.

излишние церемонии. Я приехал из Германии; меня направил к вам господин Янсен из Дерпта». Это был Кёстер. Он вошел, поприветствовал меня и извинился за всю эту шпионскую романтику, оправдываясь серьезной опасностью и необходимой поэтому осторожностью.

Мы прошли в заднюю комнату, где ненадолго остались одни, и я разъяснил ему цели моего визита. Он попросил разрешения привлечь к переговорам остальных «товарищей из исполнительного комитета». Меня это устраивало. Тогда он что-то крикнул в проход, и из-за двери тут же явились несколько человек, которые до этого скрывались в соседней комнате. Я попал как раз на заседание исполнительного комитета, которому очень помешал мой настойчивый стук в дверь, так что все уже готовилось бежать. Относительно последовавшей беседы я могу судить только по памяти, ведь те заметки, что я сделал тем же вечером и переслал на следующий день, до цели не дошли и были утрачены. Для начала следует отметить, что и здесь были настроены прорусски. На передний план выдвигались куда более проблемы социальной, нежели национальной борьбы. Ненависть к немцам также объяснялась с социальной точки зрения: против старого господствующего слоя, состоявшего из немцев-помещиков, — по традиции, а против Германской империи — так как она, будучи страной-оккупантом, вместо декретированного еще до ее вторжения 8-часового рабочего дня ввела 10-часовой, а также издала запрет на проведение забастовок.

На следующий день — было воскресенье, 3 ноября — прошло тайное заседание подпольного Совета рабочих депутатов. Я принял в нем участие. Кёстер доставил меня туда из «Золотого Льва», мы наняли дрожки, проехали изрядный кусок пути, а потом пошли пешком в совершенно ином направлении. То были меры предосторожности на случай слежки. На далекой окраине города мы зашли в маленький домик, где и собрался рабочий Совет. Однако никакой организации, собственно, не было. Совет рабочих депутатов состоял из примерно 20 человек, которые и были избраны в исполнительный комитет. Впервые я столкнулся здесь с этой принятой на Востоке системой рабочих организаций, принципиально отличавшейся от германского образца. Германская система функционировала снизу вверх: масса выбирала и контролировала вождей. В восточноевропейской же системе тот, кто полагал себя для этого подходящим, хватался за бразды руководства и ставил задачи

и дисциплинировал массы, а также и тиранствовал над ними, если того требовали его планы. Германская система по существу своему демократична, восточноевропейская почти всегда ведет к диктатуре. В обеих этих системах дает себя знать истинная суть массы. Германский рабочий обладает слишком развитым самосознанием, чтобы позволять использовать себя как пешку. Восточный европеец, не имея опыта и практики демократии, подчиняется диктатуре своих вождей как чему-то само собой разумеющемуся⁵⁶.

С такими мыслями я и следил за ходом совещания. Говорили в основном по-эстонски — потому я полагался лишь на перевод Кёстера на немецкий. Говорили о снабжении продовольствием и о проблемах на производстве. Рассуждали степенно, без оживленности, характерной для латышей, — другая раса. Спустя некоторое время я захотел взять слово, так как чувствовал себя не вполне уместным здесь и собирался уходить. Я произнес несколько слов о преследованиях, о которых мне и здесь рассказали немало. Однако не следовало возлагать вину за них на немецкий народ — мы их не одобряем и хотели бы сделать так, чтобы теперь было иначе. Меня спокойно выслушали, мои слова переводил молодой Мартна⁵⁷, мне пожимали руки. Уже на улице Кёстер сказал мне, что это хорошо, что я ухожу, ведь собрались вообще-то для подготовки к экономическим мерам борьбы, а рабочие в присутствии немца совещаться об этом никак не могут.

Остаток дня я провел в пеших прогулках в одиночестве и уже на заходе солнца поднялся к старому орденскому замку. На западе в красной дымке заходил солнечный диск. С равнин на востоке тянуло бледным туманом, который оседал на семисотлетних стенах крепости на холме, — я прощался с Ревелем.

⁵⁶ Разумеется, данные рассуждения А. Виннига куда более характеризуют его самого и его стереотипы, нежели действительную обстановку в германском и «восточноевропейском» рабочем движении.

⁵⁷ **Ханс Мартна** (*эст.* Hans Martna; 1890–1941), эстонский юрист и политик. Член Учредительного собрания (1919–1920), депутат I Рийгикогу (парламента) от социал-демократов, в 1922 г. сложил мандат, в 1923–1928 гг. управляющий делами Рийгикогу, затем присяжный адвокат в Таллине, редактор газеты «Голос рабочих» и член Совета рабочих домов. Арестован НКВД в 1941 г., погиб в заключении в Пермской области РСФСР. Назван Виннигом «молодым», так как являлся сыном одного из лидеров эстонских социал-демократов **Михкеля Мартны** (*эст.* Mihkel Martna; 1860–1934), члена Учредительного собрания и депутата всех пяти составов Рийгикогу.

IV. Интермедия

По-русски широкая⁵⁸ однопутная магистраль Ревель — Рига и во время германской оккупации обслуживалась местным, по большей части латышского происхождения персоналом. При первой моей поездке в сентябре я ничего особенного в процессе эксплуатации не заметил; хотя случались довольно существенные опоздания, все же служащие были вполне вежливы и соблюдали порядок. Теперь было иначе. Люди кругом шипели только на своем языке и давали понять, что испытывают к нам не особенно добрые чувства. Ночью было много ругани между железнодорожниками и проезжающими германскими солдатами. А я лежал на своей полке и никак не мог уснуть.

Внезапно прямо по ходу поездки раздался жесткий удар, да такой, что я скатился с полки, однако в момент опомнился и вскочил на ноги. Раздалась смесь лязга, грохота и криков — и поезд остановился. Я выглянул наружу — была еще глубокая ночь. Впереди в темноте стоял под полными парами локомотив. На фоне красных отблесков мимо проскользнули две тени. Из вагона передо мной вышла группа людей, но очертаний было не разобрать. Фонари загорелись, потухли и зажглись вновь. Тут же ночь разрезал поток голосов — обрывки слов, имена, приказы... И вдруг стало ослепительно светло. Взвился сполох огня. Потом он исчез — но свет остался — а вот и опять. Порывы ветра бросали пламя из стороны в сторону. Поезд горел. Я собрал свой багаж и вышел из вагона. Теперь стало видно: вся железнодорожная насыпь уже была заполнена народом — навстречу шли какие-то темные фигуры с мерцающими фонарями. Я прошел чуть вперед и наконец увидел всю картину. Мы столкнулись с другим поездом, небольшим товарняком. Оба локомотива, по-видимому, не слишком пострадали. Из всех швов пробивался пар, однако в остальном котлы были целы. Зато следующие за локомотивом нашего поезда вагоны были разбиты. Один из них горел. Мощно

⁵⁸ Немцы всегда подчеркивали различие между магистральями, построенными по русскому стандарту (1520 мм), и железными дорогами с европейской колеи, так как это имело военное значение, а в ходе обеих мировых войн обеими сторонами принимались немалые усилия по перешивке некоторых участков магистралей на удобную для себя колею.

гудело пламя. Это были вагоны, в которых небольшая сопровождающая команда везла несколько лошадей. Два солдата получили ранения — они уже лежали в отвсечивающей серебром траве у насыпи. Вокруг них суетились, принесли одеяла и оттащили их вверх по склону. При этом посмеивались. У солдат были лишь легкие травмы, и они быстро оправались настолько, что ели, пили и рассказывали. Несколько лошадей погибло. Уже прибирались, куски трупов животных разбросало по полю. А затем появились костры — два, три, пять, а вокруг огня сидели мы — солдаты и гражданские лица, мужчины и женщины — и стали доставать съестные припасы, а также трубки и сигареты. Было три часа ночи. Мы все еще были в Эстонии, в каком-то ельнике, а сбоку уже начиналась безлесная пустошь. Тут же стали рубить деревья, чтобы пустить на дрова, играть в азартные игры, пели, болтали и протягивали то руки, то ноги к теплomu огоньку. А в это время вокруг поезда хлопотали, и постепенно стал заниматься бледный холодный день.

Где-то к середине утра мы смогли поехать дальше. Днем были в Ригу.

Здесь я узнал, что в соответствии с моими предложениями жалование рабочим на военных заводах подняли примерно вдвое⁵⁹. Однако на разрешение образовать рабочие комитеты осмелиться пока никак не могли. Тут была все та же картина — жалели палец, а вскоре пришлось бы отдать всю руку — *principiis obsta*⁶⁰ — и все в таком духе. Я никак не мог этим удовольствоваться и решил ехать в Либаву, где был один из крупнейших военных заводов, чтобы там попытаться реализовать свой рецепт. Однако сначала я должен был принять участие в заседании Балтийского ландесрата. Этот Балтийский ландесрат был не чем иным, как своего рода эрзацем парламента лишь на военное время. Он состоял пока что из 60 представителей местного населения: немецких, латышских и эстонских крупных помещиков⁶¹, горожан и крестьян. Мне было неизвестно, было ли это собрание образовано с помощью формальных выборов, но предполагаю, что кандидаты

⁵⁹ Подняли его не благодаря только лишь предложениям А. Виннига, а в запоздалой попытке упредить революцию, до которой оставалось уже менее недели.

⁶⁰ *Principiis obsta* (лат.) — цитата из Овидия, буквально — «противодействуй вначале».

⁶¹ В действительности немцы составляли в нем почти 90%, так что представительство эстонцев и латышей было скорее демонстративным.

туда были вызваны по предложению рыцарства и биржевого комитета (торговой палаты). Ландесрат был, естественно, настроен прогермански, он принимал уже позабытое сегодня решение об образовании Балтийского герцогства⁶². Однако по отдельным вопросам сельского хозяйства он отнюдь не был простой машиной для поддакивания, здесь были себе на уме, а свои замыслы отстаивали жестко и умело. Среди его членов эстонской и латышской национальности было несколько неплохих умов. 6 ноября ландесрат заседал в последний раз. Начало было довольно торжественное. Священники предварили его проповедями на всех трех языках. Открывал заседание командующий армией⁶³. Затем руководство принял на себя президиум, а потом последовали доклады, дебаты и голосования. Должен заверить, что в этом был мало задействован.

В Риге вот уже несколько дней не выходили немецкие газеты. Я напрасно искал во всех магазинах и лавках. 5 ноября я провел весь вечер у Скубика. Он, шепотом и сияя от радости, сообщил мне, что в Германии началась революция. Ничего наверняка он не знал. Передавали украдкой только слухи — но откуда они приходили, никто не знал.

Мы говорили об этом несколько часов, однако безрезультатно и были не согласны друг с другом в самом главном.

«Это — спасение. Теперь дорога свободна. Царизм мертв, германский милитаризм разгромлен, прусская система рухнула! Мир свободен!»

Скубик удивлялся тому, что я не разделяю его радости.

«Это будет чудовищный мир, — жаловался я. — Эльзас-Лотарингия будет потеряна. Колонии нам не вернут. Нас отрежут от поставок сырья и от мировой торговли. Наша ориентированная на экспорт промышленность погибнет. 5 миллионов рабочих окажутся на улице. Участью германского рабочего станут безработица, снижение заработной платы, бедность и бессилие. То, чего мы добились в ходе 25-летней работы профсоюзов, сдует, словно пену».

⁶² После продолжительных колебаний и дебатов между различными германскими ведомствами к осени 1918 г. возобладал вариант образования Балтийского герцогства из всех трех остзейских провинций, 22 сентября 1918 г. о готовности его признать заявил кайзер Вильгельм II, однако решающие шаги по его формированию должны были состояться лишь в октябре-ноябре 1918 г., когда германской оккупации Прибалтики пришел конец.

⁶³ Командующим 8-й армией с 31 июля по декабрь 1918 г. был генерал от инфантерии **Гуго фон Катен** (нем. Hugo von Kathen; 1855-1932).

Нет, радоваться я никак не мог. Скубик утешал меня: такого мира социалисты Франции и Англии не допустят. Ведь они разделяют наши взгляды по этому вопросу. Однако это были только слухи.

И все же — когда я застал в Дворянском собрании Риги Балтийский ландесрат за работой, в ходе которой все еще целиком исходили из того, что он здесь является хозяином положения, что в качестве победителя вполне сможет и дальше воплощать свою творческую и свободную волю, — мысли мои были потрясены страшно далеким от реальности противоречием между тем, что здесь происходило на моих глазах и звучало в моих ушах, и тем, что теперь уже наверняка станет реальностью со дня на день.

Когда в обеденный перерыв я спускался по широкой лестнице, ко мне подошел какой-то балтийский немец и попытался разъяснить, что принятое ими решение таково: государство в составе Германского рейха с тем или иным прусским принцем на троне, но особенно предпочтительным было бы включение в состав прусской монархии. Я спросил его, насколько он вообще может всерьез воспринимать этот вариант. Он был вполне серьезен.

Вечером доктор Буркхард, явно по поручению Госслера, предложил мне занять пост в гражданской администрации балтийских земель в качестве референта по социально-политическим вопросам. Я отказался и спросил, а не является ли это бесполезным, ведь к этому следовало бы приступить еще полгода назад, а теперь же это будет воспринято как проявление страха, а потому эффекта не возымеет.

На следующий день — был четверг, 7 ноября — я собирался выехать в Либаву, а закончив свои дела и там, отправиться оттуда в Германию. Однако, когда я уже собирался выйти на перрон, один военнотружаший ландвера, стоявший там на посту, потребовал от меня справку о прохождении дезинфекции⁶⁴. Я попытался его переубедить, однако он вполне в старопрусской манере был непоколебим, и мне теперь надо было где-то получить свидетельство, что вшей у меня нет. Когда же я этого добился, поезд уже пересек

⁶⁴ К ноябрю 1918 г. подавляющее большинство германских частей на Восточном фронте были ландверными или ландштурменными, то есть фактически второочередными или ополченческими. После отправки самого боееспособного контингента на Западный фронт значительная часть солдат и офицеров в них была старших (то есть более 35 лет) возрастов. Были и солдаты, которым уже исполнилось 48 лет. Такой подбор личного состава не мог не сказаться на ходе революционных событий в войсках на Восточном фронте.

мост через Двину, и я остался с неприятной перспективой целого дня в бездействии. Его я провел в отеле, где с записной книжкой в руках составлял отчет для командировавшего меня ведомства. Пообедать я отправился в офицерскую столовую. Там меня и застало посещение одного из старших чиновников гражданской администрации. Он присел за мой стол и начал говорить о погоде и о политике. Этот человек рассказал мне, что раньше будто бы служил в военной администрации, а потому был проводником глупой политики насилия; когда же затем была образована гражданская администрация⁶⁵, военное руководство внедрило в ее состав на важный пост этого человека, чтобы тот сохранил «преемственность политики». Я немало удивился, когда он стал передо мной говорить о свободе и правах народа. Антинародные черты в германской политике всегда были ему до глубины души чужды! Теперь же все должно стать иначе! Прежде всего, прусское избирательное право — «неприличное», как однажды назвал его Науман, хотя оно на самом деле еще хуже⁶⁶. Он критиковал в таких выражениях, что им охотно аплодировал бы даже Адольф Хоффманн⁶⁷. Я был просто поражен и уже начал подумывать —

⁶⁵ Оформление гражданской администрации началось лишь 1 августа 1918 г., после тяжелейших дебатов гражданских и военных инстанций Германии и представителей балтийских немцев в июне—июле 1918 г.

⁶⁶ В Пруссии, крупнейшем государстве Германской империи, к началу Великой войны сохранялось введенное еще до объединения Германии трехклассное избирательное право, гарантировавшее господство в обеих палатах прусского ландтага консерваторов-юнкеров и лишь умеренно-либеральной буржуазии. Это существенно контрастировало с всеобщим (по тогдашним понятиям) избирательным правом в общегерманский рейхстаг, а потому либералы (а одним из их лидеров был теоретик Средней Европы Ф. Науман), а тем более социал-демократы требовали избирательной реформы в Пруссии. Под влиянием Февральской революции в России в Пасхальном послании 1917 г. кайзер Вильгельм II обещал политические реформы в Пруссии, не уточнив, какие именно. Однако это было воспринято как однозначная гарантия введения в Пруссии аналогичного общегерманскому избирательного права, что должно было удовлетворить в том числе амбиции бывших фронтовиков. Тем не менее вплоть до октября 1918 г. к практическому воплощению вяло обсуждавшейся реформы так и не приступили.

⁶⁷ **Адольф Хоффманн** (нем. Adolf Hoffmann; 1858–1930) был одним из первых социал-демократов, сумевших избраться в прусский ландтаг, где он приобрел известность своими едкими политическими нападениями на консервативное прусское государственное устройство. Весной 1917 г. он стал одним из основателей НСДПГ, а после Ноябрьской революции был некоторое время членом прусского правительства, в начале 1920-х гг. некоторое время был коммунистом, но в конце концов вернулся в состав СДПГ.

«Как можно ошибиться в человеке!» — и про себя даже попросил у него извинения, что я так плохо о нем думал. Но тут разговор внезапно принял совсем иной оборот. Мой собеседник прямо сказал: «Вы только что приехали в Прибалтику. Правительство именно вас поставит вести здесь дела. Я готов работать под вашим руководством и рад наконец быть проводником разумного политического курса».

Тогда эта загадка вполне разрешилась, и я записал себе на память: появился новый тип людей.

На следующий день я выехал в Либаву. До нее было примерно 150 км — но на эту дистанцию нам понадобилось 14 часов. Много раз мы долго, очень долго стояли на путях посреди темного курляндского хвойного леса. Читать мне было нечего, отчет свой в имперское ведомство я прочитал трижды и поправил все, что мог. От отчаяния я в конце концов стал сочинять сказку о мечтательном рыцаре и доброй фее. А в эти же часы по Германии пронеслась революция и свергла в Берлине старейшую из германских княжеских династий⁶⁸.

⁶⁸ То есть Гогенцоллернов. Винниг несколько преувеличивает: куда древнее Гогенцоллернов были, например, правившие в Баварии Виттельсбахи, а уж тем более Веттины из Саксонии.

V. Поступь судьбы

На вокзале Либавы меня ожидал лейтенант Майер, служивший при главе округа. В мирное время он был служащим в одной конторе, мы были раньше знакомы. Первым его вопросом было, что творится в Риге. Я не мог ему сообщить ничего особенного. Когда мы ехали в дрожках через Ганзейский мост, я заметил по обеим сторонам двойные посты с примкнутыми штыками и в застегнутых на ремень касках. На улице, по которой мы проезжали, было явно много патрулей. Лейтенант Майер заметил мое удивление и что-то сказал, однако между нами дул ветер с ледяной поземкой, так что все фразы лейтенанта развеяло в разные стороны, и я ничего не понял.

Глава округа барон Книгге ожидал меня в местной администрации к трапезе. Я был рад видеть этого радушного пожилого господина. Во время первой моей поездки я хорошо узнал его по приемам в его доме в ходе продолжительных поездок по округе. Его забота о подчиненных и бедняках из населения вверенного ему округа тут же расположила меня в его пользу. Когда я видел, как он ведет работу с жителями округа, то все время вспоминал о его коллеге Вебере из «Во времена французов» Ройтера⁶⁹, только этот, в отличие от того старого господина, не спал до полудня, а уже рано утром был весь в делах и при этом был всегда готов разбавить всю серьезность официоза немудреной шуткой. В ходе нашей первой поездки он чрезвычайно оживленно и неумоимо поддразнивал моего коллегу Умбрайта, однако при этом никогда не доходило до злобы, а всегда были лишь благожелательная симпатия и жизнерадостная сторона жизни. Он жил вместе с мировым судьей, господином пожилым, не без вкуса, который долгое время прожил за рубежом. Оба сердечно поприветствовали меня по моем прибытии, однако уже первый взгляд на барона заставил меня предположить, что здесь, должно быть, случилось что-то плохое. «Нам вас сюда сам Бог послал», — сказал он и рассказал мне, что происходило в Либаве последние два дня.

⁶⁹ **Фриц Ройтер** (нем. Fritz Reuter; 1810–1874), известный немецкий писатель, творивший на нижнесаксонском диалекте, многое сделавший для его возрождения как литературного языка.

В Либаве была крупная станция флота, ведь там был опорный пункт наших военно-морских сил на Востоке. В новых больших казармах построенного русскими военного порта были размещены около 8 тысяч матросов. Уже какое-то время среди этих матросов шло брожение. 6 ноября они собрались и предъявили командиру станции адмиралу фон Узедому⁷⁰ требования, подробности которых были неизвестны. Адмирал обратился в бегство. Руководство станцией теперь принял на себя комендант порта фон Клитцинг, у которого, однако, никакой власти уже не было, скорее он вынужден был подчиняться бунтующим матросам. Матросы почти постоянно митинговали, причем было невозможно предугадать, что из этого может получиться.

Барон Книгге просил меня отправиться на следующее утро в военный порт и попробовать наладить ситуацию.

Это нарушало все мои планы, ведь я просто горел желанием вернуться в Германию, да и с доктором Буркхардом я уже назначил 10 ноября днем отъезда. Мы собирались в этот день встретиться в Митаве и вместе выехать оттуда в Берлин. Мне стало тут же ясно, что надо отправиться к матросам и попытаться оказать некоторое воздействие на дальнейшее развитие их движения.

Вечером же случилось совершенно иначе, нежели я надеялся. Барон Книгге дал указание своей старой латышке приготовить хороший ужин, а она так и сделала. И все же это была печальная трапеза, ведь на нас давили мысли о происходящем, ни одного радостного слова не сказали. Я попрощался, как только смог, и отправился в отель «Штадт Петербург», где меня разместили. Но лечь спать было еще рановато, да и я был слишком обеспокоен. Я вновь пошел вниз по улице, где в большом количестве ходили взад-вперед матросы и штатские, а вооруженные патрули мешали им собираться в толпы и митинговать. По счастливой случайности я смог смешаться с этой беспрерывно текущей толпой людей и двинулся дальше с горсткой матросов. С одним из них я начал разговор и спросил его о планах матросов.

⁷⁰ Эти сведения приводятся здесь намеренно; я никогда не имел дела с этим командиром, и поэтому вполне возможно, что ошибаюсь и в имени его, и в звании (*прим. авт.*). Гвидо фон Узедом (*нем.* Guido von Usedom; 1854–1925) действительно был адмиралом. Он участвовал в подавлении восстания ихэтуаней в Китае, в 1908 г. был уволен в запас, однако в 1914 г. вернулся на службу и стал адмиралом турецкой службы, отличился при обороне Дарданелл в 1915 г. и вскоре получил звание адмирала. Окончательно уволен в отставку 26 ноября 1918 г.

«Ах, да это все глупая затея! — сказал этот человек. — Тут все время проводят собрания, болтают и болтают, однако никто не знает, чего хочет, а поэтому из этого ничего не выйдет».

Большого из этого человека выжать не удалось, казалось, что здесь речь идет только о мелкой частной злобе на своих командиров, а потому о ситуации в целом говорить толком не могли. Я отпустил его и попытался побольше узнать у другой группировки. Пара разговаривавших на нижнемецком матросов, к которым я также обратился, тут же прониклись ко мне и рассказали побольше. Точных требований явно не сформулировали, не дошли даже до того, чтобы избрать солдатский совет, хотя такое намерение было изначально.

На следующее утро я встретился с комендантом порта фон Клитцингом⁷¹. С этим офицером флота я познакомился еще в ходе первого пребывания в Либаве. Он настоятельно просил меня озаботиться проблемой матросского движения и сообщил, что поздним вечером будто бы будет собрание доверенных лиц⁷². Он сообщил матросам о моем прибытии, и они сами захотели, чтобы я к ним пришел.

После этого я посетил крупную металлообрабатывающую фабрику, лично убедившись, как реализуется распоряжение о повышении жалованья, и в течение дня разузнал о социалистах, адреса которых мне дал Скубик. Один из них был владельцем писчебумажного магазина, у него я и встретил других социалистов. Вполне объяснимо, что события в матросской среде были на устах у всего города, так что предметом беседы они стали и в этой лавке. Было вполне понятно, что здесь обсуждались именно те перспективы, которые в связи с этим открываются для латышей. Однако общим развитием событий были пока что недовольны и желали более резких выступлений матросов против их командования. Я прервал беседу и ушел. Теперь и вправду надо было заняться чем-то более важным, чем дискуссии с латышами.

В сумерках я поехал в порт. Внешне революционное движение было никак не заметно. Перед казармами стояли посты, а когда я вошел внутрь той из них, где должен был заседать матросский совет, меня, как и в прежнее время, задержали и отвели к рас-

⁷¹ **Лебрехт фон Клитцинг** (нем. Lebrecht von Klitzing; 1872-1945), капитан-цур-зее, позднее контр-адмирал.

⁷² Так поначалу, чтобы не раздражать консервативное Верховное Главнокомандование и офицерство, называли членов солдатских советов.

поряжавшемуся здесь обер-маату⁷³, которому я сначала должен был сообщить, кого я хотел видеть. Когда в качестве цели визита я назвал матросский совет, то получил постового в провожатые, он и привел меня в помещение кантины⁷⁴, где в чудовищной тесноте совет и заседал. Мне не без труда удалось пробраться к столу президиума. Говорил какой-то дюжий матрос с бородкой клином. Он говорил быстро, но с хриплыми вскриками, когда пытался голосом выйти на еще более высокий уровень. Когда он заметил меня, то быстро с речью покончил и пошел мне навстречу. «Да, это я», — сказал я в ответ на вопрос. «Я знаю тебя, — проговорил он, — однако же мы с 1914-го не виделись. Моя фамилия Пикард». — «Пикард из профсоюза работников транспорта?». — «Да». И мне многое стало яснее. Весьма неожиданно я наткнулся на товарища по гамбургским профсоюзам, совершенно замечательного человека; несмотря на свое норманнское имя⁷⁵, он как раз был типичным настоящим немецким профсоюзным деятелем. В мирное время он был чиновником в местном отделении профсоюза, и потому я его немного знал. Мы тут же, без разговоров, почувствовали, что можем друг на друга положиться, и были в данном случае полностью заодно. Насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах (а мы тут же оказались в центре всеобщего внимания), он мне изложил положение дел. Речь как раз шла о командной власти и об обязанности отдавать воинское приветствие, причем присутствовали и такие, кто хотели вовсе лишиться офицеров и унтер-офицеров их командных полномочий. «Парни совсем с ума сошли, и вскоре я уже не выдержу, ведь уже три дня непрерывно говорю. Ты тут же должен взять слово и прямо и ясно сказать им правду», — сказал мне Пикард. «Хорошо, — сказал я, — только добейтесь тишины, чтобы я мог говорить». И когда я обозначил свое намерение говорить, тишина установилась тут же. О настроениях людей я знал только то, что мне только что сказал Пикард. Поэтому я должен был сначала попытаться выяснить, чем могу привлечь на свою сторону людей. И если я из-за этого сразу же зашел бы слишком далеко, то никогда не смог бы повлиять на них, это было мне совершенно ясно. Однако необходимо было и снискать их симпатию, про-

⁷³ Звание в германском флоте, примерно соответствующее русскому боцману.

⁷⁴ Здесь: матросская столовая.

⁷⁵ «Норманнское» в данном случае «грабительское», а «пикардами» в средневековой Европе иногда называли разбойников и грабителей.

демонстрировав превосходство, которое они могли бы уважать. А в таких случаях наилучшей манерой всегда являются прямота и естественность. Поэтому я рассказал примерно сотне этих доверенных лиц, собравшихся там, что я только что прибыл; признался, что с местной обстановкой и с тем, о чем здесь беседовали, не знаком, как и в том, что, собственно, не знаю, с кем я здесь должен иметь дело. Чтобы выяснить это, я просил тех из них, кто является членами профсоюза, поднять руки. В ответ поднялись 18 или 20 рук. Некоторые же из них и вовсе не знали, что такое профсоюз, и спрашивали у своих соседей, о чем идет речь, и только потом, помедлив, поднимали руку. Когда это было сделано, я попросил поднять руку тех, кто когда-либо принадлежал к социал-демократической партии, неважно — какой. Таковых было ровно восемь. Им я сказал несколько слов в дружеском тоне и просил их здесь проявить ту сознательность, которой они научились в своих организациях, и сдерживать своих товарищей. Теперь значение имеет не внесение радикальных новшеств в командные структуры, а порядок, чтобы хорошо и гладко прошла отправка домой, ведь война подошла к концу, мы побеждены и теперь тем более обязаны поддерживать неукоснительный порядок. Вы соблюдали субординацию в течение долгих четырех лет, сказал я им, вы вынуждены были смотреть смерти в глаза и делали это ради прежней Германии. Теперь же осталось еще четыре недели, чтобы в порядке и с честью вернуться домой, к своим семьям, сделав это уже для новой Германии, которая теперь будет страной бедной и побежденной, но зато она стала вашей страной. Я предложил им сегодня принимать решения не о лишении полномочий командования, а напротив, достичь соглашения относительно формирования матросского совета. Для этого на следующий день следовало провести большое собрание, где этот совет был бы избран, там же можно было бы обсудить и вопрос о командной власти, и другие вопросы. Хотя мои предложения существенно уступали размаху пожеланий этих людей, скольконибудь согласованных возражений не последовало. Я полагал, что теперь потребуется еще некоторое время на обсуждение, а затем решение будет принято. Однако же я в этом жестоко ошибся. Один оратор сменял другого, и каждый из них нес все что угодно. В каких-то из этих речей смысл все же был, но он был скрыт бурным потоком фраз и поговорок, жалоб и обвинений, а потому бывало так, что один и тот же оратор говорил о необходимости железной дисциплины, однако затем тут же говорил об офицерах,

что их надо бы к стенке поставить. Воздействие же на слушателей было при этом одинаковым; если только то, что говорилось, было соответствующей формы и зажигательности, следом раздавались громовые аплодисменты, а также призывы к дисциплине, а потом тут же натравливали на офицеров. Эти речи продолжались с 5 до 10 часов, небольшую часть я пропустил, но большинство из них прослушал. Я еще пару раз просил слова, когда мне казалось, что настроение присутствующих становится угрожающим. В остальном же я тихо сидел на пивной бочке и наблюдал происходящее, предаваясь размышлениям о сущности массы. Вот это была уже революция. Вот эти путаные, страстные, иногда злобные, но по большей части безвредные, порой рассудительные, однако в основном в корне бестолковые и беспрерывные речи теперь вывели из берегов весь немецкий мир. В этом в общем-то детском лепетании раздавались сокрушительные суровые слова мировой истории. Несколько в стороне, в углу помещения, сидела группа из четырех-пяти матросов, которые бросали угрюмые взгляды на происходящее, а иногда злобно косились и на меня. Мне казалось, что лидером этой группировки был один долговязый бледный матрос с неряшливо повязанным галстуком. Я не считал их опасными, ведь сидели они спокойно.

Лишь около 11 я наконец вновь увидел капитана округа, который ожидал меня на ужин. Я хотел было извиниться, однако он был подавлен другой новостью, которая прибыла тем временем.

Кайзер отрекся и покинул армию⁷⁶.

Старому солдату трудно было сохранить самообладание, когда он рассказывал мне об этом. Мы еще посидели некоторое время

⁷⁶ После бурного обсуждения в Спа, где тогда находилось германское Верховное Главнокомандование, возможности силового противодействия революции и отказа Ставки и фронтовых командиров участвовать в походе на Берлин, а также благодаря действиям (частично самовольным) рейхсканцлера Макса Баденского, находившегося в охваченном революцией Берлине, вечером 9 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Нидерланды. Там лишь 28 ноября 1918 г. он официально отрекся от трона, чуть позже от своих прав отрекся также бежавший в Голландию его наследник кронпринц Вильгельм. Вплоть до своей смерти в июне 1941 г. кайзер не отказывался от намерения при возможности вернуться на трон, однако большая часть монархистов так никогда и не простила ему «дезертирства». Его бегство в Нидерланды и большинством солдат было воспринято как трусость и предательство. Характерно, что до этого в окружении кайзера рассматривался вариант его героической гибели на фронте, что должно было бы спасти монархию, но Вильгельм II на это не пошел.

и обсудили события. Когда я после полуночи выходил из дома, барон проводил меня до двери. В темноте стоял часовой. «Идите домой, — сказал ему барон. — Если кайзеру пришлось бежать, то охрана мне больше не нужна». Часовой ушел.

Ночью меня разбудили около трех часов. Комендант города полковник фон Розен выбрал это чудесное время для своего визита, чтобы обсудить со мной меры безопасности в городе. Ситуация теперь зависела, конечно, от поведения матросов, а о нем до начала общего собрания сказать мне было нечего. Тем не менее полковник просидел у моей постели целый час, и мне пришлось сказать ему немало слов в утешение, пока он не поверил, что все же может осмелиться и тоже пойти спать.

* * *

Один из больших учебных барачков в квартале казарм был забит почти доверху, даже самые отдаленные его уголки, ведь внутри были около 6 тысяч матросов, стоявших вплотную перед высокой трибуной, где уже находились Пикард и еще несколько вожakov. Все турники, лестницы и перекладки были увешаны матросскими телами. Когда Пикард увидел, как я пробиваюсь через матросскую массу, он крикнул, чтобы мне дали дорогу, так что, к своему неудовольствию, я тут же привлек всеобщее внимание. А бравый Пикард все расходился и расходился. Еще до начала собрания опять прошло заседание делегатов, на котором ему пришлось тяжело. Он был совершенно обессилен и поведал мне, что в совете доверенных лиц образовалась «фракция независимых⁷⁷», которая ему активно оппонирует и делает все, чтобы не дать мне слова. Однако я, несмотря на это, «должен сделать свое дело», ведь он больше не может: сел голос.

Собрание проходило драматично. Вчерашний долговязый бледный матрос взошел на трибуну, держа в руке проект, согласно которому вся командная власть должна была перейти избираемому матросскому совету, причем насчет состава последнего у него были готовы предложения, где содержались, естественно, совсем иные фамилии, нежели предполагал Пикард. Этот проект постановления и списки кандидатов были зачитаны, тут же получив громовые аплодисменты в одобрение. Пикард взял слово, призвал к сознательности и резко набросился на радикалов. Ему

⁷⁷ То есть от крайне левой НСДПГ, тогда являвшейся главным конкурентом умеренных социал-демократов.

также ответил гром аплодисментов. Затем он передал слово мне. Я поступил так же, как и накануне вечером, рассказав, кто я такой и что привело меня сюда, а также спросил, есть ли среди участников собрания социал-демократы. Вверх были подняты сотни рук. Заранее это не планируя, однако поддавшись минутному порыву, я провозгласил «Браво!» своим многочисленным товарищам по партии. В ответ целую минуту по всему залу не смолкал ураган из криков «Браво!». Никогда, ни на каких собраниях, ни на одном партийном съезде или на международном конгрессе я не испытывал такой гордости за партию. Это преклонение перед нею появилось словно по волшебству и тут же подчинило все и вся своей воле. Все собрание, в том числе и многочисленные офицеры, приняли в этом участие, причем столь отчетливо, что буквально двумя предложениями можно передать то, что я тогда ощутил: здесь партия и народ стали единым целым; партия — это единственное, на что может надеяться народ: здесь растворяются теории, здесь торжествует дело, то есть то верное и твердое служение Отечеству на протяжении всех сложных военных лет; вот это и есть дело, а потому и этот триумф партии — вот награда за него! Все теперь почувствовали: только социал-демократия может возглавить нас и спасти, она — та сила, которая сможет омолодить старое прогнившее государство. Такие ощущения остаются незабываемыми.

При таком настроении собравшихся было несложно добиться принятия тех решений, которые были нам, мне и Пикарду, желательны. Проект об изменении командной структуры теперь вообще более не обсуждался. Был избран небольшой матросский совет из пяти или более персон, председателем его стал Пикард. Тут же было решено, что каждый матрос обязан в семь вечера быть в казарме и что от губернаторства следует потребовать закрытия борделей. Все эти решения принимались, чтобы избежать эксцессов.

Около 12 часов разошлись, причем в наилучшем, вполне удовлетворительном настроении. Офицеры были просто счастливы тем, как удачно, почти патриотически прошло собрание, и благодарили нас, Пикарда и меня. Я поехал в губернаторство, где тут же приняли необходимые меры, чтобы провести эти решения в жизнь.

Барон Книгге, когда я прибыл к обеду, уже был извещен о ходе собрания и вновь стал несколько увереннее. Мы долго просидели рядом. Когда я вечером вернулся с пешей прогулки, то увидел, как на главной дороге собирается большая толпа возбужденных

людей. Я спросил солдат о причинах этого собрания. «Война закончена! — говорили они. — Французы и англичане братаются на фронте с немцами и избирают солдатские советы, которые должны заключить мир». В радостном возбуждении, однако и не без тяжелых сомнений я отправился в телеграфное ведомство. Меня сочли там полуофициальным лицом, а потому допустили в служебную комнату. Новость подтвердилась — я сам прочитал телеграмму, которая почти дословно гласила то, что мне рассказывали солдаты. Я спросил его, кто отправитель. Офицер пожал плечами. «Отправитель не указан. Мы получили это по служебным каналам из Берлина. Там сегодня телеграфируют все подряд». — «Вы считаете, эта новость соответствует действительности?» — «Да. Сегодня приходится привыкать и к самому необычному».

Когда я вернулся, барон Книгге обнял меня. Он тоже получил эту служебную телеграмму и был уверен в ее подлинности. «Господин Винниг, социализм — вот спасение! Он спасет Германию, он спасет мир! Я беру назад все слова, что когда-либо говорил против него. Я — человек старый и в финале своей жизни не хочу быть неверным по отношению к моей партии. Однако, если социализм образумит народы, тогда он — лекарство для человечества и спасение для Германии! Кайзер теперь уже не кайзер, мне его жаль, ведь такой судьбы он не заслужил. Однако, если его жертва необходима, чтобы спасти Германию, он обязан принести ее, нежели цепляться за корону. Ведь Германия превыше всего!»

И затем этот старый верный служака вспомнил о бутылке шампанского, которую он уже давно отложил до дня заключения мира, и приказал достать ее из подвала. И мы распили ее, веря в правдивость телеграммы. Это было вечером 10 ноября.

Я еще мирно почивал на лаврах, которые снискал в воскресенье, и планировал подольше поспать. Однако уже в первые часы утра понедельника ко мне явились несколько матросов и повели меня с собой в порт. Теперь они уже были хозяевами положения и взяли автомобиль, который отныне предоставляли полностью в мое распоряжение. Они еще хотели кругом развесить на нем красные флажки, но отказались от этой затеи по моей просьбе.

А в порту опять начались беспорядки. От какой-то инстанции — из Ставки или из Совета народных уполномоченных⁷⁸ —

⁷⁸ Так (СНУ) называлось первое правительство революционной Германии, куда вошли шесть человек, трое от СДПГ, в том числе и председатель СНУ Эберт, и трое от НСДПГ, оно действовало наряду с прежними имперскими и прусски-

пришла телеграмма, которая предоставляла солдатским Советам большие полномочия, в том числе позволяла им взять на себя часть командной власти⁷⁹. За счет этого достигнутое нами на общем собрании было полностью опрокинуто. Телеграмма, естественно, тут же была обнародована, и часть матросов потребовала повторного собрания и принятия новых резолюций. Я ненадолго остался с Пикардом наедине и не стал от него скрывать, что мне телеграмма в целом очень не нравится. Я спросил его, считает ли он для себя возможным принять дела коменданта порта и главы станции. Он был слишком порядочным человеком, чтобы поддаваться подобным амбициям. «Мы оба должны знать, что намерены делать, — сказал я ему, — вся эта история с советами — это грубая ошибка, и мы могли бы совершить ее только затем, чтобы избежать еще худшего!» В этом мы были едины. Затем я пошел на квартиру коменданта порта, которая располагалась в другом флигеле того же здания. Я хотел сначала переговорить с капитаном фон Клитцингом наедине, а затем уж должны были прийти и представители солдатского совета.

Комендант, естественно, тоже был в курсе содержания телеграммы. Хотя было еще очень рано, я застал его уже в рабочем кабинете. Последовала беседа, которая была для нас обоих неприятной и проходила очень тяжело. Я вынужден был потребовать от коменданта отказа от неограниченных командных полномочий, впрямь он должен был отправлять на подпись ма-

ми ведомствами. В ходе революции в связи с боями в Берлине неоднократно возникали правительственные кризисы, которые завершились победой СДПГ и выходом «независимцев» из его состава. После выборов и созыва в Веймаре Национального собрания 13 февраля 1919 г. был сформирован первый парламентский кабинет Веймарской республики во главе с Шейдеманом.

⁷⁹ А. Винниг описывает неразбериху тех ноябрьских дней и на основании тех данных, что у него, разумеется, уже были на момент написания книги в 1920–1921 гг., не уточняет, что Ставка долго противилась какому-либо признанию солдатских советов, в итоге к 16 ноября согласившись лишь на советы «доверенных лиц» (включая офицеров), но вовсе не имея в виду серьезную реорганизацию командной власти. Это сильно отличалось от позиции СНУ и в дальнейшем привело к многочисленным конфликтам, кончившимся к лету 1919 г. полной ликвидацией советских органов в армии. Отправитель телеграммы был неизвестен, однако им, вполне вероятно, был солдатский совет Берлина или другие значимые советы, в том числе при Ставке или при штабе Главнокомандования на Востоке в Ковно, которые тогда захватили каналы связи и часто опережали события.

тросского совета все свои приказы. Для этой цели я предложил ему выделить рядом с его кабинетом еще и помещение для матросского совета, чтобы упростить и сделать более комфортной совместную работу.

Коменданту было нелегко пойти на это. Однако после пришедшего по телеграфу распоряжения ничего другого не оставалось, если только не хотели спровоцировать еще худшее. Он это понимал. «У меня на родине говорят: “Есть такие и есть сякие, но есть еще и Клитцинги”, — произнес он, — так что я намерен показать, что может Клитцинг. Я сделаю это!»

Итак, прибывшему матросскому совету я смог сообщить об уже готовом решении по этому сложному вопросу. За полчаса нашли и оборудовали необходимую комнату, и разделение командных полномочий состоялось. Пикард, само собой, осуществлял свою деятельность с таким личным тактом, что коменданту оказалось не так уж и сложно привыкнуть к новым обстоятельствам.

Около полудня матросы вновь собрались на общее собрание в тренировочном бараке. Положение матросского совета, да и мое лично было нелегким. Мы теперь должны были провести распределение командной власти согласно приказу свыше, хотя днем ранее мы с известным трудом смогли этому помешать. Хотя Пикард в своем отчете поведал, что распределение командной власти прошло сразу же после поступления телеграммы, радикалы все же грубо набросились на него. Когда я попытался заступиться за него, отовсюду послышались громкие крики, призывавшие собрание не давать мне слова. Ситуация становилась нестерпимой и опасной. Однако я тут же ухватился за это требование и сказал, что возьму слово только в том случае, если такова будет недвусмысленная воля собрания. Еще некоторое время пытались друг друга перекричать. Затем Пикард поставил вопрос на голосование. Почти единогласно согласились предоставить мне слово. После этого я сказал, что содействовал бы разделению командной власти, ведь ныне об этом издано распоряжение и именно теперь следует соблюдать дисциплину, однако же и сейчас я полагаю такое распределение крайне опасным, ведь из-за этого легко может возникнуть сумятица, которая крайне затруднит и замедлит отправку домой. Надеюсь, что в данном случае разногласий удастся избежать, если обе стороны будут осмотрительны и станут действовать из лучших побуждений. Кто-то выкрикнул: «Мы должны сделать как в Киле — к стенке

поставить!»⁸⁰. Я ужаснулся тем оациям, которые вызвал этот призыв. «Теперь или никогда!» — подумал я и принял вызов. Если такие вещи и вправду происходили в Киле, во что я не верю, то это было бы просто позором для матросов. Народ показал бы, что он просто недостоин завоеванной им власти, если бы допустил, чтобы ею воспользовались для преступлений. Матросы подняли восстание не для того, чтобы сводить личные счета за допущенные когда-то в их адрес несправедливости, а для того, чтобы не допустить большого и общего несчастья, которое уже на пороге. Революция не темным страстям должна дорогу давать, а позволить проявиться всему лучшему и великому, что только есть в народе. Собирались положить конец кровопролитию на земле, а не начинать с новых убийств. Если же это собрание разделяет точку зрения вот того крикуна, то я должен заявить, что мне с матросами не по пути.

Пороком таких сборищ всегда было то, что у руководства никогда не получалось их как-то организовано закончить. Громадное большинство не имело никакого понятия о том, каков должен быть порядок проведения собрания, и побудить их к этому было очень тяжело. Причем эти люди едва ли привыкли к тому, чтобы просить слово; большинство просто пробивались из задних рядов к трибуне и тут же начинали говорить. Нередко это происходило сразу же после прошедшего соревнования, так что только уже улаженный вопрос приходилось обсуждать вновь. Все предположения и расчеты проваливались из-за такого бесчинства, так что руководство не осмеливалось этому всерьез сопротивляться, так как оно не без основания чувствовало себя как на вулкане. Поэтому такие солдатские собрания, как правило, очень затягивались и почти всегда приводили к неожиданностям.

⁸⁰ Тогда ходили преувеличенные слухи о расстрелах офицеров восставшими моряками в Киле 3-5 ноября 1918 г., где и разразилась Ноябрьская революция. В действительности же после стрельбы по толпе манифестантов 3 ноября военные патрули в Киле рассеялись, а их остатки и командир были пленены толпой и жестоко избиты, однако расстрела «у стенки» не состоялось. Новая волна беспорядков вспыхнула после прибытия в город вызванных подкреплений, а также из-за попытки поднять красный фланг на линкорах, что на дредноуте «Кёниг» привело к перестрелкам с офицерами, два из них погибли от ран (в их честь потом нацисты назвали два миноносца кригсмарине), но тяжело раненный капитан выжил и расстрелян не был. Матросы в Либаве, вполне возможно, полагали, что в Германии революция на флоте проходит так же, как это было в марте 1917 г. в России, то есть с массовой резней офицеров, что не соответствовало действительности.

Когда я закончил свою речь, собрание выразило мне одобрение обычными овациями, и было бы очень хорошо, если бы на этом и закончилось. Однако верный момент для этого был упущен — и вот опять пошел один оратор за другим. Было похоже на то, словно революция привлекла всех глупцов. Даже если рассматривать внешность ораторов, видно было, что большинство из них страдали от той или иной духовной неуравновешенности или же заключали в себе нечто противоправное, а их речи только усиливали это ощущение. В ходе нормальной организационной работы подобных людей просто не пускают к трибуне или лишают их слова, однако здесь так было нельзя, а потому пришлось наблюдать, как они распространяют свое безумие, и так как среди тысячи слушателей некоторые тоже были «с отклонением ствола», они всегда находили определенную поддержку, а это в свою очередь побуждало и многих других тоже присоединиться к овациям. Очень многие участники, кстати, давали понять, что им вообще все это движение представляется довольно глупой затеей, которая позволяет каким-то беднякам осмелиться и взять слово, чтобы их бестолковость была вознаграждена радостным гоготанием, что только приведет в заблуждение бедных дураков, заставит их обольщаться насчет своей глупости, так что она только усилится, насколько это вообще возможно. При таких выступлениях вообще только сожалели или же и вовсе стыдились, что принимают участие в этом. И приходилось раз за разом напоминать себе, что стоит на кону, если только хотели продержаться подольше.

В течение этих противоречивых событий на собрание прибыл комендант и стал пробиваться ко мне. У него в руке было полно телеграмм, которые он по очереди давал читать мне. Это были условия перемирия⁸¹.

Комендант хотел, чтобы я их зачитал. Однако я уговорил его сделать это самому, так как это вполне официальное извещение, — а затем я хотел сказать кое-что по этому поводу.

Итак, капитан фон Клитцинг взял слово. Когда он сказал, что с сегодняшнего дня, было 11 ноября, вступает в силу перемирие, начались было выкрики «Браво!». «Подождите с этими “Браво!”, — сказал комендант, — пока не узнаете обо всем полностью!»

⁸¹ Переговоры шли несколько дней, а Компьенское перемирие вступило в силу днем 11 ноября. Его условия были крайне тяжелыми для Германии, а революционная обстановка не позволила политикам и военным в должной мере подготовиться к переговорам или хотя бы отстоять существенные уступки.

И затем пошли условия. Очищение занятых территорий — а также выдача орудий, автомобилей, локомотивов, железнодорожных вагонов.

Комендант взял паузу и взял следующий листочек.

И вот он нашел: выдача субмарин и военных судов, оккупация Эльзас-Лотарингии, Пфальца и Рейнланда.

Теперь уже «Браво!» никто не кричал. Во всем зале воцарилось унылое молчание. Ни звука, ни протестов, ни вздохов облегчения — только молчание, а на лицах такое выражение, что нельзя понять, какое именно. Вероятно, то было проявление полного упадка духа, который оказался довольно далеко от настоящего и пытался обрести себя где-то в прошлом. Конечно, теперь он мог быть только в прошлом; ведь у кого бы хватило присутствия духа в такой момент задуматься о будущем? Я так часто думал об этом, и тем чаще, чем темнее становились перспективы. Однако даже самые мрачные опасения близко не соответствовали таким условиям перемирия. Я сказал собранию пару слов, произнес то, что только можно сказать в таком положении, — что условия мира делают особенно необходимой дисциплину, что по сравнению с такой всеобъемлющей бедой личные затруднения попросту мелки и незначительны; затем собрание разошлось.

Между тем движение охватило и сухопутные войска, стоявшие в Либаве. Уже на первом собрании присутствовали несколько пехотинцев, а на это, второе, явилось сразу несколько рот. Губернатор генерал-майор фон Ледебур попросил вызвать меня и обсудить со мной положение. Он считал, что может положиться на кандидатов в офицеры, которые разместились на квартирах поблизости от порта. Их было около 250 человек. Я посоветовал ему не доводить до сопротивления, а без проволочек согласиться на требование образования солдатского совета, если оно будет высказано. Так и произошло. Собрание гарнизона избрало солдатский совет, который, к сожалению, не выдвинул столь же понимающего и надежного лидера, какой был у матросов в лице Пикарда. Я принял участие в этом собрании, однако люди, пришедшие там к руководству и до сих пор остававшиеся совершенно вне политики, с самого начала вызывали у нас недоверие. На них явно оказывали влияние те радикалы, которых сначала было непросто вычислить. Они ставили перед собранием пеструю солянку сумасшедших требований самого специфического рода и собирались установить диктатуру солдатского совета. Лишь

с большим трудом, преодолевая немалое сопротивление, я сумел этому помешать.

В ночь с 11 на 12 ноября в двери моей комнаты постучали. На мой вопрос снаружи ответили, что пришла делегация матросского совета и желает со мной поговорить. Когда я открыл, вошли трое лишь немного знакомых мне членов совета. Они очень важничали, пару раз откашлялись и затем сказали, что у них был приказ арестовать меня. Письменного приказа при себе у них не было, однако совет доверенных лиц поздним вечером принял будто бы такое решение, а им надлежало его исполнить.

Я осмотрел этих людей. Это были молодые матросы, лет 20, должно быть. Я подумал, что, пожалуй, можно избавиться от них хитростью или силой. Однако, пока я размышлял об этом, меня вдруг охватило совсем иное чувство. Этот арест представился мне теперь столь правильным, столь естественным с точки зрения матросов, по меньшей мере со стороны радикалов среди них, даже вполне оправданным — словно это сама судьба. Что же я еще мог сделать в то время? Я сделал то, что только мог. Я сопротивлялся ей, сколько мог: годами в Германии, на моих должностях в профсоюзе, затем здесь на собраниях матросов и солдат. Если мне оказалось это не под силу, и она все же накрыла меня с головой — что ж, хорошо, пусть тогда меня арестовывают и устраняют — и тогда все пойдет так, как должно быть, я более не мог отрицать внутренней логики такого судьбоносного хода событий.

Я предложил матросам присесть и стал одеваться. Они расселись и стали перешептываться. Затем один из них сказал: «Мы готовились к сопротивлению и взяли с собой еще. Там внизу еще трое человек». Я не ответил, а продолжал одеваться. «Это все-таки странно, товарищ Винниг, что все так происходит!» — повторил один из матросов. «В этом вовсе нет ничего странного! — ответил я ему. — Если вы хотите делать то, что хотят от вас радикалы, тогда вполне логично, что вы пришли за мной. Кстати, я вполне рассчитывал на это, а вы еще увидите, что это меня вовсе не удивило. Я вполне мог бы как-то иначе обеспечить безопасность, однако я этого не сделал: что должно случиться — случится — а это должно было случиться».

И тут все трое стали надо мной смеяться и объявили, что это будто бы была шутка, они всего лишь хотели посмотреть, как я буду себя вести в этом случае. И я уже хотел рассердиться, однако тут же представил себе, что будь мне 20 лет от роду, я бы вряд ли удержался от таких шуток, а с большой вероятностью принял бы

в них участие. Так что я тоже рассмеялся, а когда затем матросы ушли и вскоре вернулись с несколькими бутылками не самого плохого вина, мне пришлось чокнуться с этими сентиментальными парнями, а они заверили меня в своей верности, заявили, что намерены меня защищать даже против всего мира. И тут-то вся правда и выяснилась. Матросский совет был всерьез встревожен тем, что со мной что-нибудь может произойти, и потому решил попросить у коменданта выделить мне квартиру в его доме, заодно я бы был рядом с ним. Совет хотел назначить меня своим комиссаром по гражданским делам, так что я обязан был бы помогать ему вести дела по всей форме революционного права. И когда это выяснилось, я отослал юношей.

Утром я отправился в порт и дал матросскому совету направить меня с поручением в Ригу, чтобы там принять участие в конгрессе солдатских советов 8-й армии. А потом пошли прощания со многими людьми, которых я более никогда не видел. Тем же вечером я уже лежал в Митаве на жестком тюфяке с соломой и засыпал под защитой провозглашенной здесь Робертом Альбертом солдатской республики.

VI. Первые свершения на новом посту

Только теперь наконец я вновь встретился с доктором Буркхардом, который, как и было условлено, ждал меня в Митаве с 10 ноября. Нам было много чего рассказать друг другу. Буркхард обнаружил поразительную гибкость в манере освещения им событий. Разумеется, произошедший переворот глубоко потряс его. Однако, оставаясь истинным ганзейцем, он едва ли хоть на мгновение потерял самообладание и тут же озаботился мыслями о том, как бы в новых обстоятельствах продолжить стремиться к прежней цели, то есть оставить страны Прибалтики открытыми германскому влиянию.

Утром 13 ноября мы выехали на автомобиле в Ригу. Эта поездка показалась мне чудовищной. Я был одет, словно турист летом, а нам навстречу ударила метель; снег и грязь летели из-под буксующих колес прямо в лицо.

Вопрос теперь был один: что нам делать? Мой план вернуться в Германию был оттеснен в сторону самим ходом событий, пока что я, кстати, стал еще и «гражданским комиссаром матросских и солдатских советов губернаторства Либава», имея задачу собрать съезд. Однако за этой задачей скрывалось куда большее. Именно теперь здесь должен был разразиться кризис. Крушение Германии не могло не повлиять на эстонцев и латышей. И тут определенную помощь мог оказать именно я. Никто, в отличие от меня, не имел возможности выступить в качестве посредника. Я поддерживал контакт и пользовался известным доверием, как со стороны германской администрации прибалтийских земель, так и со стороны национальных группировок и солдатских советов. Так что я обещал Буркхарду, что возвращение мое будет зависеть от дальнейшего хода событий, а пока я останусь в Прибалтике. Он этому очень обрадовался и сказал, что в ином случае просил бы меня здесь остаться — ведь он тоже остается здесь, не только затем, чтобы и дальше служить делу, к которому проникся всем сердцем, но и для того, чтобы не быть свидетелем всех происходящих ныне в Германии и еще предстоящих событий. В ходе этой чудовищной поездки впервые была вполне серьезно высказана

мысль, что я обязан принять на себя руководство германскими интересами в Прибалтике. Об этом заявил Буркхард. Однако же я не придавал этому значения и почти не отреагировал.

В Риге мы нанесли множество визитов членам Балтийской национальной комиссии, являвшейся органом по защите политических интересов балтийских немцев. Я был не в состоянии поддерживать правильную беседу, ведь за время поездки так заоченел от холода, что был едва способен передвигаться и стремился к единственному идеалу — заснуть на теплой печи. И все же я присутствовал при беседах, казавшихся мне диалогами на далеких трибунах, из которых я понимал лишь отдельные слова. Около полудня я отправился в замок, в штаб армии⁸², чтобы там начать приготовления к созыву съезда. Там, у начальника штаба майора Франца, постепенно собрались все, кто входил в местную верхушку. Туда пришли лидеры балтийских немцев, явился господин фон Госслер, а вскоре и некоторые члены Рижского солдатского совета. Говорили наперебой и в предположениях своих доходили до обсуждений возможных действий латышей и позиции солдат. Посреди этой дискуссии доктор Буркхард вдруг сделал предложение: «Есть только один выход — господин Винниг должен принять на себя руководство ведением всех дел!» Тут я вскочил и одним махом ощутил, как с меня слетели всякая усталость и оцепенение. Один за другим заявили о своем согласии с этим глава гражданской администрации, начальник штаба и присутствующие там представители балтийских немцев. Я же сообщил о своей готовности при том условии, что на это будут готовы пойти солдатские советы и новое германское правительство. Я тут же провел совещание с солдатским советом при штабе армии, которое очень облегчило присутствие в нем моего хорошего знакомого и товарища по профсоюзу. Затем я отправился к латышским социалистам и сообщил им о случившемся. Все эти инстанции и объединения телеграфировали правительству Германии, которое на основании этого 14 ноября назначило меня «генеральным уполномоченным рейха по прибалтийским землям».

⁸² 8-я армия, занимавшая фронт против Советской России под Нарвой и Псковом и оккупировавшая Прибалтику, подверглась самому быстрому разложению из всех германских соединений Восточного фронта, чему немало способствовали широко поставленная большевистская пропаганда, неудачные действия командования армии, а также постоянная связь с революционной Германией по морю.

Позднее от тогдашнего министра-директора, а теперь унтер-статс-секретаря ведомства внутренних дел доктора Левальда⁸³ я узнал, как проходило это назначение. То были дни, когда в Берлине все было вверх дном, а Совет народных уполномоченных был на грани морального краха. Повсюду в рейхсканцелярии лежали телеграммы — они уже никого не интересовали, а новые приходили каждый час; кто же мог бы их все прочесть! Левальд хотел как можно скорее провести это дело, однако народные уполномоченные встречались с бесконечными депутациями, а потому были неуловимы. А затем доктор Левальд быстро решил осуществить это назначение на основе своих полномочий.

Большинство друзей тут же оценили название моей должности. Оно было несколько длинновато, однако там говорилось «рейха», не «Германского рейха», а просто «рейха» — но ведь у кого могли быть сомнения, какая страна имеется в виду? «Рейх» для всего мира значило «Германский рейх». Я всегда придавал значение этому и отражал все попытки протащить в название моей должности слово «германский».

Поначалу у меня дела обстояли так же, как и у народных уполномоченных, — ко мне постоянно приходили и уходили. Едва ли возможно описать первые дни. Я устроил себе кабинет на бульваре Престолонаследника⁸⁴, дом № 15, там же я и жил. Чтобы всегда иметь возможность быть на связи, я распорядился поставить свой телефон прямо у кровати — чрезвычайно рекомендую такую меру, она доставила мне немало радости.

⁸³ **Теодор Левальд** (нем. Theodor Lewald; 1860–1947), прусский чиновник, в 1910 г. дошедший до поста министра-директора (то есть главы администрации), а потом (в 1917 г.) и заместителя главы ведомства внутренних дел. В годы Великой войны был чиновником в администрации оккупированных Бельгии и Польши. Именно Левальд писал произнесенную Максом Баденским речь насчет отречения от престола, затем он примкнул к праволиберальной Немецкой народной партии. После ухода с государственной службы в конце 1921 г. стал крупным функционером международного олимпийского движения, добившись проведения Игр 1936 г. в Берлине.

⁸⁴ Бульвар проложен в 1859 г., во время сношения рижских крепостных валов (1857–1863). В 1861 г. новообразованный бульвар был назван бульваром Наследника. В 1920 г. переименован в бульвар латышского поэта, драматурга, переводчика и социал-демократического политика **Яниса Райниса** (латыш. Jānis Rainis, наст. фам. Pliekšāns; 1865–1929). В том же 1920 г. Райнис от ЛСДРП был избран в Учредительное собрание, в 1921–1925 гг. работал директором Национального театра, а в 1926–1928 гг. — министром образования Латвии. Народный поэт Латвийской ССР (1940 г., посмертно).

Было нелегко в обстановке такой спешки и пропаганды, на фоне как опытных, так и непрошенных советчиков, составить себе ясное представление о моих обязанностях, придав моей деятельности необходимые направленность и границы, однако же это было обязательно, если только я не хотел стать рабом новой эпохи. Прекрасным средством, чтобы прийти в себя и не терять из виду общий ход событий, были письма, которые я писал через день с завидной регулярностью, а в них сообщал о самом важном из того, чем занимался. Нередко мне лишь при написании этих писем бросалась в глаза взаимосвязь между событиями, которую я до того не замечал, и всякий раз такое письмо было весьма полезным и для меня, и для моей работы. То обстоятельство, которое побуждает человека рассказывать другому о своих делах и намерениях, приводит и к тому, чтобы объяснить и смысл их, а при этом нередко становится ясным смысл того, что он сделал в спешке и не успел основательно продумать. Конечно, еще лучше, когда подобным образом пишут о непосредственно предстоящих задачах; за счет этого приходят ко все большей ясности. Я постоянно находил, что можно изменить, если только знать, что существует готовый помочь и здравомыслящий взгляд, нежели твой собственный, и что при этом особенно важна письменная форма изложения, ведь она всегда более компетентна, нежели устное сообщение.

Я не мог уладить вопросы собственно администрации и поэтому попросил господина фон Госслера продолжать выполнять свои обязанности, оповещая меня о наиболее важных событиях, и предварительно обсуждать со мной самые важные решения. Так и было сделано. А вот собственно политические проблемы сразу же после моего назначения были возложены на меня, теперь на их ведение уже не оказывала влияния какая-либо чуждая мне воля. По моему мнению, мы должны были ликвидировать нашу прежнюю политику в Прибалтике и попытаться создать основания для нового политического курса. Преследуемая нами цель была несколько скорректирована в форме и масштабах, но принципиально не изменилась. Я не мог согласиться с политикой полнейшего равнодушия по отношению к судьбе этих земель. В этом мне мешало два обстоятельства. Во-первых, насколько я понимал, мы должны оставить открытым путь на восток для нашей экономики, а потому следует стремиться к прочным отношениям с этими странами. Во-вторых, очевидным долгом нашим было сохранение издревле поселившегося здесь немецкого насе-

ления. Я знал, что за решение двух этих задач, особенно второй, придется много бороться. Однако здесь повода для дискуссий не было. Лишь этот долг ощущаешь — и тогда от него отказаться не можешь, если же он не чувствуется — тогда о нем и понятия нет. «Где чувства нет, усердье не поможет»⁸⁵. Целью моей политики было установление отношений между нами и прибалтийскими государствами, которые бы поставили их экономически и политически на нашу сторону, дав нам возможность защитить проживающих в их пределах наших соплеменников от населения и гонений.

При этом я, само собой, никогда и не думал пользоваться прежними инструментами германской политики на Востоке. Да это теперь было и невозможно — для продолжения политики с позиции силы в старом стиле не хватало незаменимой предпосылки: этой самой силы. Однако и теперь было столь же верно, как и прежде, что те взаимоотношения, к которым я стремился, не могут быть установлены и сохранены путем лишь задушевных бесед, они могут быть приобретены и укреплены лишь за счет целесообразного использования экономического превосходства, а оно в сравнении с этими странами все еще было за нами. Соответственно, я полагал, что задача моя заключается как в ликвидации прежней политики, так и в создании новой, где следовало бы использовать некоторые элементы старой. И если относительно цели и пути к ней я, таким образом, довольно быстро для себя уяснил, то вот насчет того, в каких условиях здесь придется работать, как поведут себя эти эстонцы и латыши, а также как долго вообще еще удастся оставаться здесь оккупационным властям, было совершенно неизвестно. В суматохе тех недель представления об этом менялись день ото дня, и именно это обстоятельство придавало моей работе последовательности, а ее результатам — испытание временем.

Первое, что казалось мне необходимым, это освобождение несправедливо арестованных местных жителей. Но при реализации этого я оказался между двух огней. Штаб армии и тайная полевая полиция были отнюдь не рады таким моим намерениям и пророчествовали смерть и пожары. Латышские же социалисты, напротив, требовали попросту открыть все камеры. 15 ноября, то есть на второй день моего пребывания на посту, я распорядил-

⁸⁵ Один из афоризмов авторства Гёте.

ся, чтобы все местные жители, арестованные из-за тайной или открытой пропаганды в пользу независимости своей страны, были освобождены в течение трех дней после поступления этого приказа, вне зависимости от выдвинутого против них судебного постановления. Националистическая пропаганда была приравнена к принадлежности к тем или иным союзам или к участию в собраниях, направленных на поддержку устремлений к независимости. Следовало также освободить всех тех, кто был арестован или оштрафован за социалистическую пропаганду или за работу в профсоюзах. Но освобождение было исключено для тех, кто был известен как приверженец большевиков и кто подстрекал к вооруженному восстанию; мне незамедлительно прислали документы об этих личностях. Были затребованы и документы относительно арестованных за криминальные преступления.

То было мое первое распоряжение на посту генерального уполномоченного рейха, оно многим людям дало свободу, но не 13 тысячам, а такое число мне порой называли представители местного населения, а примерно 370 персонам. Список арестованных под видом большевиков лиц я положил перед латышскими социалистами и сказал, что отпущу любого, кого они сами сочтут неопасным. Тогда они задумались и заметили, что это придется решить мне самому. Однако я не собирался их выпускать из клещей и потребовал от них обоснования. Тогда они заявили, что уж лучше бы я оставил их всех в тюрьме. Некоторых я все же отпустил, в тех случаях, когда приходили члены семей и я лично убеждался в их нужде, а также мог поверить в добрые намерения. Насчет всех прочих я позднее, в начале декабря, поступил как Пилат, передавший иудеям их царя, — я передал их образованному тем временем ведомству юстиции латышской республики⁸⁶, которое было, правда, не слишком радо такому подарку.

В тот же день, 15 ноября, я отменил цензуру прессы и запрет на публичные собрания. Однако остался в силе запрет на основание новых газет без германского разрешения. Я немедленно позволил социалистам выпускать ежедневную газету и приказал выделить им бумагу. Большевикам в газете я отказал.

Рижские большевики немало досаждали мне с первого же дня моей деятельности. Едва исполнительным инстанциям ста-

⁸⁶ В оригинале именно так; термины «Lettland» и «Latwija», весьма последовательно различаемые автором, здесь не употребляются — ведь он подчеркивает, что это были именно внутрилатышские проблемы.

ло известно распоряжение о свободе собраний, как я уже имел счастье визита большевистской делегации, которая потребовала разрешения на семь публичных акций и на выпуск ежедневной газеты. Из семи собраний я разрешил им три, однако при условии, что на всех трех собраниях сначала они предоставят слово мне. Они пообещали мне это. Газету я запретил, но они по этому поводу приходили еще не раз. Из собраний я посетил только одно, ведь только там имело смысл говорить. Я рассказал кое-что о перевороте в Германии — что теперь следовало бы искать взаимопонимания между народами, и желание наше — жить в добрососедских отношениях с латышским народом. Германская революция не будет в точности соответствовать их основанным на русском примере представлениям, однако именно в этом ее преимущество. Я привел несколько напрашивающихся исторических примеров относительно сути революции и сказал, что самые масштабные из революций зачастую оцениваются как таковые лишь спустя поколение, в то время как кровопролитные сцены, которые полагают революциями, представляют собой, возможно, неизбежные, однако в любом случае не имеющие значения побочные явления. Я говорил так, как выступал бы перед гамбургскими или лейпцигскими рабочими. Собравшиеся слушали меня сначала довольно спокойно, но когда я продолжил, меня подняли на смех. Так что я оставил там только молодого латышского студента, служившего мне переводчиком. Потом он пересказал мне такую сцену:

Голоса из зала: «Почему здесь позволяют говорить германским меньшевикам?»

Председательствующий: «Иначе он не разрешил бы наши собрания».

Голос: «Мы чувствуем себя оскорбленными!»

Председательствующий: «Вам следовало бы сказать это ему, когда он говорил».

Голос: «Мы еще скажем ему это! Мы будем ходить по щиколотку в крови немцев!»

Председательствующий: «Надеемся на это, однако сейчас нам не следует об этом говорить, власть пока у меньшевиков».

Большой шум — овации — негодование.

Еще трижды или четырежды приходили ко мне лидеры большевиков и досаждали мне своими требованиями насчет газеты. Даже тот, кто никогда не хотел показаться невежливым, вынужден был стать таковым по отношению к этим людям. Однажды

вечером я четырежды отказывал им в приеме, но они стояли на своем и повторяли свои требования раз за разом. Наконец я попытался с ними откланяться. Они этого не желали. Я вызвал двух ординарцев и приказал им выпроводить этих людей. Тогда они ушли, но на следующий вечер вернулись опять, один из ординарцев пригласил их в мою комнату. Тогда я сказал им, что готов позволить им выпускать газету, если они приведут доказательства того, что в настоящий момент на территории, контролируемой Советским правительством, выходит хоть одна небольшевистская газета⁸⁷. Вероятно, примерно так же в старых рассказах о святых действовал воздетый перед собой крест на черта — как теперь это требование отразилось на латышских большевиках. Со злобной бранью и ворчанием они ушли. Потом они заходили еще раз, чтобы получить разрешение на примерно 20 еще собраний, где должны были быть избраны советы рабочих депутатов. Я велел им убираться, а когда они все же стали проводить собрания, приказал военным открыть огонь и этим рассеять собиравшуюся было демонстрацию. И тогда в германской прессе пошли на меня первые нападки — меня обвиняли в «политике насилия» по милитаристскому образцу, причем по приказу «балтийских баронов», верным рабом которых я с той поры и стал считаться.

Однако же это описание довольно далеко зашло вперед по сравнению с обгонявшими друг друга событиями.

⁸⁷ Сомнительно, чтобы Винниг был хорошо осведомлен о том, что происходит в Советской России, однако он со всей уверенностью мог ставить такие условия, исходя из самых общих (почерпнутых из газет) представлений о том, что творится после начала в первых числах сентября 1918 г. в РСФСР красного террора.

VII. Республика Eesti

Утром 15 ноября я получил сообщение, что местная администрация Эстляндии, резиденция которой была в Ревеле, приостановила свою работу и будто бы уже отправилась в Германию. Эта новость сильно меня встревожила, особенно же те обстоятельства, в которых все это произошло. 13 ноября была провозглашена эстонская республика⁸⁸. Случилось это, так сказать, под защитой германских солдат, которые и там вышли из-под контроля своих командиров и образовали советы. Но эта декларация все же не давала германской администрации никаких оснований к тому, чтобы покинуть страну. В Эстляндии тоже застряло немало германского имущества, так что хотя бы из-за этого были необходимы упорядоченная передача управления и последовательное спокойное свертывание деятельности. Но это оказалось невозможным. Наша же администрация, потеряв всякое самообладание, похватила чемоданы и уехала. Уже 15 ноября первые его чиновники прибыли в Ригу. Я не стал от них скрывать, что не считаю оправданным такое поспешное оставление поста хотя бы из-за связанной с этим значительной утратой германской собственности. Уж не считая всех запасов вооружения, которые остались на складах в Ревеле — мы больше не смогли бы найти ему применение, однако об этом нам еще пришлось самым серьезным образом пожалеть, — там осталось около 1,7 миллиона пудов текстиля и сырого льна, которые были нами по всем правилам закуплены и предназначены для их отправки в Германию⁸⁹. Сданы были и крупные запасы на скла-

⁸⁸ Автор вновь имеет в виду именно этническое, а не географическое понятие. Здесь и далее делается последовательное различие между этими определениями. 13 ноября 1918 г. была повторно провозглашена республика (подтверждено признание на ее существование), однако формирование правительства растянулось, а его первый лидер Константин Пятс вышел на свободу лишь несколько дней спустя. Характерно, что о декларации независимости Эстонии от 24 февраля 1918 г. (от которой ныне ведут отсчет существования этого государства) автор не упоминает вовсе.

⁸⁹ Винниг чрезвычайно уверен в том, чему у него нет доказательств. Учитывая огромные трофеи, полученные в ходе быстрого захвата немцами Ревеля 25 февраля, а также и остальной Эстляндии, вряд ли можно полагать, что все брошенное в столице Эстонии в ноябре было немцами именно куплено, но даже

дах зерна и муки. На острове Эзель также были сосредоточены крупные партии товаров, в том числе весьма примечательным образом там скопилось 20 тысяч бутылок алкоголя.

Поначалу ясной картины событий составить не удалось. Глава земельной администрации фон Цан, а именно на него следовало возложить ответственность за эти потери, позднее передал мне достаточно подробный меморандум, после изучения которого я смог заявить ему, что он в полной мере оправдан. События развивались примерно так: между 8 и 10 ноября в Ревеле и его окрестностях стали формироваться солдатские советы, причем никакого кровопролития не было, однако весьма серьезных угроз в адрес командных инстанций хватало. Эстонцы использовали это движение среди солдат, установив с ними связь, и при поддержке и ликовании сбившихся в толпу бойцов провозгласили республику. Затем они, опираясь на маленькую, быстро сформированную милицию, потребовали отставки командных инстанций и всей администрации. Апелляция командных инстанций к германским солдатам насчет защиты их от эстонцев, а также указание на стоявшие на кону германские интересы, то есть в данном случае просьба не отдавать военное и административное имущество, осталась безрезультатной. Солдаты, наоборот, стали брататься с эстонцами и заявили, что военное и прочее имущество принадлежит эстонцам по праву, ведь это возмещение за то, что у них было отобрано в ходе реквизиций. В такой ситуации инстанции, конечно, уже не могли далее исполнять свои обязанности, к тому же эстонцы заняли по отношению к ним открыто враждебную позицию.

Вскоре под влиянием представителя СДПГ Зауэра из Маннгейма удалось до некоторой степени вернуть солдатам здравый смысл, и все же власть уже твердо была в руках эстонцев.

Еще в тот же день я отправил в Ревель младшего офицера, который должен был по моему поручению переговорить с солдатским советом. То был лейтенант резерва Вилли Беккер из Фёрдерштэдта. Беккер, которого я позднее лишился при столь трагических обстоятельствах, был кристально честным юношей, он никогда не страшился и еще более рискованных миссий. Из-за его многочисленных тяжелых ран его перевели на адми-

если и так, то утраченное лишь до некоторой степени компенсировало приобретенное силой девятью месяцами ранее.

нистративный пост в Ревеле, откуда он только что и прибыл. Как только Беккер услышал обо мне, он пришел и предоставил себя в мое распоряжение. Когда я дал ему задание лететь или ехать в Ревель, он тут же захотел получить полномочия вновь ввести германскую администрацию — он собирался все исправить силами всего 30 надежных солдат. Такой задачи я перед ним не ставил, однако настойчиво просил его разобраться насчет текстиля в Ревеле, который он должен был попытаться вернуть всеми возможными средствами, но без применения насилия. Спустя несколько дней он вернулся. По меньшей мере он с помощью Зауэра добился того, что солдаты отказались от намерения попросту отдать эстонцам те ценные запасы, с помощью которых можно было бы решить столько проблем в Германии. Но эстонские солдаты уже стояли перед складами, а теперь солдатский совет рядом с каждым поставил и германский пост. На одном из складов было сложено 15 тысяч трофейных русских и японских⁹⁰ винтовок. Беккер добился, чтобы солдатский совет постановил привести их в негодность, вынув затворы. И действительно, так и сделали: к ярости эстонцев, затворы бросили в море, но ни одной нитки текстиля и ни унции льна в Германию отправлено не было. Солдаты нарушили план вывоза и отказались помочь при транспортировке военного имущества, более того, они арестовали предназначенные для этого поезда и беспорядочными толпами отправились в Лифляндию, что привело к тяжелому транспортному кризису. Так что все это попало в руки эстонцев. Оценить масштабы потерь было невозможно даже приблизительно.

16 ноября я получил от эстонского Временного правительства телеграмму, в которой оно требовало начала переговоров. Я ответил ему, что ожидаю его представителей в Риге 18 ноября. Однако уже 17-го, когда я был занят как слушаниями на съезде солдатских советов, так и большевистскими акциями, явились господа Янсен и Лухт из Дерпта и желали *a tempo*⁹¹ получить от

⁹⁰ В годы Великой войны Россия массово закупала у Японии различные типы магазинной винтовки Арисака, в основном тип 30 (三十年式歩兵銃) и тип 38 (三八式歩兵銃) соответственно образцов 1897 и 1905 гг. Так как поставки шли с большим опозданием, множество винтовок оставалось на складах не только к моменту развала русской армии, но и после нескольких месяцев германской оккупации, ведь кайзеровским войскам трофейное оружие не понадобилось, а его выдаче местным группировкам, даже ландесверу из балтийских немцев, командование противилось до последнего.

⁹¹ То есть немедленно.

меня полномочия, чтобы принять на себя управление Дерптом и округой. В этом мне пришлось им отказать.

Здесь следует представить себе, что мы в то время имели еще около двух дивизий к северу от Дерпта. Мы не могли позволить себе потерять связь с ними, сделав их отправку домой зависимой от весьма сомнительной доброй воли эстонцев. На севере Эстонии немецкой администрации уже не было, и тем более было необходимо, чтобы там, где она еще существует, она сохранилась бы до тех пор, пока не отойдет последний из поездов. Я пошел навстречу пожеланиям эстонцев, дойдя до предела возможного, позволив им постепенно сменить местную администрацию таким образом, чтобы в течение трех-четырёх недель она могла бы стать уже чисто эстонской. Однако я твердо держал под контролем железные дороги, почту и линии связи. Но эстонцам это было слишком мало, а господин Янсен дал мне понять, что мой отказ наносит вред международному социализму. Я спокойно побеседовал с ним и перечислил ему мои аргументы. Однако, когда и господин Лухт захотел таким же образом начать дискутировать со мной, я сказал ему, что его профессия (а он, как я выяснил тем временем, оказался содержателем борделя) не позволяет мне беседовать с ним о социализме. Тем самым наш разговор быстро пошел на повышенных тонах, что вскоре вынудило прекратить его.

В переговорах на следующий день эстонская республика была представлена трудовиком Кохом, ревельским адвокатом, а также еще несколькими господами, которые были в состоянии выражаться должным образом. Один из них прибыл прямо из темницы Двинска, откуда он был освобожден по моему распоряжению. Сначала он получил хороший завтрак, что заметно улучшило его настроение. Эти переговоры вообще прошли в самой приятной форме, в частности, Кох был тем человеком, который ревностно отстаивал дело своей юной республики, однако при этом выказывал и понимание моих аргументов, вынуждавших меня отклонить некоторые из его запросов. После непростых дискуссий, продолжавшихся с 8 утра до 11 вечера, мы смогли подписать протокол соглашения, «Рижский мир», как его в эйфории называл господин Кёер, его и запротоколировавший. Мне в целом удалось отстоять точку зрения, которую я отстаивал перед господином Янсеном. На уступки я пошел лишь в том, что позволил эстонцам наладить собственное почтовое сообщение, причем оно должно было вестись их средствами и через управляемые немцами конторы. Следовало отправлять и государственные эстонские телеграммы

на эстонском языке, причем они должны были пользоваться теми же преимуществами, что и германские военные телеграммы. Еще один компромисс касался университета Дерпта. Как известно, эта древняя немецкая высшая школа была открыта вновь, что потребовало определенных расходов. Сохранить чисто немецкий характер университета было, естественно, невозможно⁹². К большому несчастью, от нас потребовали пойти на уступки и здесь. Мне пришлось пойти на эту жертву. С 1 декабря управление университетом передавалось Эстонии.

Собираемые с территории налоги и прочее должны были пополнять фонд, средства которого могли быть направлены только на цели этой страны. Из этого фонда, располагавшегося теперь в Риге, я отпустил республике Eesti миллион рублей, чтобы ее правительство вообще имело возможность далее функционировать. Так что расстались мы в полном согласии, и я полагал, что этим компромиссом наши взаимоотношения были поставлены на должную основу.

Однако уже несколько дней спустя я получил сообщения о наглых выходках эстонцев. Во многих местах они сняли наши слабые посты, отбирали у чиновников деньги, плохо с ними обходились, таким же образом они применяли силу и по отношению к своим властям, в Ревеле были арестованы несколько лидеров балтийских немцев, а на остальной территории страны шли нападения на немецкие поместья. Я по телеграфу потребовал объяснений и соблюдения договора. Ответа не было. Тогда я радировал эстонскому правительству, что все жители страны немецкого происхождения находятся под защитой рейха и я потребую удовлетворения за любой ущерб, нанесенный им.

Я мог требовать многого. Эстонцы позволили себе плевать на мои телеграммы, ведь наши солдаты в Ревеле — и эстонцы знали это лучше, чем я, находясь далеко оттуда, — и пальцем не шевельнули в защиту своих братьев по племени. Лишь с трудом, просто вынуждая их, я добился, чтобы они позаботились об освобождении и отъезде нескольких балтийских немцев, находившихся в особой опасности. В своем суматошном интернационализме и в детской тяге к братанию они видели в эстонцах друзей, к которым испытывали большую приязнь, нежели к близким им по крови

⁹² Тем не менее из-за несогласия с националистической политикой германских оккупационных властей значительная часть преподавателей и студентов еще летом 1918 г. эвакуировалась в Воронеж.

балтийским немцам, так что они чувствовали свою обязанность возместить им несправедливости, нанесенные во время оккупации. Поведение наших солдат принесло нам немало вреда. Однако же, когда их в этом упрекали, причем я делал это в жесткой форме, все же нельзя было оставлять без внимания то обстоятельство, что такое поведение наших солдат может лишь качнуть маятник в другую сторону. Когда оккупационные германские войска подошли к эстонской столице, к ним навстречу вышли члены эстонского правительства, чтобы поприветствовать солдат и договориться о разделении власти. Командующий отослал их, ведь для него никакой суверенной власти в этой стране, кроме германских вооруженных сил, не было; в рамках последовательного проведения той же линии затем были распущены и правительство, и ландтаг⁹³. На всякие возражения отвечали арестами, заставив замолчать. Такое поведение по отношению к населению, которое проявило желание к установлению дружественных отношений, задевало чувство справедливости германских солдат, а когда ныне после крушения командных инстанций они оказались предоставлены сами себе, то именно это чувство справедливости и поставило их на неверную с политической точки зрения сторону, хотя это стало возможным еще и потому, что вызванное четырехлетними военными испытаниями недовольство весьма ослабило и парализовало национальные чувства. Немалому количеству германских солдат болезненно отозвалось потом такое поведение.

Политическая обстановка в Эстонии после провозглашения республики была в целом отнюдь не столь ясной и прочной, как о том рассказывали на весь мир телеграммы агентств «Рейтерс» и «Ава»⁹⁴. К вхождению в правительство из всех социалистов

⁹³ Винниг имеет в виду события середины — конца февраля 1918 г. В преддверии вторжения германских войск с Моонзундских островов ряд эстонских частей подняли восстание против большевистской власти и сумели захватить Ревель, а эстонские общественные деятели 24 февраля 1918 г. провозгласили независимость Эстонии и тут же и попытались сформировать эстонское правительство. Прибывший в Ревель уже 25 февраля германский командующий Северным корпусом генерал фон Зеккендорф положил этому конец. Он отказался иметь дело с каким бы то ни было правительством, провел повальные аресты и расстрелы «большевиков» (в том числе мнимых), а затем расформировал эстонский земельный совет — Маапаяв (*эст.* Маарпаяв).

⁹⁴ Винниг намекает, что информационные агентства стран Антанты сознательно искажали положение дел, торопясь оказать поддержку новым государствам и лишить Германию влияния на них.

удалось побудить лишь состоявшую из пары адвокатов и бывших офицеров группу трудовиков. Большевики же заняли столь характерную для германских «независимцев» позицию опьяненного принципами брюзжания, чем лишь облегчали работу поначалу не слишком значимому здесь большевизму. Начались правительственные кризисы со стрельбой в воздух и оплеухами, причина которых, предположительно, заключалась лишь в алчности оставшихся без работы адвокатов и столь же склонных к спекуляции прочих парней. При этом главную роль играли люди с, как правило, немецкими фамилиями. Читателю и без того, наверное, бросилось в глаза, что большинство из названных мною выше эстонских и латышских партийных деятелей имели вполне немецкие фамилии. Из всех них лишь Скубик и Калнин в Риге и Мартна в Ревеле обладали фамилиями из языка коренного населения, к которому себя причисляли. Мартна даже и по внешности своей был, без сомнения, эстонского происхождения. А вот Скубик и Калнин имели столь блондинистую шевелюру, что вполне могли сойти за ганноверцев⁹⁵. Остальные же, без сомнения, были немецкого происхождения, но после крушения уже не желали в этом признаваться. Так что к немецким своим фамилиям они приделали латышские окончания. Из лейпцигского студента Вальтера во второй половине ноября появился Вальтерс, Карл Ульманн с грубым мекленбургским лицом стал Ульманисом, и даже еврейский доктор Мендер впредь стал зваться Мендерсом. Мое имя в извещениях и письмах, написанных по-латышски, они тоже хотели снабдить латышским суффиксом, однако такие письма я возвращал посыльным назад, после чего они прекратили это безумие.

Эти люди не придавали особенного значения договору, заключенному с эстонским правительством. Когда же затем, примерно через две недели, деньги рассеялись, как пыль, они явились опять, чтобы добыть новые субсидии. Теперь они вновь настаивали на строгом исполнении договора. Так как, однако, даже виду не подали, что намерены отдать военное имущество, которое они полностью прибрали к рукам после отправки ревельского

⁹⁵ Такие антропологические рассуждения Виннига лишний раз показывают, что в истории и этнографии Прибалтики разбирался он довольно слабо, причем даже после нескольких месяцев активной работы в регионе. Уверенность его в том, что носителями «нордической» внешности являются в основном германские народы, также весьма характерна.

гарнизона, то никаких денег более не добились. Поначалу я планировал передать им оружие для вооружения армии, которую они собирались сформировать. Однако, учитывая такое развитие событий, от этого намерения я воздержался. К сожалению, из-за попустительства местных солдатских советов они все же смогли раздобыть несколько сотен винтовок. Первыми, в кого из них начали стрелять, были отступающие на родину германские ландштурмисты.

VIII. Солдатские советы

Как-то, еще задолго до германской катастрофы, я имел разговор с бывшим русским офицером. Будучи уроженцем Финляндии, он воевал против Германии в рядах русской армии, пережил крушение ее и позднее, после победы максималистов⁹⁶, бежал. Я спросил этого человека, как готовилось и проходило крушение армии, как исчезала дисциплина — в частности, он должен был мне рассказать, как же выглядели решающие события, то есть первый массовый отказ подчиняться приказам.

Этот человек воевал на фронте в Карпатах, потом был под Барановичами⁹⁷ и поведал примерно следующее:

«Тому, кто сам не пережил этот крах дисциплины, это может показаться каким-то неслыханным чудом. А теперь, когда все это уже осталось в прошлом, оно кажется мне чем-то вполне естественным, и я полагаю, что никак иначе и быть не могло. Солдату на фронте каждый день годами напролет приходится подавлять в себе сильнейший инстинкт, который только есть у человека, то есть инстинкт самосохранения. Таким образом, он постоянно борется против природы в себе самом. Он обязан эту природу подчинить. Однако природа никогда не сдается и за это мстит. В этом и заключается особый психологический феномен этой войны. Не так сложно преодолеть тягу к самосохранению на короткое время, особенно если оно заполнено другими действиями, в которых проявляются иные сильные инстинкты. Так, например, день сражения с частой сменой позиций, с яростными атаками пехоты и штыковыми боями развязывает в человеке тягу к уничтожению, которая очень быстро овладевает любым из нас, заставляя забыть обо всем прочем: голоде, усталости и угрозе смерти. После такого дня солдат, скорее всего, измотан, однако он остается в рамках дисциплины. Даже затяжную войну можно перенести, если она распадается на ряд отдельных маневров,

⁹⁶ Так в 1918 г. очень часто называли большевиков, особенно за пределами России.

⁹⁷ Бои в Карпатах зимой-весной 1915 г., а также попытки Русской армии наступать под Барановичами в июле 1916 г. принадлежат к числу самых кровопролитных операций на Восточном фронте Первой мировой войны, поэтому Винниг упоминает о них не случайно, по принципу *sapienti sat*.

а за днями убийственного грохота сражений следуют периоды полного покоя и безопасности. Представьте себе, что могли творить некоторые из войск Наполеона I. Были полки, которые непрерывно участвовали в кампаниях аж 12 лет⁹⁸. И при этом они никогда не поднимали мятежей. В этой войне все иначе. Она продолжалась не так уж и долго (тогда — около трех с половиной лет), и все же русская армия уже была истощена. Это произошло потому, что именно теперь солдат, если только он был не в гарнизоне или не проходил службу в дальнем тылу, постоянно подвергался смертельной опасности. Даже его так называемые позиции для отдыха все же были в зоне досягаемости вражеского обстрела. Он не сражался, а в готовности к бою сидел в окопе. В любой момент мог атаковать противник, в любой момент он мог накрыть окопы огнем. И солдат должен был постоянно силой глушить в себе инстинкт самосохранения. В обстановке этого непрерывного давления и формировался постепенно новый тип человека, с которым уже нельзя было справиться с помощью имеющейся схемы военной муштры. Он попросту был неуязвим для клещей. Дисциплина не была сломлена, она разлагалась постепенно. Первые признаки этого я видел зимой и весной 1916 г. Каждый день я проводил в окопах на передовой по четыре-пять часов. С раннего утра я был уже там, следил за раздачей пищи, выслушивал рапорты и затем опять отправлялся в тыл. Вечером в сумерки я возвращался в окопы и оставался там на несколько часов. В то время (должно быть, это было в январе или в феврале 1916 г.) я заметил первые опасные признаки упадка дисциплины. Солдаты ворчали и жаловались то на одно, то на другое. Я смог удовлетворить все их пожелания: еда, сапоги, солома, смена на позициях — все это мне удалось достать и добиться того, чего они хотели. Но они все равно ворчали. Винниг намеренно дважды и дословно повторяет одну и ту же фразу про «распустят», это — риторический прием, ему важно показать, что долдонят одно и то же. Не надо тут ничего править. То были лишь первые признаки. Они повторялись и становились все хуже. Мы часто делали вылазки, порой несли потери или брали пленных. Через несколько недель им наскучило и это, опять стали говорить: «Пусть нас по домам распустят!» Насчет этих явлений, обнаруживаемых повсюду, шли длительные совещания. Мы стали

⁹⁸ Если русский офицер и преувеличивает, то не слишком серьезно, можно насчитать 11 последовательных кампаний, с 1805 по 1815 год.

чаще менять место дислокации, иногда после этого на какое-то время становилось получше. Однако лишь ненадолго, затем вновь объявлялась старая хандра, они опять хотели домой. С весны люди стали отказываться ходить в патрули или отправляться на вылазку. Это скрывали. Однако если в разговорах говорили об этом, то тут же многие признавали, что у них то же самое. То тут, то там при раздаче приказов говорили: если возможно, лучше на передовую не посылать, ведь неизвестно, что сделают эти люди, когда им отдашь команду. Никакой политики во всех этих явлениях не было и следа. В русской армии никакой пацифистской пропаганды не было. Все это шло от самих солдат. А сами события? Да сложно сказать, в чем же они заключались. Мы просто услышали о перевороте, а новое правительство прислало извещения и приказы. Мы переговорили с нашими подчиненными, к нам прибыли и политические комиссары, которые произносили перед солдатами речи. А затем как-то утром заявили, что надо выбрать солдатские советы. Был ли это приказ сверху, или это исходило от солдат, теперь уже нельзя сказать. Однако солдатские советы были выбраны, а после этого армия перестала быть армией».

Об этом рассказе финляндца, который он мне поведал между Хербсталем и Ригой, мне пришлось вспомнить, когда я столкнулся с явлением солдатских советов в странах Прибалтики и стал размышлять о причинах этого. Я полагал, что его мнение относительно воздействия длительной позиционной войны на настроение солдат в принципе верно. Во многих пунктах оно совпадало с тем, что я знал о ходе событий и с германской стороны. Очень жаль, что все еще не нашелся профессионал, который бы описал эти тенденции⁹⁹. Мемуары великих полководцев в этом отношении не имеют особой ценности. Здесь следует обратиться к впечатлениям и опыту начальников штабов армий, фронтовых офицеров и самих фронтовиков¹⁰⁰.

⁹⁹ В 1921 г. таковых действительно не было, однако затем появились блестящие специалисты по военной психологии и поддержанию боевого духа в войсках, например генерал-лейтенант вермахта Ф. Альтрихтер. См.: *Altrichter F. Die seelischen Kräfte des Deutschen Heeres im Frieden und im Weltkriege*. Berlin, 1933.

¹⁰⁰ Несмотря на существенное развитие впоследствии исследований «окопной правды», богатую традицию лейтенантской прозы и публикацию большого количества источников, в этом отношении пробел до сих пор не восполнен. Есть большой набор субъективных впечатлений и их первичный разбор, но не качественный психологический анализ.

Когда я критически осмысливаю свои впечатления от Прибалтики и прилагаю при этом все усилия, чтобы уделять внимание только действительно важному, все же, как правило, получается совершеннейшая путаница из настроений, мнений и намерений. Чуть ли не единственной по-настоящему общей для всех чертой было страстное желание вернуться на родину. Но были в этом и исключения. Солдаты на фронте и в крупных гарнизонах изо всех сил желали отправиться домой. Однако же там, где были возможности подзаработать, находились и такие, кто считал, что это надо использовать, а потому поначалу особенной ностальгии по родине не испытывал. Целенаправленной политической пропаганды в зоне действий 8-й армии не велось. Среди либавских матросов и персонала аэродрома в Альт-Ауце были последователи партии «независимцев», которые, вероятно, размышляли и интриговали в том же духе, что и ее лидеры на родине. Однако на массу солдат (а в 8-й армии было едва ли не 150 тысяч человек¹⁰¹) это никакого эффекта не производило. Для них сама идея советов была совершенно неожиданной. Тем не менее они тут же за нее ухватились.

Внутреннее отношение к событиям определялось потребностями на родине. Крушение означало конец войны и теперь уже окончательное возвращение домой. Отсюда возникала и ностальгия, охотно превращавшая, таким образом, крах чуть ли не в личную удачу, совершенно без тяжких размышлений о глобальных последствиях. В солдатской массе дело обстояло именно так. Над этой массой находилась интеллигенция, подкованные в партийно-политическом плане люди, в основном социал-демократы, демократы, старые профсоюзные работники, а также имевшие христианско-национальные и либерально-националистические взгляды деятели без определенной партийной принадлежности. Все они без различия считали произошедшее большим несчастьем, а солдатские советы полагали неизбежной, к сожалению, глупостью. Они соглашались возглавить движение или же оказывались во главе него вынужденно и самым честным образом стремились не допустить радикализации или опасных обострений по ходу его развития. Однако порой кому-нибудь из них ударял в голову столь внезапно полученный объем полномочий,

¹⁰¹ Не ясно, откуда берет А. Винниг такие данные, однако вполне вероятно, что в 8-й армии, занимавшей громадную территорию в Прибалтике, к ноябрю 1918 г. действительно могло быть куда более 100 тысяч человек, хотя боевой состав был куда меньше.

поэтому он отходил от избранного когда-то пути и вел себя как мелкий князек, а то и пытался добиться своей выгоды в этой всеобщей суматохе.

Отношение к офицерам было преимущественно критическим. Нашлись специалисты по злым наветам, рассказывавшие истории, от которых волосы становились дыбом, — о растрате казенного имущества, о злоупотреблении командными полномочиями для обогащения за счет местного населения и о прочих недостойных явлениях. Тем самым нападки на офицеров только усилились. В противоположность этому упоминавшиеся выше солдатские лидеры стремились положить предел этой травле. Но и среди них нашлись такие, что обвиняли тех или иных офицеров в тяжких проступках, однако же они протестовали против обобщения этих инцидентов и обвинений в них всего офицерства. Здесь многое зависело от того, какой личный опыт имелся в этом отношении. Некоторые весьма разумные деятели, в целом способствовавшие благоприятному развитию событий, приходили в ярость, когда речь заходила об офицерах, именно им приписывая основную вину за общее несчастье, но порой бывало и так, что отъявленные грубияны удостаивали своих ротных высоких похвал. Однако вне зависимости от этих настроений почти всегда в солдатских советах выражали готовность конструктивно взаимодействовать с командными инстанциями.

Сами же офицеры в целом вели себя сдержанно. Они переносили перемены с достоинством и довольствовались скромной ролью, которая им теперь была уготована в составе воинских частей. Случаи утраты собственного достоинства и пресмыкания перед подчиненными были крайне редки. В Двинске был один командир батальона, который сам срезал у себя погоны и кокарду¹⁰², а потом самым отвратительным способом брался с солдатами, когда они обжирались и пьянствовали. Был и обратный случай в лице нескольких других офицеров

¹⁰² В германской армии в ноябре—декабре 1918 г., как и в русской на протяжении 1917 г., чрезвычайно остро стоял вопрос о знаках различия и вообще о любой символике, связанной со свергнутой монархией. Хотя нередко были и попытки явочным порядком отменить погоны и кайзеровские ордена, а также ввести красное знамя и узаконить красные повязки, добиться своего радикалы не смогли. К началу 1919 г. волна революционных преобразований в войсках по мере демобилизации старой армии стала сходить на нет. В дальнейшем попытки введения истинно революционных порядков остались лишь уделом вооруженных формирований ультралевых в Берлине, Руре и Тюрингии.

аэродрома в Альт-Ауце, которые бежали сломя голову, бросив все на произвол судьбы. Однако оба этих случая являются исключениями.

Организацию съезда солдатских советов принял на себя солдатский совет гарнизона Риги, у которого было в целом умеренное руководство. Оно и обратилось к советам во всей зоне ответственности армии и намеревалось также наметить и контуры дальнейшей деятельности советов, однако этого не произошло. Я как официальное лицо лишь поприветствовал съезд, который собрался 17 ноября в одном из солдатских собраний внутри города, поговорил о положении рейха. Для меня важно было тут же перенаправить этот съезд в русло, которое, по моему убеждению, было необходимо в тот момент. То, что я имел заявить относительно «старого режима», я выразил с той свободной от всяких резкостей деловитостью, которая только и могла все преодолеть. Задача советов состояла не в создании новой организации вооруженных сил, а в помощи по сбору и отправке войск на родину. А потому требованием текущего момента были не политические дебаты, а усердная работа по решению этой задачи. И я, в частности, вновь обратился к моим товарищам по партии: мы всегда упрекали старый режим и заверяли, что, окажись власть в наших руках, мы работали бы на благо общества куда лучше, нежели он. Теперь же мы получили ее, а потому обязаны думать над тем, как выполнить наши обещания. Если же мы теперь не сможем обеспечить порядок, для дела партии это будет ужасно — однако от этого пострадает и армия в целом, да и рейху будет нанесен огромный урон. Многочисленным офицерам я заявил, что и рейх, и войска не могут отказаться от их руководящей миссии. И даже если крушение армии привело к тому, что они очень многого лишились по сравнению с их прежним положением, это не должно отвращать их от желания служить. Им следует продолжать выполнять свой долг — а Германия, которую мы любили, когда она была на высоте своего могущества и процветания, теперь, в ее нужде и страданиях, стала нам еще дороже. Эффект от моей речи был достаточно силен, чтобы сдержать тех, кто был иного мнения. Я был весьма доволен достигнутым результатом, ведь теперь я мог надеяться, что солдатское движение будет направлено в здоровое русло.

Сегодня, конечно, можно смеяться над теми тревогами, которые беспокоили тогда. Однако кто же в те дни мог предсказать, что весь аппарат солдатских советов исчезнет вовсе в столь короткое

время? Сами же советы устраивались так, словно их владычество теперь надолго.

На этом съезде, возможно, все и не прошло бы столь гладко, если бы в лице рядового Роберта Альберта не нашелся бы настолько замечательный председательствующий, который с удивительным суверенитетом обходился со всем тем, что намерено было плыть против течения. Таким образом, были приняты именно те решения, которые мы считали верными. Были намечены такие направления работы, что сочли наиболее безвредными. Несколько сложнее было с вопросом об отдании воинского приветствия — обязаны ли это делать или нет. Я смог убедить съезд, чтобы он высказался за обязанность взаимного товарищеского приветствия, ведь если двое немцев встречаются за рубежом, они, само собой, друг с другом здороваются. В заключение был избран Центральный солдатский совет, но не из пяти человек, как я хотел, а из 24 персон. Это были по большей части весьма brave мужчины, которые хотели только хорошего; бывшие среди них отдельные пройдохи быстро удалились, чтобы поискать счастья на родине.

Роберт Альберт под псевдонимом Рене Вольгемут выпустил брошюру, где рассказывается о деятельности Митавского солдатского совета¹⁰³. Я буду вынужден позднее еще сказать пару слов об этих событиях. Однако именно здесь уже пора ответить на те упреки, что кинул мне Альберт: будто бы я в Риге контактировал только с людьми с реакционным складом мысли. Конечно, я нуждался в том, чтобы иметь подле себя пару сотрудников одинаковых со мной политических взглядов. Я сосредоточил свои поиски на моих однопартийцах в тамошних солдатских советах. Все, к кому я обращался за этим, отказывались, ведь они хотели оказаться дома как можно скорее. Тогда я написал в президиум своего профсоюза и просил о присылке нескольких товарищей, а затем прямо обратился к другим людям, которые казались мне подходящими сотрудниками, ведь я уже познакомился с тем, на что они способны, как и с их характером. Однако я повсюду смог найти хоть кого-нибудь. Все подчинявшиеся мне чиновники вплоть до недавнего времени были людьми вполне консервативными. Но это ничего не значило, ведь все политические решения принимал я. Никогда целенаправленно я не относился к ним

¹⁰³ См.: *Wohlgemuth F.R.* Fruchtbare Arbeit eines Soldatenrats im besetzten Gebiet: Sein erfolgreiches Wirken für die Revolution, das Reich und den Sozialismus. Dresden, 1919.

с узкопартийной точки зрения, но все же чуть ли не все они, за небольшим исключением, на прощание или же уже после отъезда в письме заявили мне, что их совместная работа со мной стала поводом к их политической переориентации. Социал-демократом был лишь один из них, однако же все эти люди уезжали от меня людьми свободомыслящими и думающими о нуждах общества — и вновь лишь за немногими исключениями, которых мне вовсе не жаль.

С Центральным солдатским советом я достиг соглашения о регулярных совещаниях, причем в ходе них информировал о важнейших политических событиях. Зачастую это были весьма конфиденциальные сообщения, однако никогда моим доверием не злоупотребляли, и никогда мы не расходились, оставшись несогласными друг с другом.

IX. Республика Latwija

Вечером дня, когда был назначен генеральным уполномоченным, я нанес визит супругам Скубикам. Если мы и расходились довольно существенно во мнении по актуальным на тот момент вопросам, то все же оба находили изрядное удовольствие в нашем общении. Мне очень импонировал теплый, налаженный домашний уют этих двух честных людей, да и они тоже охотно шли мне навстречу.

Естественно, для начала последовало несколько шуток о смене мизансцены: где прежде в вечном страхе перед германскими оккупационными властями занимались тайной националистической конспирацией, теперь первый же представитель этой власти, зная об этом, спокойно сидел за чаем — дружески принимаемый и пришедший как друг.

И все-таки я пришел не только ради уюта и дружбы, но и затем, чтобы осведомиться насчет состояния дел у латышей. Скубик же, как он сам заявил, был латышским националистом. Правда, он при этом был приверженцем международного социализма, а потому последовательно считал неприемлемыми проявления любого национализма — за исключением латышского, у которого, по его мнению, были некие особые права, что он объяснял с трогательным патриотическим угаром. Ход событий способствовал сближению наших взглядов. Я желал ориентации государств Прибалтики на Германию, того же хотел и Скубик, да и вообще все латышские меньшевики. При этом у меня была робкая надежда, что из-за недостатка политической и технической интеллигенции возникшие здесь новые малые государства будут вынуждены привлечь многих немецких чиновников и экономистов, технических специалистов и квалифицированных рабочих и таким способом мы еще сможем прийти к приемлемому результату германской политики на Востоке. У меня было желание отложить провозглашение независимости Латвии и еще ненадолго, чтобы мы могли остаться здесь на некоторое время, а мой политический курс тем временем смог бы произвести желаемый умиротворяющий эффект. Так как примирения немцев и латышей желал и Скубик, он, как и все социалисты, совершенно не настаивал на поспешных декларациях незави-

симости. Однако они не могли упускать из виду и конкуренцию со стороны других партий.

В пределах, очерченных данными планами, я мог говорить со Скубиком вполне открыто. Я спросил его: «Как обстоит дело с республикой Latwija?»

Ответ был вполне благоприятный. Вызванные изменчивой внешнеполитической ориентацией противоречия между латышскими национальными партиями были столь велики, что не только ни к какому согласию не пришли, но и вновь вдребезги разругались. Проводившиеся в мое отсутствие переговоры латышских партий были прерваны без всякого результата и привели к чрезвычайно оживленному обмену нотами лидеров партий. Карлис Ульманис письмом направил группе социалистов ультимативное требование — публично письменно признать, что проводимая им проантантовская политика верна. Социалисты же считали это новой ловушкой, ведь их ответ, будь он положительным или отрицательным, должен был стать лишь средством пропаганды против них. Они были весьма расстроены таким коварством, а потому полагали, что между ними и сторонниками Ульманиса теперь все горшки побиты.

К тому моменту в Риге о событиях в Ревеле было еще не известно.

Господин фон Госслер пригласил на 16 ноября на совещание нескольких видных латышей. Он известил меня об этом, когда мы беседовали с ним днем ранее. План такого совещания был намечен и подготовлен еще за несколько дней до моего назначения. Господин фон Госслер тем самым хотел сделать то, что шестью месяцами ранее произвело бы очень благоприятный эффект, однако теперь это было совершенно бесперспективно. Можно было бы привлечь к этому лишь нескольких обеспеченных, прогермански настроенных латышей, за которыми более никто не стоял. А такие влиятельные латышские лидеры, как Уллманн, отвечали лишь недоверием и холодностью, выказывая к ориентировавшимся на Германию социалистам лишь политиканский интерес. Теперь же, когда власть ускользала из наших рук, вдруг решили привлечь на свою сторону людей. Господин фон Госслер предложил, чтобы теперь эту миссию по организации совещания принял на себя я. Я сразу же проникся убеждением, что на него не придет ни один из латышей с левыми убеждениями, а потому не мог начать свою деятельность с такого провала. Поэтому пришлось мне отказаться

от этого заседания. Как я и предполагал, ни одного латыша на нем не присутствовало. Господин фон Госслер был смущен и считал, что после этого последует провозглашение независимости. Но, исходя из имевшихся у меня сведений об обстановке, я считал, что смогу их успокоить: до тех пор пока между латышскими партиями царил такой разброд, насчет провозглашения латышской республики можно было не беспокоиться.

До сих пор в течение всего этого изложения я писал обо всем, что считал достойным упоминания, и не обращал никакого внимания на то, что тот или иной деятель может посчитать себя скомпрометированным моей откровенностью. Я не желал, чтобы освещение событий в Прибалтике пострадало бы от подобных личных обстоятельств. Но здесь я подхожу к ситуации, где связан обещанием молчать.

Вечером 17 ноября — в этот день проходили съезд солдатских советов и большевистские собрания — я пригласил супругов Скубик на ужин в мою квартиру на бульваре Престолонаследника. На съезде я встретил пару моих хороших знакомых по Гамбургу, которые хотели еще со мной пообщаться, так что я и их взял с собой домой. Это было вполне в духе тех дней, а в особенности именно этого момента, ведь солдаты германского ландштурма вполне отлично ладили и беседовали с моими латышскими гостями, в то время как сам я, издерганный и уставший от травли и волнений, тихо сидел у печи и предоставлял излучавшему энергию лейтенанту Беккеру заботиться о приглашенных. Около 10 часов неподалеку, в спальне, зазвонил телефон. Я вышел, чего собравшиеся почти не заметили, и взял трубку. Меня просили незамедлительно и без посторонних прибыть в один из скверов, разбитых между бульварами Александра и Престолонаследника. Вполне понятно, что я с недоверием отнесся к этому требованию неизвестного мне лица, ведь с учетом хода событий и моей в этом роли вполне имел основания подозревать в этом и угрозу своей безопасности. Я немного помедлил с положительным ответом, а затем ответил, что смогу прибыть в указанное место через 10 минут. В ответ еще раз услышал, что должен, однако, прибыть только в одиночестве, иначе никого не встречу. Покинуть дом так, чтобы не пройти мимо ординарцев или через столовую, где сидели гости, можно было только в обход, преодолев четыре лестницы. Именно так я и вышел на улицу. Для самозащиты я спрятал в карман пальто русский

армейский револьвер, который зарядил, но еще не пристрелял. Уже в дверях меня еще раз посетила мысль вернуться или же взять с собой, по меньшей мере, лейтенанта Беккера, однако рецидив юношеского духа искателя приключений все же заставил меня не делать этого.

О чем я должен умолчать, так это о фамилии того лица, которого я встретил в условленном месте. Пришлось к нему подняться вверх по скверу. На месте я увидел скамейку пониже небольшой будки, на ней никого не было, я присел. С бульвара Александра (хотя это мог быть и бульвар Тотлебена) через голый кустарник стал пробиваться слабый луч света. Спустя какое-то время, пока я беспокоило перебирал в кармане револьвер, с холма спустился человек. Он прошел мимо, внимательно оглядев меня, и исчез за поворотом. Сразу появилась уверенность, что это и есть тот, кого жду, ведь он хотел лишь убедиться, что я действительно пришел один. Слышал, как он идет за небольшим холмиком. Но пока я еще прислушивался, звук шагов раздался и с другой стороны. Ничего приятного в этом, конечно, не было. Затем почти одновременно подошел человек справа и еще один слева. Это были те, кто желал переговорить со мной, сообщив мне нечто важное.

Сведения и вправду были весьма важными, а на фоне до того имевшейся у меня картины ситуации у латышей и вовсе неожиданные¹⁰⁴. Мне передали текст речи, которой Карл Уллманн собирался послезавтра, в 2.30 пополудни, провозгласить в латышском театре республику Латвия.

Оба этих человека потребовали, чтобы я это предотвратил и приказал сегодня же ночью арестовать лидеров этого движения, а также большинство прибывших его сторонников. Мне тут же назвали места, где разместились самые видные латышские лидеры: «Отель де Ром», «Белльвю» и т. д. Я поблагодарил и сказал, что использую полученные мною сведения в немецких интересах. Они усмотрели в моем ответе отказ от их рекомендации и начали настойчиво меня уговаривать. Но я стоял на своем и заявил,

¹⁰⁴ 17 ноября 1918 г. соперничавшие политические группы и амбициозные политики, с одной стороны, ориентированные на проантантовский Латышский временный национальный совет, с другой стороны, участвовавшие в полуподконтрольном А. Виннигу Демократическом блоке (а то и двурушнически совмещавшие то и другое), согласились на совместное формирование временного предпарламента — Народного совета Латвии (*латыш.* Tautas padome).

что не могу дискутировать с ними о том, что является моими служебными обязанностями. Они стали горячиться, упрашивать. Я же громко отвечал, так что нас могли услышать и внизу на бульваре. Тогда они вдруг смирились и удовольствовались вместо политических гарантий 150 восточными рублями¹⁰⁵. На этом они и удалились. Это были не немцы.

В понедельник, пока я вел переговоры с эстонцами, полученные сведения подтвердились. Я известил об этом губернаторство и солдатский совет и дал указание не мешать этой акции. Так 19 ноября¹⁰⁶ в указанный час и произошло провозглашение Латвийской республики, или *Latwija*, как ее окрестили латыши, а уже около четырех часов¹⁰⁷ ко мне явился Карл Уллманн, а ныне премьер-министр Карлис Ульманис¹⁰⁸, вместе с председателем

¹⁰⁵ Имеются в виду «острубли» — валюта, ходившая в 1916–1918 гг. на оккупированных Германией территориях, главным образом в зоне ответственности Главнокомандования на Востоке (Обер Ост).

¹⁰⁶ А. Винниг ошибся на один день: понедельник было 18 ноября. Именно в этот день во Втором городском (до лета 1917 г. Рижском Русском) театре группа из 38 лиц, образовавших Народный совет, провозгласила Латвийскую Республику (*латыш. Latwijas Republika*). В дальнейшем название нового государства утратило букву «W»: она была заменена на «V» при реформе алфавита.

¹⁰⁷ Торжественное заседание Народного совета только началось в 16:30, а закончилось после 20:00 троекратным пением гимна «Боже, благослови Латвию!» (*латыш. Dievs, svētī Latviju!*). Поэтому поход Ульманиса и Земгалса к Виннигу состоялся вечером позже.

¹⁰⁸ **Карлис Аугустс Вильгельмс Ульманис** (*латыш. Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis*; 1877–1942), латвийский политический и государственный деятель. Занимался молочным хозяйством. В 1905 г. сотрудничал с журналом «Сельскохозяйственный», за публикации подвергся аресту, в 1906 г. уехал в Германию, затем в США, где окончил курсы сельского хозяйства Линкольнского индустриального колледжа в 1909 г. В 1913 г. по амнистии вернулся на родину. После Февральской революции 1917 г. был заместителем комиссара Временного правительства России в Лифляндской губернии, один из организаторов и лидеров Латышского крестьянского союза. Остался в Риге под немецкой оккупацией. В 1918–1921 гг. премьер-министр Временного правительства Латвии. Впоследствии занимал посты премьер-министра (четыре раза), военного министра, министра иностранных дел (четыре раза), министра сельского хозяйства (два раза). 15 мая 1934 г. организовал военный переворот и установил авторитарно-националистическую диктатуру: распустил парламент, все партии, арестовал многих политических активистов, закрыл неугодные печатные издания, прекратил действие Сатверсме (конституции), притеснял национальные меньшинства в экономической и культурно-образовательной сферах и т.д. С 1936 г. при осуществлении диктаторских полномочий совмещал должность главы правительства с должностью президента. В июне 1940 г. принял советский ультиматум, ушел с поста министра-президента

народного совета¹⁰⁹, чтобы торжественно оповестить меня о состоявшемся акте. Я был вовсе не удивлен их визиту и принял это известие с такой ремаркой: «Надеюсь, что этот шаг пойдет на благо жителям Латвии».

Это был первый раз, когда я видел Уллманна¹¹⁰. По крови своей и по образованию он был немцем. Именно немецкое образование дало ему то, что он и знать не хотел о своем немецком происхождении. Хотя сомневаться в нем не приходилось. По его словам, несколько семестров он изучал агрономию в Лейпциге. Затем отправился в Америку и там несколько лет был приват-доцентом. После возвращения унаследовал крупное крестьянское хозяйство в южной Лифляндии, которым сам и управлял, и очень неплохо. Помимо латышского он говорил на русском, английском и немецком, однако же в остальном был человеком довольно простым, а внешний вид его оставался вполне крестьянским. Как мне рассказывали балтийские немцы, семья его в давние времена перебралась из северного Ганновера, однако, живя среди чисто латышского крестьянского населения, постепенно утратила свою национальную самоидентификацию. По моему ощущению, он был единственным членом тогдашнего правительства, который мог бы быть интересным с деловой точки зрения, то есть тем, кого принято называть приличным человеком. Я часто сожалел, что этого человека не удалось привлечь на сторону Германии. Хотя его германофобия была сильна и очень часто выражалась весьма отталкивающим образом, в остальном подлости или лжи от него не исходило¹¹¹. Некоторым было выгодно считать, будто

вместе со всем составом правительства, утвердил просоветское правительство А. Кирхенштейна. В июле 1940 г. ушел в отставку с поста президента государства, был выслан советскими властями в Ставрополь под надзор органов НКВД. Арестован в июле 1941 г. после нападения Германии на СССР, умер в сентябре 1942 г. в тюремной больнице Красноводска (Туркменская ССР).

¹⁰⁹ Речь идет о ведем церемонии в театре Г. Земгалсе, заместителе председателя Народного совета, так как его председатель, будущий глава Учредительного собрания в 1920–1922 г. и президент Латвии в 1922–1927 гг. **Янис Чаксте** (*латыш.* Jānis Čakste; 1859–1927), объявился в Риге только 22 ноября (см.: 20. gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 14. lpp.).

¹¹⁰ Здесь Винниг лукавит, пытаясь завуалировать свои более ранние контакты с Ульманисом, касавшиеся условий выхода последнего на авансцену во главе временного правительства.

¹¹¹ **Рюдигер фон дер Гольц** (*нем.* Gustav Adolf Joachim Rüdiger Graf von der Goltz; 1865–1946), командующий германскими войсками в Прибалтике и губернатор Ливавы в феврале—августе 1919 г., придерживался совсем иного мнения

он куплен Англией, однако же подобные заявления довольно часто делаются, но редко доказываются.

Правительство новой республики было образовано из национального совета. От имени его и в иной манере вновь были высказаны мысли, которые легли в основу моих предложений еще в конце октября, причем и текст прокламации заметно перекликался с моим тогдашним проектом. Различные партии попытались согласовать свои требования. Планировалось, что в Народном совете будет сотня членов. Однако поначалу собрались лишь 70¹¹², ведь из отдаленных частей Курляндии и из Латгалии делегаты еще не прибыли или даже не вызывались. Социалистам было отведено около 20 мест, однако в правительство они не вошли. Кабинет состоял из Уллманна, ставшего премьером, Вальтера — министра внутренних дел, Германовски — министра финансов¹¹³ и Залита¹¹⁴ — военного министра, затем прибыли и некоторые другие назначенные министры. Однако из всех них личностью был только Вальтер — причем личностью в опалесцирующем свете. Будучи сначала социалистом, он затем отошел от партии, чтобы иметь возможность действовать легитимно. Сначала он был настроен прогермански, однако затем стал следовать антигерманскому курсу Уллманна, лишь бы стать министром и играть заметную роль. Это и было единственной отрадой его сердца. Внешним лоском он превосходил всех своих коллег. Он и стал оратором от министров. Я поначалу питал к нему известное доверие, ведь социалисты говорили мне, что Вальтер убеждений своих не менял, а предпринял чисто внешнюю смену политического фронта, как оппортунист, однако сердцем он

об Ульманисе. См.: Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С. 159, 162, 192.

¹¹² Изначально в Народный совет Латвии входило 40 членов, представлявших партийные группы, кроме крайне левых и крайне правых. Позднее он был расширен до 245 представителей.

¹¹³ Инженер-путеец **Теодорс Германовскис** (латыш. Teodors Hermanovskis; 1883–1964) был с 19 ноября 1918 г. по 11 июня 1920 г. министром сообщения и труда. Затем редактировал газету «Латвияс саргс» и журнал «Неделя», работал в сфере инженерно-строительного проектирования жилых и общественных зданий. В 1944 г. бежал в Германию, после Второй мировой войны эмигрировал в США.

¹¹⁴ **Янис Залитис** (латыш. Jānis Zālītis; 1874–1919), латышский юрист и политик. В 1901 г. окончил Юрьевский университет. В 1912 г. избран депутатом Государственной думы Российской империи. Один из организаторов формирования батальонов латышских стрелков в 1915 г. Член Народного совета, с декабря 1918 г. по июль 1919 г. числился военным министром Латвии в правительстве Ульманиса.

по-прежнему социалист, причем настроенный дружелюбно к Германии. Вальтер принадлежал к числу тех людей, у которых никакой путеводной звезды в профессиональном плане нет, он жил лишь своей личностью. На самом деле он стремился к посту президента и охотно использовал бы возможность оттеснить Уллманна в тень. Так как теперь настроения латышской мелкой буржуазии и крестьян были направлены жестко против Германии, Вальтер при случае в самой оскорбительной манере позволял себе соответствующие выражения, чтобы отвлечь народную благосклонность от менее искусственного в ораторстве Уллманна. Однако что же мог этот двусмысленный писака по сравнению с настоящим крестьянином от сохи! Позднее его интриги стоили ему портфеля — теперь он посол в Риме.

О других министрах сказать особенно нечего. Министр финансов был полнейшим нулем, военный министр Залит — вечно желавший напиться скандалист. В поведении этих людей было много опереточного, только Уллманн являл собой солидную, прочную силу.

Сразу же после провозглашения республики¹¹⁵ пришлось начать переговоры с временным правительством. Договоренность с эстонцами я обязан был заключать без какого бы то ни было предварительного согласования с ведомством иностранных дел. А вот переговоры в Латвии, где на кону стояло несравненно больше (Курляндия уже три года была занята германскими войсками, за счет рейха там были построены железные дороги и ряд производственных объектов¹¹⁶), я не хотел вести без указания от правительства Германии. Поэтому я написал в иностранное

¹¹⁵ Интересно, что в латышской публицистике существует оппозиционно-«апокрифическая» трактовка событий 18-19 ноября 1918 г. в Риге как инспирированного Виннигом «первого ульманисовского путча» (второй, таким образом, состоялся 15 мая 1934 г.). Согласно этой версии, повторному провозглашению независимости предшествовало первичное, осуществленное 17 (30) января 1918 г. в Петрограде усилиями деятелей Латышского временного национального совета, строго ориентировавшегося на Антанту и отвергавшего германское участие в создании государства (см.: *Linīņš V., Leja L. Ko svinēsim 18. novembrī? Vēsturisks apskats.* http://baltutautas.lv/media/uploads/2016/11/02/V.Linins_L.Leja_Ko-svinesim-18-novembri.pdf).

¹¹⁶ Винниг, по немецкому обыкновению, не желает при этом замечать, что многое было не построено, а восстановлено после вызванных войной (и самими немцами зачастую) разрушений, при этом объем захваченного и вывезенного в Германию из зоны Обер Оста был таков, что популярный по итогам Великой войны вопрос «Кто должник?» в данном случае имел особенно неоднозначный ответ.

ведомство пространный отчет, в котором подробно изложил ход событий, дал представление о латышских деятелях и наметил способы, какими намерен с ними взаимодействовать. Это была долгая и основательная работа, результат которой я отправил в ведомство с курьером. Оттуда мне должны были в случае, если мои предложения не одобрят, немедленно дать другие инструкции по телеграфу. Этого, однако, не произошло, так что 22 ноября я вступил в переговоры с латвийским правительством¹¹⁷.

Соображения, исходя из которых я пошел на это, были таковы: образование латышской республики — уже свершившийся факт, который мы как таковой признаем. Германия подтверждает готовность немедленно вступить в переговоры с образованным на основе Народного совета правительством. Уже сегодня мы считаем Народный совет представительством Латвии, однако обращаем внимание на то, что немецкая часть населения в нем пока не представлена и что вопросы представительства должны быть подобающим образом разрешены еще до того, как последует официальное признание Латвийской республики со стороны рейха. На период оккупации мы, согласно положениям Гаагской конференции о войне на суше, пользуемся положенными оккупирующей стране правами, если только не откажемся от них добровольно. Мы хотели бы, чтобы нас воспринимали не как вражеских оккупантов, а как державу, которая встала на защиту Латвии, пока она в этом нуждается, а мы имеем возможность ее предоставлять. Вследствие этого мы не намерены противиться латышскому стремлению как можно скорее обрести самоуправление, а будем способствовать передаче административных дел местным органам. До сих пор не оплаченные реквизиции должны будут как можно скорее оплачены. Принадлежащее Германии имущество следует как можно скорее вывезти, однако построенные или запущенные рейхом в эксплуатацию заводы должны будут сохранить работоспособность. Собственность на них остается за нами, однако мы готовы передать их латвийскому правительству по приемлемой цене.

¹¹⁷ Винниг лукавит. При тогдашнем хаосе в различных инстанциях, на транспорте и даже на телеграфе всерьез полагать, что курьер за три-четыре дня добрался до Берлина, вручил там послание и его тут же изучили, было абсурдом. В калейдоскопически быстро менявшейся обстановке 1918–1919 гг. проблема связи особенно негативно воздействовала на процесс принятия решений. Винниг об этом не мог не знать, а потому лишь сделал вид, что ждал инструкций, да и то на всякий случай, а потому приступил к действиям, будучи уверен, что они будут одобрены задним числом, как и произошло.

Относительно построенных рейхом железных дорог необходимо заключить особый договор. Важно стремиться, чтобы Германия и после окончания оккупации могла бы использовать их по своему усмотрению, при этом необходимо учитывать латышские требования на долю в прибыли и на участие в определении тарифов. Следует идти навстречу финансовым претензиям в рамках имеющих в распоряжении местных средств, а выходящие за рамки этого притязания могут быть улажены путем обычных займов.

Я ознакомил немецких участников переговоров с этими принципами. Переговоры, хотя мы каждый день сидели почти по четыре часа, затянулись более чем на неделю. Были и перерывы, порой даже настоящий шторм, когда какой-нибудь из латышских министров врывался с известием об очередном нанесенном немцами ущербе и начинал бить по столу в знак протеста и требовать. Мне чрезвычайно на пользу пошло спокойствие, выработанное мною на порой весьма эмоциональных переговорах о заработной плате. После таких выходов я объявлял, что этот вопрос теперь мешает ходу переговоров по основному вопросу и что было бы правильно еще раз обсудить его по завершении первых. Между тем, однако, гнев или алкогольное опьянение латышей несколько рассеивалось, а потому уже было возможно обсудить инцидент спокойно. Конечно, однажды было и так, что жалобы эти оказались вполне оправданными, — тогда попытались помочь их удовлетворить. Наконец, 1 декабря мы смогли выработать текст договора и итогового протокола¹¹⁸. Хотя я придерживался сооб-

¹¹⁸ При этом уже 25 ноября 1918 г. Винниг передал Ульманису памятную записку следующего содержания: *«Имею честь сообщить господину президенту, что германское правительство согласно временно признать Народный совет Латвии самостоятельной властью и Временное правительство ее исполнительной комиссией до того времени, когда Мирная конференция определится относительно будущего Латвии в соответствии с правом народов на самоопределение»*. 26 ноября, в новом меморандуме, Винниг фиксирует два важных момента: 1) временное правительство Ульманиса осуществляет верховную власть на латышской этнографической территории; 2) германская гражданская администрация передает управление территориями временному правительству в соответствии с соглашением, которое еще предстоит заключить. Не удивительно, что в латышских политических кругах восприняли этот технический документ чуть ли не как ноту о признании Берлином Латвии как государства, хотя речь шла лишь об авансовом признании «провизорного» органа власти. Согласно телеграмме Виннига в Берлин от 5 декабря, он все же подписал с *«временным правительством Латвии временное соглашение, которое после острой критики утвердил и Народный совет»* (цит. по: *Feldmanis I., Stranga A., Taurēns J., Zunda A. Latvijas ārpolitika un diplomātija 20. gadsimtā. Rīga, 2015. 152., 154. lpp.*).

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ

ценных ранее во внешнеполитическое ведомство принципов, но все же полагал необходимым получение одобрения из Берлина, а потому отложил подписание. Когда после нескольких дней ожидания согласие в конце концов было получено, многое, очень многое уже переменялось.

Уже в последние дни переговоров густую тень на наш стол бросила подступающая с Востока опасность.

Х. Немцы и латыши в Прибалтике

Еще в рамках политики на Востоке кайзеровского периода пришлось столкнуться с таким крепким орешком, как конфликт между немцами и латышами на юге и между немцами и эстонцами на севере Прибалтики. Однако он все же был разгрызен, причем раскололась не только скорлупа, но и ядро его.

Я мог бы упростить свою задачу, если мы вовсе не обращали бы внимания на эти противоречия, и занял бы такую позицию: какое мне дело, на каком языке здесь разговаривают, какого они происхождения? Просто домой — и пусть они тут сами разбираются, как им здесь друг с другом обходиться. Но так как я этого не сделал, то вынужден был этим конфликтом заниматься, пытаюсь отыскать удачный способ его разрешения.

Еще за 50 лет до этого о национальных противоречиях в Прибалтике ничего и не знали¹¹⁹. Немец был господином на земле, он был и врачом, и адвокатом, и священником, и учителем, и фабрикантом, и купцом, и цеховым мастером, и квалифицированным работником. Латыш и эстонец же оставались крестьянами, батраками, а также необразованными пролетариями в городах. В предшествующие нашей эпохе времена собственность была основой (но не источником) культуры, а там, где заканчивалась собственность, там приходил конец и культуре. Сегодня все иначе, однако я здесь рассуждаю о прошлом. Так как собственность в землях Прибалтики была в руках немцев, то и культура прибалтийская была культурой немецкой¹²⁰. Немецкой, но еще и протестантской — в религиозном отношении. Немецкими были по своему облику города, немецкими по своему обустройству были усадьбы. Немецкими были высшие школы, языком общения и сделок тоже был немецкий, немецкой по большей

¹¹⁹ Точнее, позволяли себе не знать русские власти, а немецкое рыцарство и вовсе не обращало внимания на какую-либо оппозицию своему господству в политическом смысле, что не мешало наказывать отдельных «смутьянов», выставляя их «бунтарями».

¹²⁰ Объяснимое, но существенное упрощение ситуации с культурным обликом Остзейских провинций.

части была и литература. Создателями латышского литературного языка и грамматики были немецкие пасторы, а в связи с таким их происхождением и все латышское печаталось готическим шрифтом.

Весьма распространенным заблуждением является отнесение всех балтийских немцев к категории «баронов». «Бароны», то есть владельцы крупных поместий, вместе со всеми членами своих семей составляли лишь 10–12% от всех немцев в Прибалтике. Основная же масса прибалтийских немцев приходилась на горожан. Помимо этого, в городах, главным образом в Риге, было немалое число и рабочих немецкого происхождения. Когда я в декабре 1918 г. принял на себя официальную миссию по защите интересов оставшихся без средств немцев из рейха, только в Риге в списках на оказание помощи были до 4 тысяч человек. То были по большей части квалифицированные рабочие, а также торговый и технический персонал — все они остались без работы из-за эвакуации своих предприятий вглубь России¹²¹. Среди горожан, бывших по большей части довольно зажиточными, были и такие, кто мог проследить в Прибалтике шесть и более своих предков, однако большая часть городских семей поселилась там лишь во втором или в третьем поколениях. Их предки отправились в Прибалтику, будучи ремесленниками, осели здесь и стали преуспевать, а некоторые и вовсе сильно разбогатели. Меня это не удивляло.

В последние предвоенные годы я занимался сбором материалов по истории городских профессиональных объединений ремесленников. В ходе этой работы я нашел множество старых документов и при этом обнаружил довольно сильный поток на восток в этом склонном к перемещению сообществе. Около 1760 г., например, брауншвейгское братство шляпников выгнало одного из своих членов. Ему пришлось уехать и искать работу в другом месте. Но всюду его преследовало недоверие и гнало все даль-

¹²¹ Эвакуация из достигшей почти полумиллионного населения Риги действительно была очень масштабной, в особенности в конце лета — осенью 1915 г., когда ожидали скорого захвата ее немцами. Кое-что продолжали эвакуировать и впоследствии, вплоть до ее взятия германской армией в начале сентября 1917 г. Именно это привело к тому, что в России оказались десятки тысяч молодых латышей, часть из которых 1917–1919 гг. пополнила знаменитые полки латышских стрелков.

ше. Тогда он поехал в Варшаву. Однако через несколько месяцев брауншвейгцы узнали об этом и потребовали и там учесть их решение об изгнании из цеха. Польское правительство, к которому изгнанник обратился за защитой, через посредство прусского посланника потребовало, чтобы брауншвейгское правительство разобралось с «неподобающими действиями» своих подданных, и при этом еще и горько жаловалось на «злые нравы», которые привносят германские переселенцы в Польшу. Из-за этого данный случай и попал в те документы, которые я обнаружил. В 1793 г. Мемельская мастерская каменщиков просила у короля разрешение платить членам общины вместо 11 грошей 12, ведь «жалованье» в Риге и в Дерпте, дескать, выше, а потому проезжие каменщики уезжают в эти города, так что у мемельских мастеров не получается нанять рабочих. В старой песне каменщиков есть такие строки:

Оттуда (из Любека) мы хотели бы рискнуть,
 Да и поехать мы хотели в Копенгаген,
 К самому королю датскому.
 Кораблик, кораблик, но ты закачался,
 Да и свернул вдруг в Ригу,
 В русский город морской торговли,
 Где у меня много любимых братьев!

Так что у нас есть древние неоспоримые свидетельства, что прибалтийские немцы имели корни в самых разных слоях нашего народа, они отнюдь не являются лишь узкой верхней прослойкой из помещиков. В городе Рига, который перед войной насчитывал 500 тысяч жителей, при муниципальных выборах, проходивших еще до вступления в город германских войск, 20% избирателей были немцами. Я твердо убежден: если бы в Кёльне и Кобленце было бы столько же французов, сколько немцев в Риге и Ревеле, во Франции бы в один голос утверждали: Кёльн и Кобленц должны стать французскими! — а весь остальной мир с господином Брантингом¹²² во главе заявлял бы, что требование о передаче этих территорий вполне справедливо.

¹²² **Карл Яльмар Брантинг** (*швед.* Karl Hjalmar Branting; 1860–1925) был лидером шведской социал-демократии и первым премьером-социалистом Швеции. Брантинг играл заметную роль во II Интернационале, многое сделал для возобновления межсоциалистических контактов в 1917 г. в рамках

Однако здесь речь была о немцах и о Германии. И это меняло дело. И все же такой казус стоит того, чтобы над ним подумать.

И так же, как развивается известное инфекционное заболевание, у людей, которые долгое время были избавлены от оупляющего воздействия партийной пропаганды, вырабатывается определенная защитная реакция, которая противодействует этому эффекту. Вот так и проводимая с русской стороны травля «балтийских баронов», направленная на то, чтобы опорочить всех балтийских немцев, не оказала того всеобъемлющего эффекта, который могла бы иметь. Главным образом она имела успех в тех слоях населения в Германии, которые отличались еще совсем незрелыми и наивными политическими воззрениями. Но более всего доверяли ей в среде сторонников социал-демократии из рабочих, ведь они опять-таки были слоем не слишком образованных людей. То обстоятельство, что именно русские вели эту пропаганду, при симпатии германской социал-демократии к пишущей русской интеллигенции¹²³ пошло этому только на пользу. Я вовсе не ощущаю потребности восхвалять балтийских помещиков, которых теперь и вовсе не осталось. Однако мне, как немецкому писателю, не кажется недостойным взять их под защиту от глупого предубеждения, являющегося следствием пропагандистской травли, послужив установлению исторической правды именно теперь, когда бедствия балтийских немцев возопиют к небесам.

Конечно, помещики из балтийских немцев вовсе не хуже, чем прочие владельцы поместий. Существование крупных поместий на определенном этапе развития хозяйства было характерно для всего мира, а в наше время — и в Восточной Европе,

Стокгольмской конференции, поддерживал русских социалистов в период Временного правительства. Большевистскую революцию встретил враждебно. Претензии к нему Виннига объясняются тем, что германская социал-демократия возлагала крупные надежды на посредничество скандинавской социал-демократии в достижении компромиссных условий мира с Антантой, иллюзия этого сохранялась довольно долго. Впоследствии шведская социал-демократия была обвинена в том, что она встала на сторону Антанты, что верно лишь отчасти. Брантинг в 1921 г. был удостоен Нобелевской премии мира за свои усилия по разрешению конфликтов между государствами на берегах Балтийского моря.

¹²³ В данном случае Винниг подменяет понятие «большевики» понятием «русские», что довольно часто встречается в германской, да и вообще в западноевропейской литературе по данному вопросу.

создавая политическую систему, при которой общественная власть находится исключительно в руках помещиков. При этом всегда сказывается пренебрежение интересами нижнего слоя населения, правда в различной степени. Там, где подобное неравенство несколько смягчается покровительственной патриархальностью нравов, всегда можно найти лишь местные, временные или индивидуальные к тому причины. Когда положению балтийских помещиков не было никакой угрозы, их правление могло быть очень жестким. Однако с конца XVIII в. все чаще встречаются в документах свидетельства отнюдь не частого гуманного отношения к подчиненным¹²⁴. Воспоминания о юности Вильгельма Кюгельгена¹²⁵ рисуют картину вполне патриархальной жизни. В первой четверти XIX в. со стороны прибалтийских помещиков последовала инициатива к проведению крестьянской реформы, которая привела здесь к отмене в 1817 г. крепостного права, о чем в остальной России тогда еще нечего было и думать¹²⁶.

С 1885 г. из-за начавшейся тогда антинемецкой политики России балтийские помещики вынуждены были оборонять все более тяжелую позицию. Особенно насильственный характер русской революции на латышских территориях был следствием проводимой царскими агентами травли балтийских немцев¹²⁷.

¹²⁴ Винниг откровенно предвзят в этом вопросе, хотя единичными примерами можно пытаться доказать что угодно.

¹²⁵ **Вильгельм фон Кюгельген** (нем. Wilhelm Georg Alexander von Kügelgen, 1802-1867) был сыном известного художника-портретиста Герхарда фон Кюгельгена, в начале XIX в. некоторое время работавшего в России. Вильгельм также стал художником, однако куда более прославился публикацией своих «Воспоминаний о юности старого человека», выдержавших за первые полвека сотни изданий. Таким образом, Винниг черпает свои представления об Остзейском крае главным образом из популярной мемуаристики.

¹²⁶ Как и большинство его соотечественников, А. Винниг совершенно не разбирается в нюансах российской политической истории, а потому его версия причин и хода отмены крепостного права в Прибалтике, а также сравнения этого процесса с историей крестьянского вопроса в России не выдерживают никакой критики.

¹²⁷ Таким образом, А. Винниг некритически воспринимает пропагандистскую публицистику эмигрировавших на историческую родину балтийских немцев, например Т. Шимана и П. Рорбаха, теряя тем самым основания для претензий на объективность. Для иной точки зрения достаточно было бы сравнения русификаторских усилий Александра III и, например, прусской политики онемечивания поляков.

Помощь балтийских немцев при кровавом подавлении революции 1905 г., которая в Латвии носила сильный антинемецкий отпечаток, только прибавила латышам оснований для ненависти, о мощи и дикости которой может составить себе представление только тот, кто сам видел ее проявления.

Балтийские немцы были не правы с исторической точки зрения, когда полагали, что могут еще долго сохранять прежнее свое положение. Из латышей, бывших народом поденщиков, постепенно выделилась весьма деятельная ремесленная и купеческая высшая прослойка. Из нее уже вышла и городская интеллигенция. Тем самым, если смотреть исторически, настал момент, когда должно было появиться латышское национальное самосознание. С этого момента насильственное господство высшего слоя, который насчитывал едва 10% населения, было уже нельзя удержать. Теперь уже балтийским немцам следовало осознать момент — начать переучиваться. Ныне политика, направленная на взаимопонимание, стала уже исторически обусловленной необходимостью.

Встал и вопрос перераспределения земельных владений. В Курляндии и Лифляндии хозяйствовало экстенсивно — я уже писал об этом в 1-й главе. В Эстляндии едва ли было иначе, хотя тамошнюю ситуацию я по собственному опыту оценить не мог. Как-то я стоял с Сильвио Брёдерихом перед полем овса и только хотел сказать, что здесь косить не стоит, сюда только лошадей приводить, чтобы они паслись на поле, как он сказал: просто великолепный овес! Однако эта почва могла бы, само собой, дать еще больше, если бы в нее вкладывать побольше. Но не было никакого дренажа, скота мало, убогие, устаревшие машины, не было и химических удобрений — ну откуда же тогда быть хорошим урожаем. Раньше вполне можно было бы и обойтись и этим. Почти все поместья, по нашим понятиям, были исключительно большие, а для интенсивного хозяйства, которого требовал прогресс в агротехнике, для интенсивного развития были и вовсе очень большие. Земельная рента, как полагали хозяева поместий, была просто необходима с экономической точки зрения. Однако и из политических соображений без нее было не обойтись. Во всей остальной Европе понятие «безземельный» неизвестно¹²⁸. Только в России оно использовалось или употребляется и до сих пор.

¹²⁸ Данное заявление весьма плохо соотносится с реалиями аграрной истории Европы.

«Безземельным» называли человека без надела. Безземельные латыши хотели земли, а имевшие надел хотели бы его увеличить. Я не могу рассказать об этом земельном голоде больше, чем то, что он имел место. Националистическая латышская агитация легко взяла это на вооружение, хотя удовлетворение же этой потребности явилось бы предпосылкой совместной немецко-латышской работы на благо нового государства.

Так как мой политический курс имел в виду создание пути к такой совместной работе (ведь, по моему разумению, это был единственный вариант добиться поставленных мною целей), все то время, которое я мог выкроить после улаживания всех склок, я должен был заниматься этими вопросами, пытаюсь их разрешить.

В земельном вопросе социалисты стояли на самой радикальной позиции — попросту они требовали ее изъятия. Я пригласил нескольких их лидеров к себе и обсудил с ними весь комплекс вопросов. Я хотел заинтересовать их вариантом законного урегулирования, который предусматривал бы установление минимальной величины при прогрессивно возрастающем объеме изымаемых земель в обмен на компенсацию, которая могла бы быть использована только для оплаты долгов и проведения работ по мелиорации, а также на технические средства. Один из них сослался на Маркса, который требовал экспроприации экспроприаторов, причем отступать от этого будто бы нельзя. Я стал спорить, ведь теперь речь идет не о литературе, а о политике¹²⁹, и добился, что большинство собеседников согласилось с моими планами. Но как только началась законодательная работа, к этому делу хотели вернуться. Так как все проходило достаточно благоприятно, я вслед за этим хотел подготовить с ними и привлечение к участию в национальном совете и правительстве и немецкой части населения страны. Но это тем не менее не привело к какому-либо результату, ведь усомнились даже в самом желании балтийских немцев приступить к совместной работе.

Поэтому я подготовил собрание Народного комитета балтийских немцев, чтобы разъяснить ему мою позицию относительно необходимости их содействия. Это произошло на заседании,

¹²⁹ Этот аргумент можно было сделать девизом ревизионистского и реформистского направления в марксизме, восторжествовавшего в конце XIX в. после работ Э. Бернштейна в германской социал-демократии.

которое было весьма интересным, но прошло неудачно. Как раз, когда я говорил, поднялся пожилой горожанин Риги и сказал: «Вы — человек молодой, с современными принципами и замыслами, а потому то, чего вы здесь от нас требуете, вполне может показаться вам верным и возможным. Я вас в этом не упрекаю, ведь вы хотите балтийским немцам добра. Однако мы — люди старые, мы поседели, имея иной образ мыслей, эти взгляды — наша жизнь. Как вы можете теперь требовать от нас, чтобы мы отказались от принципов, которые унаследовали от наших отцов и праотцов, чтобы сделать то, что хотят эти, латыши?» Старому господину шумно аплодировали, что явно выражало скорее уважение и симпатию, нежели согласие. Я ответил ему, что даже самый прекрасный принцип в политической кухне никогда не будет чем-то бóльшим, чем всего лишь инструментом, средством, а вот мастером, то есть целью, он становится не должен. Я смог убедить комитет в важности переговоров с лидерами латышей, которые я тут же стал готовить. 27 ноября, впервые в истории Прибалтики, латышские и немецкие политики сели за один стол, чтобы обсудить общие вопросы¹³⁰.

Цель переговоров заключалась в том, чтобы установить квоту представительства балтийских немцев в Народном совете и в правительственных органах. Латышские лидеры были вообще отнюдь не склонны допускать участие немцев, они скорее только укрепились бы в своей ненависти ко всему немецкому, однако они все же были достаточно умны, чтобы осознать, что хотя бы ради внешнего эффекта не должны отклонять готовность немцев к сотрудничеству. Фундамент, на который опиралось правительство Уллманна, был слишком тонок, чтобы опираться на него постоянно. Состав Народного совета был целиком и полностью лишь следствием совещания партийных бонз. Народ же не спрашивали. Власть делили через его голову. Поначалу интересы рабочих в этой стране никто в правительстве не представлял: хотя меньшевики были в Народном совете, однако там они были на обочине, оказавшись в оппозиции, большевики вообще в этом не участвовали, их с общего согласия сразу исключили. Не было представителей и от латышей с правыми взглядами, а также и от всей немецкой части населения, то же касалось и русских, евреев, поляков и литовцев. Доля всего нелатышского

¹³⁰ Скорее, впервые в новейшей истории. Переговоров на этапе становления немецкого господства в Прибалтике в конце XII — XIII вв. было немало.

населения оценивалась в 16-18%, меньшевики полагали даже, что имеют поддержку 20%, а у большевиков, по общему мнению, даже больше того, так что стоявшим за правительством Уллманна партиям оставалось лишь 35-40% населения. Таким образом, делали хорошую мину при плохой игре и заявляли о готовности предоставить немцам долю в органах законодательной и исполнительной власти. Немцы в ответ не слишком горели желанием участвовать в таком деле. Я вел переговоры, причем стремился учесть предысторию отношений двух национальностей, о которой и поведал. После меня выступал Вальтер, причем столь вызывающе, насколько это было вообще возможно в подобных обстоятельствах. Он не только потребовал признания республики и Народного совета (что было вещью само собой разумеющейся), но и принципов, озвученных в декларации о ее провозглашении, а также согласованных тем временем принципов земельной реформы и прочих актов. Только если немцы без возражений признают эти уже свершившиеся факты, можно будет говорить об их вхождении в Народный совет и т.д. Естественно, немцы даже не удостоили ответом подобные претензии, а их ведущий оратор Ройсснер, рижский адвокат, выступил после Вальтера, вступив с ним в оживленную перепалку, в которой другие лидеры латышей участвовали не слишком активно, однако дело из-за этого так и не продвинулось. Ройсснер сказал примерно следующее: «Мы себя вам, латышам, не навязываем. То, что вы провернули 19 ноября, это — ваши игрушки, а не наши. Наши же интересы ограничиваются тем, чтобы в созданных вами обстоятельствах сохранить наше культурное наследие и иметь возможность работать в условиях безопасности и правопорядка. Далее наши интересы не распространяются, причем они всегда были именно такими. Господствует ли здесь Россия, закрепится ли здесь Англия, или же останется республика — это всегда будет нашей единственной целью. Если же в эту страну придут большевики, для латышей это будет еще хуже, чем для нас: ведь тогда с этой республикой будет покончено — конечно, и с нами тоже, но мы и при господстве латышей погибнем. Поэтому мы по отношению к латышской республике равнодушны, если только она нас не притесняет: это не нам нужна латышская республика, а латышская республика нуждается в нас».

В таких стычках прошло несколько часов. Все было ровно наоборот по сравнению с тем, как бывает, когда хотят предотвратить конфликт. Партиям следовало бы унять свое недовольство.

Если же им мешать его проявлять, раздражение в них все же сохраняется, и оно дает о себе знать, причем, как правило, не вовремя. Так что я предоставил противникам изливать свой гнев, а когда и сами они, и слушатели уже от этого устали, я сделал предложение на некоторое время отложить вопрос о признании или непризнании принципов конституции и обсудить чисто математическую сторону проблемы. Это и происходило в течение следующих двух заседаний.

Латыши предложили немцам занять 6 мест из 100, опираясь при этом на статистику населения. Ведь если причислить к Латвии еще и оставленную русским в Брест-Литовске землю Латгалии¹³¹, в которой немцев нет вовсе, доля немцев в увеличившейся таким образом Латвии составит как раз 6%. Такое предложение, естественно, немцев не удовлетворило, да и я считал его неприемлемым. Я предполагал, что буду добиваться 15 мест для немцев в Народном совете и двух — в кабинете. Это было несколько больше, нежели их доля в численности населения, однако это было бы вполне оправдано в связи с выдающимся значением немцев в сельском хозяйстве, ремеслах, торговле и культурной жизни. У немцев не наблюдалось особенной склонности к такой уступке, охотнее всего они бы и вовсе не заботились о республике, выжидая развития событий. Они не доверяли латышам и говорили, что те нарушат любые соглашения, как только будут в состоянии это сделать. Я предоставил балтийским немцам успокаивать себя подобным мнением и продолжал идти своим путем. Когда же я счел, что момент настал, я рассказал партиям о моем предложении.

Латыши тут же встали в позу, а Вальтер стал язвить и произнес напыщенную речь, из которой ровным потоком стекал демократический елей. Ишь какие притязания: немцам — и привилегии! Республика будет насквозь демократической, гарантируя рав-

¹³¹ Латгалия (Инфлянты) никогда в Российской империи к Остзейским провинциям не причислялась, отличаясь от них этнорелигиозным составом населения. Вошла в состав России после Первого раздела Речи Посполитой (1772), став затем частью Витебской губернии. Немцев в Латгалии действительно было чрезвычайно мало, менее 1% населения. В Брест-Литовском договоре ни о каком отделении Витебской губернии от России и даже о продолжительной оккупации всей ее территории речи не было, однако при обсуждении Добавочного договора (подписан 27 августа 1918 г.), по которому Советская Россия отказалась от всех прав на Лифляндию и Эстляндию, вопрос о Латгалии, точнее, о разграничении по ее территории, и судьбе Двинска уже был поставлен.

ные политические права без различия личности, сословия или национальности — таковы ее неприкосновенные принципы, — квоту представительства поэтому может определить только доля в численности населения.

В ответ я указывал, что этот чисто математический принцип был оставлен без внимания уже в первом же акте латышской независимости, ведь оценивавшаяся в 25–30% часть пробольшевиcтски настроенного населения изначально была лишена всякого представительства и участия в органах власти — так что жителей уже начали различать по политическим соображениям. Таким образом, мое предложение остается как раз вполне в рамках прежнего образа действий, ведь он требует учесть особые политические и экономические качества немецкой части населения страны. Я даже дополнил свое предложение тем, что обсудил создание в столице страны Риге отдельного избирательного округа, который должен был иметь большее число представителей, и в этом случае за счет перевеса немцев в Риге как раз и будет достигнуто предлагаемое мною количество их представителей.

И тут мне пришлось услышать кое-что весьма прискорбное. Едва только я закончил говорить, как слово взял балтийский немец барон Розенберг¹³². От имени Немецкой прогрессивной партии он заявил, что они отказываются от какого бы то ни было режима благоприятствования или особенных правил по количеству представителей для немцев, ведь следует сохранить чистоту демократических принципов, а потому его партия согласна на вхождение в Народный совет на выставленных латы-

¹³² Барон **Эдуард фон Розенберг** (нем. Eduard Baron von Rosenberg; латыш. Eduards barons fon Rozenbergs; 1878–1954), помещик, адвокат, дипломат. Член Народного совета, выступал с «прогрессивно»-лоялистских позиций к латышским политическим кругам, пытаясь при этом добиться минимального учета интересов балто-немецкого меньшинства. В первом временном правительстве Ульманиса числился государственным контролером, однако участвовал в общеполитических интригах в качестве «образцово-приемлемого» местного немца. Знание языков, юридическое образование и ловкость Розенберга в интригах и полемике были использованы в дальнейшем на дипломатической работе в Вене (Австрия). Однако в 1925 г. латвийская дипмиссия в Австрии была свернута, а Розенбергу, как балтийскому немцу, пусть и лояльному, работы во внешнеполитическом ведомстве Латвии среди латышей не нашлось. Позднее он опубликовал свою версию событий, где крайне неместно отзывается и о Винниге. См.: *Rosenberg E. Baron von. Für Deutschtum und Fortschritt in Lettland. Erinnerungen und Betrachtungen*. Riga, 1928. В 1939 г. был вынужден репатриироваться в рейх.

шами условиях. Этой декларацией, естественно, были ошарашены, и среди латышей тут же заговорили, что тут балтийский барон вынужден напоминать германскому социал-демократу о его обязанностях перед демократией. Через несколько дней уже и в Берлине стало известно об этом инциденте, причем его передавали в искаженном виде, так что когда я 10 декабря совещался с членами Совета народных уполномоченных в Берлине, Ландсберг¹³³ спросил меня, правда ли, что я требовал для немцев и эстонцев равного представительства в эстонском парламенте. Так как с эстонцами я и вовсе не обсуждал вопросы их государственного устройства и никогда не выступал за безумие подобного чрезмерного представительства, я ответил попросту «нет». Лишь позднее мне стало ясно, что это касалось Латвии и вышеописанных событий. Ландсберг рассказал мне, что к нему в большом количестве поступают жалобы на мою линию поведения, слишком сильно ориентированную на балтийских немцев, так что я должен быть начеку и не позволять себе никаких промахов. С той поры фальсификации и подозрения не прекращались, они шли и с латышской, и с эстонской сторон и с привычным усердием ставились на обсуждение как в правительстве, так и на собраниях социал-демократической фракции в рейхстаге депутатом от СДПГ Давидзоном¹³⁴.

Это вмешательство немецких прогрессистов положило конец переговорам. Латыши теперь нашли лидера немцев, готового к уступкам. Этот барон Розенберг был недалеким рыцарем удачи, который незадолго до этого прибыл из Петербурга. Ему самому в Прибалтике было искать нечего, он там никогда не

¹³³ **Отто Ландсберг** (нем. Otto Landsberg; 1869-1957), профессиональный юрист еврейского происхождения. В годы Первой мировой войны примкнул к правому крылу умеренных социал-демократов, затем входил в состав Совета народных уполномоченных, где отвечал за прессу, искусство и литературу. Был министром юстиции, членом германской делегации в Версале, послом в Бельгии. После прихода к власти нацистов эмигрировал в Нидерланды, оккупацию которых пережил сравнительно благополучно.

¹³⁴ **Георг Давидзон** (нем. Georg Davidsohn; 1872-1942), германский журналист еврейского происхождения, участник Первой мировой войны. Был одним из самых заметных публицистов социал-демократии, принадлежал к ее левому крылу. В ходе революции был председателем совета в Эмдене, затем депутатом Национального собрания в Веймаре, однако свои политические амбиции удовлетворить в полной мере не смог, а потому в 1920 г. покинул ряды СДПГ. При нацистах подвергался преследованиям.

жил, да и известен не был, однако относился к числу тех жадных до добычи и рыскающих всюду политических ландскнехтов, которые были тогда довольно распространенным явлением на Востоке. В Риге он примкнул к Немецкой прогрессивной партии, состоявшей из весьма посредственных людей, которые, естественно, во всем полагались на барона. Барона Розенберга вознаградили и портфелем¹³⁵. Когда же затем подступили большевики, этот субъект одним из первых искал спасения на английском корабле и уехал. Теперь же он вновь занимает кое-какие позиции в Латвии.

¹³⁵ Во временном правительстве Ульманиса он числился государственным контролером и старался держать нос по ветру. Так, в ходе заседания 22 декабря барон Э. Розенберг заявил: *«лучшей была бы помощь англичан, но ее нет»* (цит. по: Dokumenti stāsta: Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas / Sast. V. Bērziņš. Rīga, 1989. 102. lpp.).

XI. Вторжение Красной Армии

На съезде солдатских советов, где на заседании одна речь сменяла другую, хотя ничего существенного так и не было сказано, к вечерним часам уже утомились. Внимание было давно исчерпано, стояли в группках и беседовали, желая при этом, чтобы слушания наконец были закрыты.

Но тут на весь зал раздался пронзительный голос, заставив всех обратить на себя внимание. Маленький бородатый солдат ландштурма стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей к трибуне, и очень бурно жестикулировал и кричал.

Это был представитель от фронтовиков на участке под Двинском.

«Говорю вам: близится катастрофа! Вот это надо здесь обсуждать! Нам нужны подкрепления! А вы сидите тут и говорите, и говорите целыми днями! А у нас там несчастье! И если вы смеетесь надо мной, то вы просто не понимаете, сколь велика опасность! Большевики атакуют, а наши парни сражаться с ними не хотят! У нас уже сейчас все пошло наперекосяк и с каждым днем становится хуже. Я здесь говорю и предупреждаю вас об этом. Большого я сделать не в силах! Или вам придется нам помочь, или все будет потеряно! Сейчас нельзя терять время!»

Съезд не хотел ничего по этому поводу предпринимать. Председательствующий Роберт Альберт обещал, что обсудит это со штабом армии. Я тут же взялся за дело и запросил командование о положении на фронте. Там знали, что Красная Армия опять оживилась и на отдельных участках уже теснит наши позиции¹³⁶.

¹³⁶ Открытое (в противовес предшествующим партизанским рейдам) наступление РККА на различных участках установленной еще в марте—мае 1918 г. демаркационной линии стало ощущаться с 16-22 ноября 1918 г. Подготовка к отступлению немцев началась еще до этого, в связи с обязательством германских войск очистить часть оккупированных территорий в обмен на поставки большевиками золота, согласно Добавочному договору. Тем не менее к рывку на запад в РККА перешли только после Ноябрьской революции в Германии. Наступление поначалу шло неспешно, так как большевики прилагали все усилия, чтобы избежать кровопролития за счет активной революционной пропаганды, добиваясь в этом немалых успехов. Там, где требовалось поскорее

На линии фронта были два важных с тактической точки зрения пункта, один из которых — Двинск, а другой — нижнее течение р. Нарова. В создавшейся ситуации отправка подкреплений к этим участкам была совершенно исключена. Ни одна воинская часть не последовала бы приказу выдвигаться. Все хотели домой, но никак не на фронт. Штаб армии заявил, что он не в состоянии что-либо с этим сделать, но обещал по возможности ускорить эвакуацию. Однако она шла и без этого. Так что пришлось предоставить этому несчастью идти своим чередом, исходя из предположения, что Красная Армия к боям с нашими войсками не стремится и подождет со своим продвижением, пока мы не очистим территорию. Но это, опять-таки, было лишь предположение, которое вскоре пришлось признать ошибочным.

Центральный солдатский совет отправил пару своих делегатов в Двинск. По возвращении они рассказали, что наши солдаты чрезвычайно дружелюбно держатся по отношению к большевикам и знать ничего не хотят об обороне. Большевики заверяют их в безвредности своих намерений: они хотят за счет денонсации Брест-Литовска¹³⁷ лишь вернуть России отпавшие от нее земли вроде Лифляндии и т. д., однако без войны и только после отхода немцев. Правда, свидетельствовали и о том, что дела большевиков плохо согласуются с их словами. Нередко бывало и так, что большевики вдруг подходили к германской позиции и требовали немедленного отступления, а германские солдаты были столь усталыми от войны, что готовы были попросту бросить все военное имущество, запасы, сооружения и т. д., даже больных товарищей, лишь бы не пришлось с оружием в руках сопротивляться большевикам. На фоне всех этих событий солдаты с величайшим нетерпением требовали отправки домой и нередко части в полном составе бросали свои позиции, предварительно продав военное имущество, а деньги положив в карман.

Солдатский совет хотел поручить переговоры с большевиками мне. Но я отказался от поездки в Красную Армию, указав на очень важные дела в Риге, и предложил, чтобы солдатский совет

захватить важные пункты, РККА наступала, с переменным успехом преодолевая сопротивление митингующих германских войск. Двинск, например, был занят красными 8 декабря 1918 г.

¹³⁷ Торжественное аннулирование Брест-Литовского мира (уже отмененного Компьенским перемирием) постановлением ВЦИК последовало 13 ноября 1918 г.

использовал свои контакты с Красной Армией и пригласил получившего соответствующие полномочия командира русских в Ригу, где я бы и начал с ним переговоры. Солдатский совет на это согласился и предпринял подобную попытку, однако никто не приехал.

В ночь с 26 на 27 ноября Красная Армия атаковала германские позиции под Нарвой¹³⁸ и после краткого боя обратила наши войска в бегство. Я был извещен об этих событиях совершенно недостаточно. Когда же я узнал об этом, то отправился в штаб армии, чтобы услышать там оценку специалистами значения происходящего. Я считал прорыв на этом участке чрезвычайно опасным, ведь это могло повергнуть в еще больший хаос и без того связанный с большими трудностями вывоз находившихся в Эстонии солдат. Начальник штаба армии¹³⁹ согласился с этим, однако никакого выхода из ситуации не предложил. Мы с картой в руках обсудили возможность сформировать новый кордон, чтобы удержать на какое-то время по меньшей мере центральную Эстонию и обеспечить эвакуацию корпуса Эшторфа¹⁴⁰ из окрестностей Дерпта. Конечно, такие возможности были, однако откуда же было взять солдат, которые были бы на это готовы? Из Дерпта от солдатского совета приходили пугающие сообщения. Позиции у Чудского озера полностью сданы, солдаты попросту бегут или братаются с большевиками, а также расхищают запасы. Требовали, чтобы приехал я и переговорил с солдатами.

В штабе армии меня не приняли. Сколько раз я пытался вызвать их на откровенный и доверительный разговор, столько и наткнулся на самого негативного тона сдержанность. Глава гражданской администрации господин фон Госслер был единственным человеком, с которым я мог говорить о военной обста-

¹³⁸ Активные бои начались еще 22 ноября, хотя поначалу их вели силами отрядов эстонских большевиков, понесших большие потери.

¹³⁹ Майор **Рудольф Франц** (*нем.* Rudolph Frantz), доверенное лицо Людендорфа, провел всю войну на Восточном фронте и фактически руководил 8-й армией при командующем Г. фон Катене. Оставаясь типичным кайзеровским офицером, он и мысли не допускал о возможности вмешательства штатских в военные вопросы, а уж тем более социал-демократов. Отставка Людендорфа 26 октября и бегство кайзера 9 ноября действительно сильно потрясли его. Упорный саботаж взаимодействия с Виннигом и крах 8-й армии стоили ему поста и возможностей дальнейшей карьеры.

¹⁴⁰ То есть войск 60-го генерального командования.

новке, и он, так же как и я, был убежден, что следует предпринять по меньшей мере попытку приостановить продвижение русских. Мы обсуждали замысел формирования арьергардного войска силой примерно в дивизию, однако при таком положении дел можно было иметь в виду только добровольцев. Мы вдвоем поехали к командующему армией и рассказали ему об этом. Но тот только покачал головой: армии больше нет — это уже невозможно — для этого нужна иная организация, понадобится такое-то количество офицеров, столько-то интендантств, а теперь-то все иначе — и так не пойдет. Мы начали возражать, однако пожилой его превосходительство не способен был поменять точку зрения. Так что мы уехали восвояси с пустыми руками. Однако еще в тот же вечер я вызвал к себе нескольких членов Центрального солдатского совета — причем по случайности в это время в Риге был и Роберт Альберт из Митавы — и изложил в этом кругу обстановку. Солдатский совет еще в предшествующие часы известил командующего армией, что желает переговорить с ним на следующее утро, а потому просит указать место и время, когда это может произойти.

На другой день утром мы прибыли в Рижский замок. Переговоры проходили драматически. Я сказал командующему армией, что для меня слишком важны обсуждавшиеся накануне вечером вопросы, чтобы я мог довольствоваться простым его отказом. А так как отказ его обоснован главным образом сомнениями, что он не сможет найти необходимых для такой арьергардной армии солдат, я просил бы солдатский совет принять участие в данном обсуждении, высказавшись именно по этому пункту. Оратор солдатского совета, в мирной жизни бывший редактором вестфальской газеты партии Центра¹⁴¹, высказался за немедленное выступление с воззванием к солдатам об их вступлении в добровольческие части. Это имело бы успех, ведь солдатские советы тут же подключились бы к пропаганде такой вербовки, а командованию армии остались бы лишь организационные вопросы. И вновь командующий выразил все свои сомнения, уже озвученные им накануне вечером. В ответ я предложил ему предоставить все вопросы вербовки и организации мне и солдатским советам, не чинить препятствий тем офицерам, что

¹⁴¹ Умеренно-либеральная католическая партия, сформировавшаяся при объединении Германии и ставшая одной из основавших Веймарскую республику политических сил.

намерены этому содействовать, а также выделить из армейских запасов снаряжение, довольствие и денежные средства на оплату этого предприятия.

Но и об этом командующий армией и знать не хотел. И тогда произошло то, чего я никогда не забуду. Поднялся председатель Центрального солдатского совета и обратился с речью к своему высшему начальству. Это был видный блондин крепко за тридцать лет, вызывавший симпатию честный человек — и, безусловно, солдат даже в этот момент, когда он выступил против своего генерала. Продолжавшаяся десять-пятнадцать минут, речь, что он произнес, стоит того, чтобы воспроизвести ее здесь. Я попытаюсь передать ее с помощью моих пусть и довольно обрывочных записей.

Унтер-офицер Симерс сказал примерно следующее: «Ваше Превосходительство заявили мне, когда мы формировали солдатский совет, что хотели бы установить отношения взаимного доверия. На этом мы и подали друг другу руки. До сих пор никаких ссор между нами не случилось. Пусть ваше превосходительство не думает, что мы настаиваем на своей точке зрения просто из упрямства. Мы знаем, как там, на фронте, обстоят дела у наших товарищей. Солдат охватил бессмысленный страх: они боятся, что более не вернуться домой, что попадут в плен к большевикам, а те угонят их в Сибирь или куда там еще. Этот страх и гонит солдат прочь от их позиций. Они штурмуют поезда или пешком идут в Ригу, опрокидывая все стройные планы по упорядоченной их эвакуации. Ужас перед тем, что не удастся вернуться, превращает их в мародеров, воров и бродяг. И если так пойдет дальше, в Германию вернется не Восьмая армия, а толпа одичавших беженцев и оборванцев. Но если мы сейчас с трех сторон — солдатский совет, командование армии и уполномоченный рейха — обратимся к войскам: кто хочет помочь? кто еще может отдать свою жизнь ради спасения армии, сесть в окопы? кто захочет рисковать собой, чтобы домой вернулись все его товарищи из Восьмой армии? — тогда, ваше превосходительство, я уверен, что мы за неделю сможем выставить 10 тысяч добровольцев, готовых сдерживать большевиков до тех пор, пока в безопасное место не вывезут все, до последнего человека и до последнего мешка муки. Ваше превосходительство в это не верит, потому что вы попросту не знаете простых солдат, рядовых из ландвера и ландштурма. Ведь кем они были для вас? Вы видели в них только тех, кто носит винтовки, получает

жалованье и хлеб, — но никогда не усматривали в них людей! Я прошу прощения, ваше превосходительство, если я сейчас говорю резко. Я никогда не думал, что буду подобным образом говорить с генералом. Однако, когда я сейчас думаю о том, что выдерживал четыре долгих года, что вынесли мои товарищи, меня просто разрывает. Я не вспоминаю о мучениях во Франции и Польше, о маршах и боях, о моих ранах и о тоске по семье. Все это мы сделали для нашего Отечества. Я думаю о том, как было растоптано наше человеческое достоинство. Так точно, ваше превосходительство, оно было растоптано. Однако если мы и должны были терпеть это, то все же этого не забыли. И если теперь в солдатах говорит ненависть, то это лишь следствие. Равнодушие и забвение долга солдат на большевистском фронте стали ответом на то пренебрежение, которое они вынуждены были терпеть со всеми прочими нагрузками».

Командующий армией выпрямился: «Я намерен принять этот запрос. Образованы арьергардные части, довольно крупное смешанное подразделение. Начальник штаба разрабатывает его структуру, которую обсудит с вами».

Но теперь и у меня возник вопрос. Мне вовсе не понравилось, что организатором арьергарда является начальник штаба. Конечно, он был отличным солдатом. Однако переворот, крушение армии столь потрясли его, что он, казалось, утратил всякую энергию. Незадолго до этого у меня были два офицера штаба, которые привели мне вполне определенные тому доказательства, свидетельства, после которых отпадало всякое сомнение в том, что этот человек переживает глубочайший душевный кризис. С естественным в подобных случаях сочувствием я спросил его, считает ли он себя подходящим человеком для организации новых воинских частей. Он в это верил. Я намекнул, что не стоит приниматься за такую задачу, если изначально нет веры в успех задуманного. Но начальник штаба сказал, что он верит. Я стал более настойчив и упомянул о том, что сообщили мне офицеры. В ответ я услышал, что да, такое было, он действительно временно поддавался колебаниям, что, однако, вполне понятно, но он все же возьмется за организацию, ведь никто другой сделать этого не сможет.

Затем мы обсудили еще несколько второстепенных вопросов, командующий армией вновь подал председателю солдатского совета руку, и затем мы ушли, испытав новый прилив доверия.

Это стало часом рождения Железной дивизии¹⁴². Ее формирование было почти вырвано у командных инстанций, что, конечно, отнюдь не помешало тому, что в Германии уже через несколько дней стали освистывать этот шаг, считая его первым шахматным ходом контрреволюции.

И вот солдатские советы с завидным усердием приступили к вербовке. Каждый день записывались по несколько сотен человек. Я же только подгонял солдатские советы. Нельзя было терять время. Красная Армия наступала по всему фронту, от Двинска до Нарвы.

¹⁴² На тот момент еще Железной бригады. «Дивизией» этот смешанный отряд в едва 1,5 тысячи человек сделал ее новый командир Й. Бишоф и только в конце января 1919 г. Винниг и в дальнейшем упорно продолжает называть это соединение Железной дивизией.

ХII. Дальнейшие военные события

Исходившая от наступавшей Красной Армии угроза много раз становилась предметом обсуждения с латышскими министрами. Когда стало известно о прорыве под Нарвой, меня разыскали Вальтер и Уллманн и, будучи шокированы, стали расспрашивать, а можем ли мы что-либо против этого предпринять. Вместе с Вальтером я отправился в штаб армии, чтобы он там имел возможность убедиться, что недостатка к тому доброй воли с нашей стороны нет. По отношению к латышскому правительству я придерживался мнения, что Германия в моральном отношении обязана защищать прибалтийские земли до тех пор, пока они не создадут собственные силы обороны, а потому обещал, что эта защита будет осуществляться до пределов возможного, хотя и не стал скрывать, что армия в таком состоянии, что это ставит рядом с такими намерениями большой вопросительный знак.

Жители Прибалтики немецкого происхождения еще до того, как я получил свой официальный пост, отправили своих добровольцев из числа молодежи в организации, где они проходили обучение с помощью германских солдат. Это случилось еще в то время, когда на столь близкую опасность еще никто не рассчитывал¹⁴³. За счет этого хотели заложить основу для будущих вооруженных сил прибалтийских государств. Таким образом, рассчитывали, что времени будет достаточно, а потому и сделано было немного. Уже с первых дней моей деятельности я полагал, что обязан всемерно способствовать развитию этого небольшого ополчения — ландесвера. Я заседал на латвийское правительство, чтобы оно признало официальный статус сформированных бал-

¹⁴³ Попытки балтийских немцев добиться согласия германских оккупационных властей на формирование ландесвера долго оставались безуспешными. Штаб 8-й армии категорически не желал любой раздачи оружия местному населению. С большим трудом и лишь с начала октября 1918 г. удалось добиться согласия на образование пока что чисто немецких частей самообороны, причем к этому моменту ощущение грядущей схватки за Прибалтику было вполне ясным, так что Винниг не точен.

тийскими немцами рот и направило бы на их укомплектование и латышскую молодежь. Но латыши в этом вопросе были особенно недоверчивы, а потому все совещания с мертвой точки так и не сдвинулись. Немцы же, напротив, даже удвоили свои усилия, постоянно выпуская воззвания к добровольцам. Штаб армии помог вооружением, насколько мог, так что примерно к началу декабря эта горстка продвинулась столь далеко, что ее можно было двинуть в бой. Наконец и латышское правительство все же разглядело необходимость формирования для себя защиты, а потому дошло до своего рода соглашения с Национальным комитетом балтийских немцев. Теперь в рамках ландесвера формировались немецкие, латышские и русские роты, которые были поставлены под командование германского офицера, для этой цели вышедшего из состава частей германской армии. Никакого официального отношения к этим войскам германские инстанции не имели. Вследствие этого мы были не обязаны оснащать эти войска, а при открыто антинемецких настроениях не только у латышского правительства, но и у латышского населения не имели особой склонности давать в руки оружие бойцам ненемецкого происхождения. Латышское население постоянно награвливали против Германии в газетах и на собраниях, каждый день в латышских изданиях выходили яростные, откровенно оскорбительные по отношению к Германии статьи, так что казалось весьма рискованным выдавать этим людям оружие. Лично я охотно пошел бы в этом отношении навстречу латышскому правительству, однако конкретно в этом вопросе ничего не мог сделать, ведь я не мог распоряжаться запасами имущества армии¹⁴⁴. А вот штаб армии к латышским пожеланиям относился отрицательно. В этом вопросе позиция командования, как выяснилось позднее, была более правильной, нежели моя.

Между тем, события на фронте принимали все более неблагоприятный оборот. Эвакуации наших войск, находившихся в северной Эстонии, препятствовала не только Красная Армия, но и эстонская милиция¹⁴⁵. В предыдущей главе я упоминал, что

¹⁴⁴ Винниг явно лукавит. Так, с эстонцами (см. на с. 84-88) соответствующие переговоры он вел, а здесь якобы ничем не мог помочь.

¹⁴⁵ В эвакуации германских войск Красная Армия была как раз заинтересована, хотя и не прекращала попыток перевербовать часть германских солдат, но и большевики, и эстонцы совершенно не желали допускать вывоза вместе с войсками и всего того имущества, которое германское командование считало

некоторые солдатские советы в Эстонии весьма легкомысленно выдали эстонскому ополчению оружие¹⁴⁶. Теперь же эти вооруженные эстонцы, сбившись в банды, рыскали по стране и становились все более опасными для наших эвакуируемых солдат. Неоднократно на небольшие их партии внезапно нападали и заставляли сложить оружие. При этом самым постыдным образом не единожды доходило и до того, что наши солдаты позволяли себя разоружить, не сделав ни малейшей попытки сопротивляться. Там же, где они показывали эстонцам зубы, последним приходилось плохо. Так, например, мекленбургские драгуны¹⁴⁷, отступая на родину, в ходе стычки с превосходящим эстонским отрядом смогли примерно наказать их за наглость, пролив кровь, но не потеряв ни одного человека и ни одной лошади.

Из-за распада германской обороны в районе Чудского озера вывоз корпуса Эшторфа подвергся серьезной опасности. Дерптский солдатский совет требовал, чтобы я приехал и переговорил с солдатами, причем все более настойчиво. 4 декабря я выехал в Дерпт. В ходе этой поездки я узнал премьер-министра Уллманна с не слишком приятной стороны. Поезд, ежедневно ходивший из Риги в Эстонию, всегда был переполнен. Я же взял для проезда салон-вагон. Но когда уже погрузил багаж и поднялся по ступенькам в вагон, готовясь к отправлению, заметил, что от вагона к вагону перебегает Уллманн с еще несколькими латышскими господами из правительства, они искали себе место. Я считал, что не годится, если премьер-министр вынужден путешествовать таким образом в собственной стране, а потому предложил ему ехать в моем вагоне. Он с радостью принял предложение, так что мы прекрасно поговорили в ходе длинной поездки. Так как он ехал в Ревель, я распорядился дать указание, чтобы салон-вагон проехал до Ревеля, и предоставил его в распоряжение Уллманна и для его обратного пути. Так и было сделано. Позднее мне сообщили о таком происшествии на обратном пути: на станции на севере Эстонии стояли около 50 балтийских немцев, которые

своим, а потому препятствовало именно тотальной зачистке территории, а не просто выводу войск. Поскольку последние были единственным источником оружия, для всех противоборствующих сил, контроль над германским военным имуществом, включая трофейные русские винтовки и боеприпасы, был в прямом смысле вопросом жизни и смерти.

¹⁴⁶ То есть сделали то, что Винниг был готов сделать и в Латвии.

¹⁴⁷ То есть 17-й или 18-й драгунский полк кайзеровской армии, эскадроны обоих мекленбургских полков были в тот момент в Прибалтике.

хотели оставить страну, чтобы избежать постоянных злобных нападков и притеснений со стороны эстонцев. Поезд, как и всегда, был переполнен. Наконец на перроне осталась какая-то семья балтийских немцев, которая никак не могла найти себе место. И тут они увидели салон-вагон и всей семьей поспешили к нему, чтобы попросить место там. Однако господин премьер-министр запретил им входить, так что, когда отчаявшийся глава семейства в конце концов стал пробиваться, таща за собой и семью, Уллманн позвал латышских железнодорожников и попросил их «выбросить прочь наглых немецких свиней». Так и сделали, и балтийскому немцу пришлось остаться. Вот так отблагодарил Уллманн немца за мою любезность.

В Дерпте и в его окрестностях находились еще около 4 тысяч солдат. Помимо командира корпуса генерал-лейтенанта фон Эшторфа¹⁴⁸, там распоряжался еще и солдатский совет, во главе которого стоял надежный профсоюзный деятель, редактор Шэффер, бывший представителем германских печатников. То, что этот солдатский совет мог сделать, чтобы верно сориентировать войска, разумеется, и было сделано в лучшем виде. Однако он никак не смог помешать тому, чтобы весь гарнизон вследствие развала недалекого оттуда фронта был охвачен серьезным беспокойством. Разумеется, здесь тоже были озабочены тем, чтобы добраться до дома, да и большевики приложили руку к тому, чтобы солдат охватила тревога. По здравому размышлению, солдаты должны были бы признаться себе, что эти опасения безосновательны, ведь Дерпт для отправки домой был куда более благоприятным вариантом, нежели любой другой пункт в Эстонии. Однако эти слухи рисовали распад фронта в куда более ужасающих красках, нежели он проходил в действительности, а потому стычки с бандами эстонской милиции раздували сверх всякой меры. Мы провели несколько собраний в самом крупном зале нового здания университета. На каждое из них приходили около 1500 человек, так что в течение дня удалось переговорить едва ли не со всем

¹⁴⁸ **Людвиг фон Эшторф** (нем. Ludwig von Estorff; 1859–1943), германский генерал от инфантерии. Имел репутацию чрезвычайно жесткого военачальника, которую заработал еще в ходе подавления восстаний в германских колониях в Африке. В годы Великой войны сделал успешную карьеру, дослужившись до командующего корпусом. Участвовал в том числе и в захвате Моонзундских островов. После вывода войск 8-й армии командовал войсками рейхсвера в Восточной Пруссии, где тесно взаимодействовал с А. Виннигом. Ушел в отставку после того, как поддержал Капповский путч весной 1920 г.

гарнизонам. Особенно же радостно было, что только в Дерпте о желании вступить в Железную дивизию заявили около 800 добровольцев. Когда же я уезжал, то делал это с осознанием, что уж хотя бы здесь порядок восстановлен.

Чтобы составить себе хоть какое-то представление о ходе вывода войск, я поехал назад не по железной дороге, а распорядился предоставить в мое распоряжение автомобиль. Мы еще до рассвета выехали из Дерпта и взяли курс по шоссе, ведущему через Вольмар и Венден в Ригу. Это была чудовищная поездка. Было 10 градусов мороза. Часть пути проходила через так называемую лифляндскую Швейцарию, не столь уж высокие, однако потрепанные штормами гряды холмов, на которых царил страшный холод. Большое шоссе полностью обледенело. На протяжении 10 километров мы наткнулись на тянувшиеся к югу обозы и столь же часто на тяжело нагруженные повозки бегущих местных жителей немецкого происхождения. Солдаты, встреченные мной по дороге, все без исключения были в достаточно хорошем состоянии. У каждого было оружие, все хорошо одеты и обуты, лошади и амуниция в должном порядке. Иначе дело обстояло у беженцев из балтийских немцев. Мужчины, женщины и дети, часто и несколько старых слуг с ними, ехали на еле держащихся колымагах позади доверху нагруженного прицепа для полевых работ. Где я заговаривал с такой семьей, слышал лишь жалобы да отчаяние. Несколько раз я столкнулся с семьями, повозка которых по дороге развалилась, так что они теперь выставили свои пожитки вдоль проселков и пытались создать себе из них хоть какое-то убежище. В таких случаях жалобы достигали такого накала, что я просто не мог оставить таких потерпевших кораблекрушение на этом страшном морозе и сажал их в свой автомобиль. Поездка была ужасной. Как только нам приходилось очередной раз оги-
бать проделанные военными транспортом рытвины, мы тут же начинали буксовать в забитых ломким льдом канавах справа и слева от дороги. Мы выдержали уже четыре таких инцидента, когда застряли в неожиданно крутом повороте дороги, сев всей машиной в глубокий снег. Нам потребовалось около двух часов, пока мы не набрали такое количество крестьянских повозок и лошадей военных, чтобы их усилий хватило вновь сдвинуть с места наш автомобиль.

До смерти промерзший, с кровотокающими членами тела, которые отзывались болью, я вернулся в Ригу поздно вечером. Там, к ужасу своему, я узнал, что относительно организации Железной

дивизии не сделано практически ничего. Штаб армии даже не отрядил офицера, чтобы он занимался этим вопросом и хотя бы заносил в списки приходивших в большом количестве добровольцев. Само собой, нельзя освободить от ответственности за это упущение и Центральный солдатский совет. Так как я и без того планировал съездить в Берлин, чтобы установить там контакт с иностранным ведомством¹⁴⁹, я еще тем же вечером решил выехать на следующее утро и предпринять необходимые шаги в военном министерстве.

И вот я впервые увидел революционную Германию. Около трех часов ночи мы въехали в Позен. Здесь 18 лет назад я был солдатом. С тех пор я ни разу не был в городе. Остановка здесь была непродолжительной, но я с любопытством вышел из поезда, чтобы оглядеться хотя бы на вокзале. Тут же подошли отвратительно выглядевшие, одетые в полевую форму парни, которые приказали мне подняться обратно в вагон. Я полагал, что вполне могу отстаивать мое право не стоять на подножке поезда, а потому выразил им свое недоумение. И тут один из этих индивидуумов заорал мне: я что на Луне жил, что ли, и не знаю, что между тем произошло в Германии? У меня не было никакого желания предоставлять этому джентльмену возможность об этом поведать, так что я вернулся в вагон. Купе, которое мы вынуждены были превратить в нашу канцелярию, я делил с отправлявшимся домой главой администрации господином фон Госслером¹⁵⁰ и моим пресс-атташе господином Кёерером. Я продиктовал несколько важных отчетов в центральные ведомства, а господин Кёерер набирал их на пишущей машинке. За всю эту долгую поездку нам никто не мешал, а если и видели нас за работой, то тут же уходили. Здесь, в Позене, этому пришел конец. Целая орда солдат с красными повязками на рукавах ворвалась

¹⁴⁹ Если Винниг до некоторой степени и преувеличивает степень самостоятельности своих действий в Прибалтике, то и с учетом этого ситуация в разгар Ноябрьской революции в Кайзеррейхе более чем показательна: более месяца политику Германии в критически важном для ее безопасности и снабжения регионе осуществляет едва ли не на свой страх и риск имеющий несколько импровизированные полномочия эмиссар, обладающий опытом общественной и партийной работы, но далекий от собственно дипломатии.

¹⁵⁰ Примечательное «совпадение». Скорее всего, не Винниг тут же принял решение отправиться в Германию в связи с консультациями в правительстве, а узнав об отъезде Госслера, поспешил одновременно с ним изложить в Берлине свою позицию, чтобы не лишиться поста и возложить ответственность за неудачи на других лиц и прежнюю (то есть и Госслера тоже) администрацию.

в вагон и завладела в том числе и нашим купе, теперь они слонялись взад и вперед, а некоторые с перрона разбили стекла и затем взобралась внутрь. Это был солдатский совет позенского гарнизона. К нам устроились из этих непрошенных гостей пять человек. Как только уселись, они сразу же открыли большие пакеты с припасами и начали есть. У них были консервы и угорь, а также вино и коньяк. Затем они стали с нами знакомиться. Рассказывали, что едут к правительству рейха, чтобы предъявить ему политические требования. Позен якобы следовало передать полякам. Я в разговоре участвовал мало, однако не смог удержаться от удивленного вопроса, как же это германские солдаты могут предъявлять такие требования. И опять вопрос: «Что ж я, не знаю, что произошло в Германии? Я что, на Луне жил? Реакционерам вроде меня придется теперь привыкнуть к совсем другой ситуации, даже если мы и дальше будем упорствовать, все равно наступлению новой эпохи помешать не сможем». И так далее.

Вот это и было новое время: в этом городе и провинции я так мечтал о нем во время некоторых долгих переходов; когда винтовка и рюкзак становились в тягость, когда солнце пригревало более, чем я хотел, если путь никак не хотел заканчиваться, тогда я начинал думать о том времени, которое когда-нибудь обязательно наступит. Идеал в итоге достигал вершины, и вот, уже не столь угнетаемый текущим моим положением, я погружался в сонм благостных мечтаний. А теперь я увидел другое новое время: германские солдаты требовали передачи этой земли Польше — причем были этим горды и рады этому. В эти часы я провел решительное разграничение между их новой эрой и моей.

Было непросто добиться участия центральных инстанций в делах балтийских немцев. Столь многое обрушивалось на них, и было очень много куда более важного, чем мои просьбы. Однако в конце концов мне все же удалось добиться совещания в военном министерстве, которым руководил министр Шеюх¹⁵¹. При-

¹⁵¹ **Генрих Шеюх** (нем. Heinrich Scheüch; 1864–1946), прусский генерал-лейтенант, с 9 октября 1918 г. по 2 января 1919 г. был прусским военным министром. Оставался и в революционные месяцы истовым кайзеровским офицером, хотя, имея эльзасское происхождение, казалось бы, должен был отличаться от пруссаков. Именно этот расчет, а также надежда на определенную симпатию к нему Антанты и побудили в дни переговоров с Вильсоном о заключении перемирия назначить на пост военного министра именно его. Уже 15 декабря 1918 г., после ряда стычек с социал-демократами и «независимцами», которых он, как и его единомышленники, полагал предателями родины, подал прошение об отставке.

няли решение сделать что-нибудь для защиты прибалтийских стран. Конечно, войска направить туда не могли. Однако хотели позволить вербовать добровольцев и передали мне согласие заняться организацией вербовки. Одобрили выделение амуниции и довольствия для добровольческих соединений, а также более высокую оплату для них. Организация вербовки должна была проходить в рейхе, причем лучше всего управлять ею было из Берлина. Для этой работы я избрал графа фон дер Гольца, брата известного генерала, который позднее командовал войсками в Прибалтике¹⁵². Мне обещали, что в ближайшее время будут предприняты перестановки в командовании армией, что вскоре и было сделано. В иностранном ведомстве теперь с моими мерами были согласны. Я сделал короткий доклад народным уполномоченным о событиях и о моей позиции, там тоже возражений не последовало.

Все это прошло очень хорошо. Однако исполнение обещанного затягивалось. При царившей в рейхе сумятице это было вполне объяснимо, однако для нас там, на севере, в Прибалтике это имело тяжелые последствия.

За время моего отсутствия Центральный солдатский совет отправил делегацию к Красной Армии. Из моих сотрудников в ней были лейтенант Беккер и ассессор фон Эрдманнсдорф, а из штаба армии поехал офицер связи фон Тресков. Сформировали две группы, одна из которых поехала в Двинск, а другая — в небольшой, расположенный к северу от Двинска город. Обе группы вступили в переговоры с местным командованием Красной Армии и вернулись с несколько противоречивыми результатами. Командиры советских войск заявили: Советская республика имеет твердое намерение занять эти принадлежащие России земли и образовать на их территориях самостоятельные советские республики. Германские войска обязаны как можно скорее оставить эти районы. Мы в этом мешать им не будем, а лишь будем следовать на расстоянии примерно в 10 км. Мы соберем то, что будет оставлено германскими войсками, и затем отправим в Германию. Мы примем вынужденных остаться больных солдат, позаботимся о них, а после их выздоровления вывезем на родину. Германские эвакуационные инстанции могут спокойно

¹⁵² То есть не раз позднее упоминаемого Рюдигера фон дер Гольца, см. его мемуары: *Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / Перев. и комм. Л. В. Ланника. СПб., 2015.*

оставаться и работать на своих местах, мы им препятствовать не будем. Мне же передавали приветы и заверения в почтении.

Я ни секунды не сомневался, что все это ложь от начала и до конца. К сожалению, убедить в этом солдатские советы я не смог, они скорее верили этим обещаниям, с удовлетворением отметив, сколь все же достойные и честные эти большевики, которых всегда выставляли столь ужасными созданиями. Но успокоения среди солдат, которым советы сообщили об этих обещаниях, не наступило. Напротив, приближение рождественских праздников оказало неблагоприятное воздействие на поведение солдатской массы, ведь все захотели к Рождеству быть уже со своими семьями. Позиции на фронте складывались, как карточный домик. Все более активно наседали отряды Красной Армии, продвигаясь вперед, захватывая крупные запасы, оставляемые нашими войсками. То хитрыми уговорами, то силой большевики заставляли наших солдат поспешно отступать. В середине декабря войска красных внезапно подошли к магистрали Рига — Дерпт¹⁵³, которая была нашей единственной дорогой отхода, ведущей с севера на юг. Теперь все находившиеся севернее, а также восточнее и западнее этого пункта войска могли добраться до Риги только пешим порядком. И они так и сделали, хотя таким маршевым переходам — около 300 км при 10-градусном морозе — приходится только поражаться. Я выехал навстречу одному из подступавших батальонов, поприветствовал его и был поражен тем, что войска после всех этих испытаний находятся в столь хорошем состоянии и чуть ли не бодром настроении. Одна из берлинских газет сравнивала наше отступление с отходом Великой армии в 1812 г. Это просто безумие, здесь никакие сравнения невозможны. Хорошо одетые, в полном оснащении, бодрые и с песней «О, Германия, высока твоя честь», вступали солдаты в Ригу¹⁵⁴.

¹⁵³ Следствием этого стали стычки у станции Валк, оставленной красным 17-18 декабря, так что все не успевшие эвакуироваться германские войска после этого отступали в Ригу (реже в Ревель) походным порядком.

¹⁵⁴ Винниг в попытках оправдать свои действия доходит до прямого противоречия самому себе, а также последующим фактам — бесславному оставлению Риги уже 3 января 1919 г. и т. д. Если германские оккупационные войска на Востоке и не постигла участь Великой армии Наполеона, то это вовсе не доказывает, что такой перспективы не было. Это признавали и в единственном специальном исследовании германских генштабистов по данному вопросу, см.: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Перев. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.

Однако войсковые колонны Красной Армии продолжали подходить все ближе. Каждый день мне приходилось переставлять красные флажки на карте все дальше на юг. Второй их отряд подходил со стороны Двинска, идя вдоль Двины, а главной их целью была Рига. Опасения были немалыми. Несмотря на отчаянные усилия железнодорожников, начать вывоз военного имущества не удалось. Сначала хотели уехать люди, и уже одно это доставляло немало хлопот. Кроме того, в городе было еще около 4 тысяч гражданских лиц из Германии, которых мы там тоже никак не могли оставить. Было еще и большое число семей балтийских немцев, которые со всеми основаниями ожидали от большевиков самого ужасного, а потому осаждали меня делегациями, чтобы мы их не бросили и дали им возможность уехать в рейх. Мы затребовали корабли для эвакуации — в конце концов, они прибыли.

Из Железной дивизии ничего из того, что я хотел, не получилось. Безответственные упущения первых 10 дней после решения о ее формировании теперь дали себя знать. Добровольцы, так как о них никто не заботился, покинули страну вместе со своими воинскими частями. Те же, что удалось собрать и вооружить потом, были по количеству весьма далеки от дивизии, да и железного там было немного. В лице капитана фон Трескова¹⁵⁵, офицера связи из штаба армии, я нашел ответственного и деятельного помощника. При роспуске штаба армии он перешел в мое подчинение и стал самым надежным моим военным советником. 20 декабря он сказал мне, что никакой возможности спасти Ригу более нет, однако было бы еще возможно удерживать город две-три недели. Однако и такой вариант становился все менее вероятным.

Теперь уже с Красной Армией шли бои. На Двине ей противостоял ландесвер — то был карлик против Голиафа, три сотни молодых, полубученных людей, которые, однако, под германским командованием вскоре обрели недюжинную боеспособность. На севере вдоль железной дороги маневрировала Железная дивизи-

¹⁵⁵ Сложно сказать, кто именно из офицеров из разветвленного рода Тресковых, давшего Пруссии не один десяток военных, имеется в виду. В том числе им может быть **Ганс фон Тресков** (нем. Hans von Tresckow; 1866–1934), чиновник криминальной полиции, в 1914–1919 гг. служивший в армии добровольцем. Большинство фон Тресковых служили в гвардейских полках, а потому в данном случае речь идет не о будущих героях Сопrotивления и заговора 20 июля 1944 г. против Гитлера.

ХII. ДАЛЬНЕЙШИЕ ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ

зия, едва ли превосходя численностью ландесвер и также состоя в основном из молодых людей из рекрутских депо. Русские были осторожны и, несмотря на свое тройное превосходство, избегали атаковать открыто. Они прощупывали позиции, обходили их и заставляли отступать. Так они и продвигались все ближе. 25 декабря, как пророчествовали рижские большевики, в город вступит Красная Армия. Население охватил удушливый ужас: все те, кто не особенно желал прибытия красных, паковали узлы и чемоданы, а я ждал обещанную помощь из Германии и кораблей.

За несколько дней до Рождества к устью Двины подошли два судна. Но это были англичане. Латыши были очень любезны, перед англичанами стелились ковром, а нам плевали в лицо.

ХІІІ. Бои за Ригу

Итак, в Ригу прибыли англичане. Миноносец и вспомогательный крейсер стояли на рейде¹⁵⁶, наблюдая оттуда за Двиной. На борт отправилось латышское правительство, и когда оно вернулось, головы там держали заметно выше. Уллманн, разумеется, попросту обязан был навестить меня, чтобы насладиться триумфом. Я сказал ему, что теперь англичане, очевидно, охотно примут на себя обязанности по защите. Но он в этом вовсе не был так уверен — англичане будто бы пока отказываются высаживаться на берег.

Поначалу никаких записей о прибытии англичан я не делал. 23 декабря, однако, ко мне явился один молодой полковник и передал пожелание командующего английской экспедицией переговорить со мной. Так как я собирался затронуть при этом военные вопросы, то попросил штаб армии принять в этом участие. А там между тем случились перемены: как я узнал из газет, командующий фон Катен и начальник его штаба выехали, а на их место заступил прибывший тем временем из Дерпта генерал-лейтенант фон Эшторф, приняв на себя командование всеми оставшимися еще войсками. В качестве начальника штаба к нему был прикомандирован бывший начальник штаба 2-й армии подполковник Бюркнер¹⁵⁷. Вместе с Бюркнером и моим заместителем Буркхардом я поздним вечером поехал на Двину, чтобы вступить в переговоры с англичанами. Не слишком хорошим предзнаменованием было то, что по дороге туда нас забросала камнями группа солдат, причем германских солдат. Вспомогательный крейсер стоял ниже по Двине примерно в 10 минутах езды от центра города. Вход к месту швартовки охраняли два

¹⁵⁶ Состав британской эскадры контр-адмирала Э. Александра-Синклера был несколько иным.

¹⁵⁷ **Роберт Бюркнер** (нем. Robert Bürckner; 1870-1925), генерал-майор рейхсвера. Был одним из лучших офицеров Генштаба в кайзеровской армии, после ранения в 1914 г. был переведен на штабные должности. Отличился в отражении русского наступления у озера Нарочь весной 1916 г., а за взятие горы Кеммель на Западном фронте весной 1918 г. получил самую престижную прусскую награду Pour le Merite. После вывода войск из Прибалтики руководил 20-м корпусным округом, а затем продолжил карьеру в рейхсвере.

германских часовых, а у трапа уже стоял на вахте английский матрос, который отдал нам честь. «Принсесс Маргарет» была не слишком гостеприимным кораблем, помещения под палубой, где мы вели переговоры, были до бедности простенькими, а некоторые двери и вовсе завешены холщовыми портьерами. На палубе нас приветствовал офицер, который проводил в комнату для переговоров, где нас стоя встретили наши партнеры. После краткого и с обеих сторон весьма формального представления и приветствий начались переговоры. Англичане начали их с заявления, что прибыли, чтобы наблюдать за исполнением договора о перемирии. Потом они сразу же поставили целый ряд вопросов и требований, на которые нам пришлось дать ответ. В принципе же намерения англичан сводились к тому, чтобы на основании условий перемирия заставить нас принять на себя военную защиту прибалтийских государств. Они опирались на статью 12 договора о перемирии¹⁵⁸, неопределенная формулировка которой могла стать основанием для подобного нашего обязательства. Я позволил себе более к этой статье не возвращаться, ведь у меня не было полномочий для заявлений по данному вопросу, но сказал, что мы готовы к дальнейшей защите прибалтийских стран в пределах наших возможностей. Однако деморализованная ужасным договором о перемирии армия осуществлять эту защиту более не может. Подполковник Бюркнер вслед за этим описал военную обстановку. Действующие против стран Прибалтики силы красных оценивали в 16 тысяч человек¹⁵⁹, у них была и кое-какая полевая артиллерия. Оборона же располагала лишь небольшими и не слишком надежными в их использовании отрядами. Добровольцы так называемой Железной дивизии периодически подчеркивали добровольность своей службы в слишком уж недвусмысленном

¹⁵⁸ Текст статьи включал в себя следующие положения: Все германские войска, которые на данный момент находятся на территориях, ранее принадлежавших Австро-Венгрии, Румынии и Турции, должны немедленно вернуться в пределы границ Германии по состоянию на 1 августа 1914 г. Германские войска, которые находятся на территориях, до войны принадлежавших России, также должны вернуться в пределы Германии, как только союзники, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию на этих территориях, придут к мнению, что время для этого настало.

¹⁵⁹ Эта оценка недалеко от истины. Крупные силы красных для действий в Прибалтике были выделены несколько позже, в том числе концентрировались для этого части и латышских стрелков.

тоне. Трудно было их удержать на местах размещения и отправить на фронт в указанные сроки. В общем и целом можно было рассчитывать лишь на 600-700 штыков, которые могли быть противопоставлены Красной Армии. Англичане же требовали не только удерживать Ригу и всю до сих пор не занятую красными округу, но даже вели разговоры об отвоевании уже оставленной территории и настаивали, чтобы более не вывозили ни одного человека и ни одного орудия. Бюркнер объяснил им, что подобные меры непременно приведут к немедленному мятежу в войсках, а потому полностью отклонил всякую возможность и далее рассматривать предложения англичан. Они еще некоторое время резонерствовали на эту тему и возлагали на нас ответственность за весь ущерб, нанесенный наступлением Красной Армии, но затем вдруг оставили этот вопрос и удовлетвоались нашим заявлением, что мы будем отражать наступление Красной Армии, насколько это в наших силах, при этом Бюркнер не оставил никаких сомнений в том, что Ригу долго удерживать более не удастся. Когда я спросил англичан, в какой степени сами они будут принимать участие в столь упорно требуемой ими защите территории, ответа не последовало. Тогда мы встали, а так как англичане продолжали молчать, наша сторона сочла разговор оконченным и распрощалась.

В последующие дни ко мне ежедневно являлся английский полковник, чтобы осведомиться об обстановке. Нетрудно было заметить, что латышское правительство жалуется на нас по всевозможным поводам, а англичане намерены идти у него на поводу. Но особым поводом для нападок был отказ наших военных инстанций выдать латышской милиции оружие. Я объяснял, что нам уже и с русскими вполне достаточно забот, так что мы не хотим создавать себе опасность и в самой Риге. Англичане же считали эти тревоги необоснованными и давали понять, что латыши вполне могут получить и английское оружие. Я высказал свои сомнения. Англичанин не чувствовал особой уверенности в этом вопросе и хотел бы выслушать мое мнение о политических симпатиях и военных качествах латышей — ведь тогда рассматривался вопрос об обучении латышей английскими инструкторами. Весьма характерно, что в ходе этих бесед англичанин нередко называли латышей «natives»¹⁶⁰. До сих пор он никогда

¹⁶⁰ То есть «туземцами».

о латышах и не слыхивал, а потому судил только по тем впечатлениям, которые вынес из общения с латышскими министрами. Я рассказывал ему, что латышские полки из бывшей царской армии являются самой надежной опорой Советской республики и лучшими частями Красной Армии, что тем не менее не мешало латышам сразу же после этого получить некоторые образцы амуниции из привезенных англичанами запасов. Состоявшая из примерно 420 человек латышская милиция дефилировала и разгуливала, как на параде, в английских стальных шлемах перед английскими офицерами, причем для этого латышское правительство разыскало место как раз под нашими окнами, чтобы мы уж точно стали свидетелями этого братания.

Между тем обстановка в городе становилась все более угрожающей. Большевики активизировались с каждым днем. Кругом ходили слухи о предстоящем восстании. В центре города кругом бродил люмпен-пролетариат, желая поживиться и уже запасаясь мешками для награбленного добра. Рига из-за наступления русских осталась без подвоза продовольствия. Нужда нарастала день ото дня. В столовых, устроенных Красным Крестом и содержащихся на германские средства, в любое время дня толклись массы голодных. Каждый день раздавали по 50 тысяч порций, однако голод был сильнее всех этих мер. По моей инициативе интендантство раздавало голодающим в городе большое количество муки из военных запасов. Вверенные моему управлению ведомства выделили латышскому правительству значительные суммы для поддержки населения. Так что Латвия жила под германской защитой на германские деньги, ела германский хлеб, а латышская правительственная газета еще и высмеивала мои усилия по сближению, писала, что с истлевшим трупом Латвия связываться не будет.

Латышское правительство все же чувствовало, что почва под ним зашаталась, и явилось ко мне, чтобы посоветоваться о том, что можно было бы сделать для успокоения общего настроения. Но сделать было ничего нельзя. Падение еще можно было отложить на несколько дней, однако более продержаться было невозможно. Штаб армии приказал еще раз прозондировать у англичан, намерены ли они сделать что-нибудь для облегчения положения наших отчаянно сражавшихся небольших отрядов. Они заявили, что смогут вмешаться в бои своими корабельными орудиями. Штаб армии предложил им принять участие и в поддержании

порядка в городе. После этого они высадили около 70 человек с несколькими пулеметами, прошедших маршем по городу, а затем вернувшихся на корабли.

Рига будет потеряна, сомневаться в этом уже не приходилось. По всем расчетам теперь уже речь могла идти только о том, чтобы выиграть немного времени, нужного для проведения эвакуации германского и находящегося в опасности немецкого населения. И уж совсем на заднем плане оставалась слабая надежда на прибытие из Германии первых завербованных там добровольцев. Охваченные тяжкими заботами, зажигали мы первые рождественские свечи.

А утром второго дня Рождества пришло сообщение, что одна из двух латышских рот подняла мятеж и объявила себя большевиками. Собственно, это не стало для нас неожиданностью. Офицеры штаба армии, которые куда лучше знали этих людей, чем я, всегда опасались именно этого и поэтому противились раздаче им оружия.

Вот теперь Уллманн, охваченный ужасом, явился ко мне и потребовал вмешательства германских войск, которые должны были разоружить мятежников и арестовать. Я отказал ему и отправил к англичанам. Германские солдаты и без того достаточно вынуждены были применять по отношению к местному населению силу, но более делать это они не обязаны. Да было уже и маловероятно, что они это сделают. А Уллманн, оказывается, еще до этого побывал у англичан и там также получил отказ. И вот он долго крутился вокруг меня, однако я оставался при мнении, что это — внутреннее дело латвийского государства, куда мы вмешиваться не можем. Военные инстанции разделяли мою точку зрения. Вечером второго дня праздников у меня было еще одно совещание. Уллманн сидел на нем с крупными каплями пота на лбу, он был совершенно сломлен. Он сделал предложение, чтобы мы обратились к англичанам с просьбой провести разоружение, и полагал, что в этом случае англичане и вправду сделают это. Но и теперь было немало сомнений. Оккупационная власть — это мы, а не англичане, и если бы я просил их о вмешательстве, это могло вызвать негативные последствия. Но я подумал, что могло бы быть полезным, если бы англичане, а не мы взяли на себя эту тяжелую миссию жандармов и палачей, так что отправил своих чиновников в порт. Англичане заявили, что им на суше делать нечего, они и так уже получили из Лондона нарекания

из-за своего патруля в городе. Что они могут сделать с борта кораблей, они сделают, но на суше ничего предпринимать они не могут. После долгого совещания появился наконец план, который предусматривал взаимодействие немецких рот балтийского ландесвера и англичан. Мне не понравилось, что балтийские немцы намерены были принять эту роль, ведь тем самым они сослужили бы службу латышскому правительству и спасли бы его из этого тяжелого положения, но их за это вряд ли поблагодарили бы, ведь их навсегда стали бы считать палачами латышей. Однако не оставалось ничего другого, кроме как подавить мятеж. И это было сделано. Согласно плану, около семи утра 27 декабря над городом загремели выстрелы английских корабельных орудий, а спустя час взбунтовавшиеся латыши уже были разоружены и интернированы, а до серьезных боев дело так и не дошло. Командир ландесвера счел, что правильно будет приказать расстрелять по приговору трибунала 10 мятежников, что впоследствии дало повод латышскому правительству распространяться о «бесчеловечной жестокости немцев», хотя тогда никаких возражений против экзекуции оно не высказало.

У меня было намерение остаться в Риге и при вступлении в нее Красной Армии. Чтобы обеспечить мне большую безопасность, германское правительство, одоблившее этот план, 26 декабря официально назначило меня посланником. Между тем непосредственно административные обязанности уже были переданы местным инстанциям, а в Берлине успели образовать ликвидационную комиссию. Теперь я мог сосредоточиться только на политических вопросах и посвятить себя вывозу оказавшихся в опасности немцев. В рождественские дни прибыли наконец и два из запрошенных транспортов для эвакуации. Их было далеко недостаточно, и оставалось совершенно неизвестным, когда придут и другие суда. Зато, напротив, было несомненно, что мы сможем продержаться в Риге еще неделю. Если же русские придут еще до того, как вывезут немцев, по меньшей мере балтийским немцам следует готовиться к худшему. В таком положении я решил еще раз вступить в переговоры с командирами Красной Армии. 27 декабря я отправил автомобиль с парламентаром и переводчиком на фронт. Лейтенант Беккер, который участвовал уже в первой экспедиции, поехал туда и на этот раз. С ним были два члена Центрального солдатского совета и переводчик. Считая с водителем, в указанный день около 11

часов из Риги выехали пять человек. Фронт был еще в 40 км от города. Дорога при установившихся морозах вполне подходила для проезда, так что я ожидал, что делегация вернется назад уже вечером этого же дня. На случай, если делегация будет вынуждена остаться на ночь, следовало известить ближайшую германскую инстанцию.

Лейтенант Беккер взял с собой письмо от меня командующему действовавших против Риги войскам¹⁶¹. Я просил в нем о 10-дневной паузе в боевых действиях и в наступлении, а сам запрос обосновывал сложностью эвакуации немецкого гражданского населения. Я предлагал начать по этому поводу переговоры и приглашал для этого командующего в Хинценберг.

Уже настал вечер, а делегация все еще не вернулась. Я все чаще запрашивал в штабе армии, не пришло ли туда известие от нашей экспедиции. Но его не было. Меня это очень беспокоило. Беккер жил рядом со мной в доме посольства. Несколько часов я лежал в кровати, чтобы скрасить ожидание — читал. Но Беккер не вернулся. На следующее утро я обсудил это с Буркхардом. «Если кто-то сможет везде пробраться и добиться своего, так это Беккер. Нам совершенно не о чем беспокоиться. Сегодня, завтра или послезавтра Беккер появится здесь с сияющим лицом и положит к вашим ногам главаря большевиков!» — возразил мне Буркхард. Однако меня это не успокоило, и я приказал подать машину, чтобы самому отправиться на поиски экспедиции. Но тут началась оттепель, снег совсем размок, а нам пришлось, отъехав от города едва 5 км, повернуть восвояси, ведь проехать было невозможно.

Я поехал на станцию и потребовал там локомотив для поездки в Хинценберг. А там тем временем часть сообщения уже приняли на себя латыши, а они отнюдь не спешили выполнять мои требования. Но это действительно неудачное обстоятельство оказалось для меня даже удачным. На фронте под Хинценбергом что-то происходило. Стоявший там ландесвер после внезапной атаки отступил. Ему в подкрепление был направлен бронепоезд. На нем я и поехал в Хинценберг. Там я надеялся воспользоваться еще каким-нибудь случаем и поехать дальше.

¹⁶¹ Имеется в виду 7-я армия Красной Армии, которой тогда командовал бывший генерал-майор Русской императорской армии Н. В. Хенрикссон. Однако А. Винниг мог писать и ставшему вскоре командующим армией Советской Латвии И. И. Вацетису.

Но в Хинценберге я узнал, что в полдень днем ранее делегация проехала здесь, отправившись дальше на северо-восток. Так как никакого другого транспортного средства я не раздобыл, то вновь поднялся на бронепоезд, который намеревался ехать в сторону предполагаемых позиций русских. О военных событиях в Хинценберге было неизвестно ничего, кроме того, что я знал и сам. О солдатах ландесвера тоже ничего не было известно, не знали, пленены они или погибли. Об их судьбе сказать было нечего.

Площадка бронепоезда была занята четырьмя пулеметами и восемью солдатами. Когда мы медленно проехали около 2 км, из соснового леса, справа от железнодорожной насыпи, нас обстреляли из винтовок. Мы поехали вперед чуть быстрее, уже встали в готовности к стрельбе у бойниц. Я тогда взял одну из многочисленных винтовок и подумывал тоже принять участие в стрельбе. Когда мы подъехали к лесу примерно на тысячу метров, то взяли его под обстрел. Русские отвечали нам откуда-то из полевого орудия. Мы остановились и прекратили стрельбу, чтобы выманить противника. Но все было тихо. Спустя какое-то время слева от железнодорожной насыпи объявился отряд ландесвера. Я вышел и переговорил с их командиром. Это был молодой однорукий лейтенант. Он рассказал о случившемся.

Из занятой деревни каждую ночь выставляли охранение на отдаленном перекрестке дорог, хотя там никто не показывался. В прошлую ночь один молодой доброволец из Германии, которому надо было заступить в охранение, отказался идти туда на пост, ведь там ничего не происходит. Однако именно в ту ночь русские как раз пошли по этой дороге, чтобы обойти их небольшую позицию. Взятым под обстрел с трех сторон, им пришлось отступать с немалыми потерями. Из 180 человек были налицо только 79. Полагали, что другая часть прорвалась на север и тем спаслась. Однако о них ничего не было известно. Вообще же неудачу списывали на отсутствие полевых орудий. Батарея, приданная отряду, должно быть, расположилась на отдых. Ее обязана была сменить свежая батарея из Риги, а потому она снялась; но батарея на смену так и не прибыла.

Мы взяли раненых в поезд и вместе с ними поехали назад. В Хинценберге я обещал солдатам, которые готовы были держаться и дальше, что обеспечу им артиллерию и остальное. Вместе с ранеными вечером я прибыл в Ригу. О Беккере и судьбе делегации все еще не было никаких вестей.

* * *

Формирование Железной дивизии продвинулось лишь настолько, чтобы был уже штаб полной численности, а также собственная штаб-квартира в Риге. В качестве командира прибыл воевавший до перемирия на Западном фронте полковник Куммер, который попросту без отдыха пытался, невзирая на все трудности и упущения, хоть что-нибудь сделать из этой части. Я предложил ему квартиру в уже обжитой мною Позельской вилле на Николай-штрассе¹⁶², он туда въехал, а я в связи с этим получил возможность вести с ним частые и приятные беседы.

На бумаге дивизия была оснащена превосходно. Штаб армии в достаточном количестве имел орудия самого различного рода, пулеметы, самолеты и другие военные товары, только людей и не хватало, а то, что было у нас из солдат, имело как хорошие, так и плохие стороны. Настрой артиллеристов стал причиной неудачи у Хинценберга. Оттесненные оттуда войска заняли другую, расположенную далее в тылу позицию и были готовы держаться там некоторое время, требуя поддержки всего лишь шестью полевыми орудиями. Командир жаловался мне, что артиллеристы под самыми ничтожными предложениями отказываются выступать на фронт со своими пушками. А я поэтому отправился в казармы и приказал людям выступить, описав им положение в городе, а также изложив опасность для оставшихся в нем немцев в случае преждевременного отступления, после чего потребовал немедленно двинуться на передовую. Солдаты недовольно молчали, их все это не тронуло. «Вы же добровольно вызвались на службу в Железную дивизию, — сказал я им. — Теперь ваши товарищи из пехоты попали в переплет, некоторые из них погибли, ранены или пленены именно потому, что вы бросили их в беде. Теперь есть только два пути: или же вы еще служите в Железной дивизии, а потому идете на помощь на фронт, или же заявляете, что больше в нее не входите, а потому отправляетесь домой. Но требовать из дивизии довольствие и жалованье и ничего не делать — так больше не будет. Так что решайтесь!»

Солдаты заявили, что они охотно отправятся на фронт, если будет сделано то-то и то-то: одному нужны были сапоги нужного размера, другому паек для фронта получше, третий требовал

¹⁶² Николаевская улица, ныне ул. Кришьяня Валдемара.

ремонта орудия — свое пожелание было у каждого. Я попытался выполнить их все. Тут же предпринятая оружейником проверка орудий показала, что орудия и вправду не в порядке. Следовало раздобыть другие, что и было сделано за несколько часов. Смогли помочь и тому, кто жаловался на сапоги. Никаких проблем не было с тем, чтобы улучшить довольствие. Было сделано все. Поздним вечером батарея должна была выступить. Однако к назначенному часу половина личного состава отсутствовала — они развлекались где-то в городе.

Я вновь пошел в казармы, думая набрать необходимое количество из размещившихся в них добровольцев. В каждой комнате еще стояли елки, ели и пили, играли и бесцельно бродили вокруг. Я поговорил с солдатами. Когда они заметили, чего мне надо, несколько из них вышли из комнаты. Однако в конце концов кое-какие угли под пеплом начали тлеть. Батарее все же удалось уговорить и отправить.

Она отвоевала три или четыре очень ценных дня. Так как транспортировка армий на Западе была уже окончена¹⁶³, а в Германии теперь уже были свободные локомотивы и вагоны, нам каждый день присылали по три дополнительных поезда. Теперь они отправлялись в Германию с солдатами и местными жителями немецкого происхождения, если для них оставалось место. Отправляли и запасы, особенно муку и зерно, мясо и жиры, сапоги и одежду — все, что только возможно. Конечно, в этом препятствия чинили латыши, ведь они уже тихо радовались тому, что после нашего ухода смогут распоряжаться всеми этими вещами. Доходило до того, что латышские железнодорожные чиновники останавливали такие транспорты и «конфисковали» их от имени правительства. Однако тут уже солдаты ни на какие уступки не шли и были готовы к жестким конфликтам. Выдвигал претензии и латышский кабинет министров, дескать, не стоит лишать страну всех ее запасов. Однако я на это отвечал, что все вывозимые запасы были когда-то ввезены из Германии, а потому ее население отказаться от них не может. Хотя латыши были слишком хорошо осведомлены, чтобы это оспаривать, не проходило ни дня, чтобы Уллманн не выражал мне со скорбной миной свой протест насчет вывоза запасов. Мое обещание обеспечивать снабжение Риги

¹⁶³ Имеется в виду вывод большей части германской армии не только с оккупированных территорий во Франции и Бельгии, но и на правый берег Рейна за пределы занятой теперь войсками Антанты зоны.

продовольствием на тот период, пока мы еще сможем ее удерживать, а также указание, что все оставленные запасы попросту попадут в руки большевиков, не могли его переубедить. Однако я больше на это внимания не обращал и приказал вывозить все, что только может быть погружено на поезда.

В последние дни декабря прибыло еще несколько крупных транспортных пароходов. Лишь теперь стало возможным вывезти из города, участь которого уже нельзя было изменить, не только всех граждан Германии, но и несколько тысяч балтийских немцев. Однако без оказываемого парой сотен добровольцев Железной дивизии и маленьким балтийским ландесвером сопротивления и это было бы невозможно. Эта мелкая горстка удерживала толпы войск Красной Армии до тех пор, пока не было вывезено все, что можно было при имевшихся в распоряжении транспортных средствах. Конечно, на нашей стороне была репутация германского оружия, которая оставалась еще довольно высокой, чтобы принудить русских к величайшей осторожности в их продвижении вперед.

Наши отношения с латышским правительством были омрачены некоторым расхождением во мнениях. Однако в личных контактах между мною и большинством членов кабинета переговоры проходили все же в вежливой и даже, как правило, любезной форме. Но всех их — за исключением Уллманна — личностями я не считал. Уллманн мог быть сбит с толку своей ненавистью к немцам, мог быть нечестным и действовать недостойно, однако, с его точки зрения, он и при этом оставался порядочным человеком. Остальные же все были из породы аферистов, которые смогли лишь поверхностно ощутить, как идет партийная работа среди народа, в массе своей лишенной политической культуры. Разногласия наши порождались сами собой, попросту из-за негативного отношения латышских лидеров ко всему немецкому и из-за их проантантовской политики. Конечно, я понимал, что для радикального изменения столь укоренившихся представлений потребовалась бы тщательная подготовка. Поэтому я делал вид, будто бы вовсе не знаю о выражениях германофобии в латышской прессе, а в политических и экономических вопросах шел кабинету навстречу — насколько это вообще было возможно, хотя это часто вызывало трения с немецкими кругами. Однако внезапность перемен и сбивающая с толку быстрота, с которой происходили важнейшие события, не оставили мне возможности заставить перейти на новую манеру взаимодействия весь разветв-

ленный аппарат оккупационных инстанций. Вследствие этого случалось так, что достигнутые с латышами соглашения то тут, то там игнорировались, что всякий раз приводило к громогласным протестам. Однако и я должен был придерживаться определенных границ в своем стремлении пойти навстречу. Я не мог оставить латышам, как они того желали, запасы и технические учреждения «с перспективой дальнейшей за них оплаты», а вынужден был настаивать на оплате и на гарантиях безопасности. Это приводило к трениям. Помимо этого, негативно относились и к моим усилиям на благо жителей этой страны немецкого происхождения, а их я считал само собой разумеющимися. Когда же прибыли англичане, антинемецкие нападки в латышской прессе стали настолько злыми, что я уже не смог долго это терпеть. Я сообщил об этом кабинету и напомнил этим людям, что все они любили немецкий хлеб и немецкие деньги, да и само существование их государства основано только на силе германского оружия. Если же правительство не сумеет убедить меня, что не одобряет эти оскорбления в адрес Германии, я должен буду рассмотреть возможность перемены нашего политического курса. Уллманн хотел знать, в чем же будет состоять такая перемена, ведь мы будто бы обязаны защищать страну на основании договора о перемирии¹⁶⁴, а нашим долгом, как оккупационной державы, является также не дать населению умереть с голоду. Господин Уллманн порой был изрядным тугодумом, но теперь он вполне понял, когда я объяснил ему, что Антанты достаточно сильна, чтобы заставить нас немедленно вывести войска, однако не в ее силах заставить наших солдат сражаться здесь, если они того сами не захотят. Когда же затем выяснилось, что англичане и не думают военными средствами защищать эту землю, когда на второй день Рождества всю ненадежность латышской милиции доказал ее мятеж, отношение ко мне вновь стало куда лучше.

Мы обсудили последствия потери Риги. Рига ведь еще не вся Латвия. Можно отойти в Митаву и остановить дальнейшее продвижение Красной Армии на Олайских позициях¹⁶⁵. Если же

¹⁶⁴ Имеется в виду статья 12 Компьенского перемирия, обязывавшая (на основе якобы 14 пунктов Вильсона) германские войска оставаться на оккупированных территориях бывшей Российской империи, пока не последуют иные указания Антанты и не придут ее войска на смену.

¹⁶⁵ Эти позиции долго оборудовались в ходе противостояния между русской и германской армиями под Ригой в 1915–1917 гг.

вербовка в Германии будет успешной, можно будет из Курляндии вернуть и Ригу, и остальную латышскую Лифляндию. Улманн ухватился за эту мысль обеими руками. Он ощущал Латвию, которая во многом была плодом его рук, в опасности, и не было ничего естественнее, что он вцепился в эту единственную возможность спасения. И я действовал бы, забыв о долге и безрассудно, если бы я не попытался и эту последнюю возможность использовать для сохранения и усиления всего немецкого в Латвии. Рассматривались две точки зрения: во-первых, жители страны немецкого происхождения не должны были быть оставлены беззащитными. Им следовало предоставить реальную силу, им надо было придать то средство, которое сам Лассаль ценил выше любых документов, то есть пушки и штыки. Следовало обеспечить и возможность въезда и расселения немцев, чтобы количественно укрепить все германское в этой стране. После многократно прерываемых и возобновляемых обсуждений 29 декабря был заключен договор, который затем сыграл столь большую роль, став доказательством латышского вероломства. Я хотел бы привести здесь договор в точном его звучании¹⁶⁶.

«Договор между уполномоченным Германской империи и Временным латышским правительством

1. Временное латышское правительство заявляет о своей готовности обеспечить по их прошению полные права гражданства Латвийского государства всем тем иностранным военнослужащим, которые проведут в составе добровольческих формирований по меньшей мере четыре недели в ходе боев за освобождение латвийской территории.

2. Граждане Латвийского государства немецко-балтийского происхождения получают право вступать в германские добровольческие соединения.

С другой стороны, нет никаких возражений против участия германских офицеров и унтер-офицеров в составе немецких рот ландесвера в качестве инструкторов.

¹⁶⁶ А. Винниг подчеркивает аутентичность приводимого им текста в связи с многочисленными попытками латвийского правительства дезавуировать взятые на себя обязательства, что было затем положено и в основу соответствующей латвийской историографии.

3. Предоставленное договором от 7 декабря балтийским немцам право на формирование семи национальных рот и двух батальонов в составе ландесвера еще раз твердо гарантируется временным правительством, даже если § 2 настоящего договора должен будет привести к временному расформированию соединений из балтийских немцев.

В случае увеличения количества латышских рот ландесвера проводится соответствующее увеличение числа немецких рот.

4. Списки добровольцев, необходимые для исполнения § 1 настоящего договора, будут пересылаться Временному правительству по меньшей мере один раз в месяц.

На основании этих списков заключившие договор стороны определяют, какие из граждан Германской империи получают права гражданства согласно § 1.

Заключено: 29 декабря 1918 г.

Подписи:
Август Винниг,
германский уполномоченный
при правительствах республик Эстонии и Латвии.
К. Ульманис, министр-президент.
Фр. Паэгель¹⁶⁷, Я. Залитис».

Договор я приказал немедленно передать в вербовочные бюро «Балтенланд», чтобы они могли использовать его для пущего успеха своих усилий.

На помощь Риге я уже не рассчитывал. Но и обещания, которые я получил на совещании в военном министерстве, тоже исполнены не были. Мои надежды на успех миссии Беккера становились с каждым днем все слабее, а опасения, что его постигла злая участь, только росли. И между тем командир Железной

¹⁶⁷ **Сприцис Паэгле** (латыш. Spricis Paegle; 1876-1962), латышский предприниматель, политик. Окончил Рижский политехнический институт по специальности инженер-технолог. Работал на фабрике в Средней Азии, служил на таможне в Царстве Польском и в Лифляндии, с 1913 г. занимался предпринимательством. Осенью 1917 г. участвовал в создании полуподпольного консультативного политического кружка в оккупированной Риге — «Демократического блока». В первом временном правительстве Ульманиса значился министром торговли и промышленности (ноябрь 1918 — июль 1919). Затем работал в Латвийском Красном Кресте, занимая пост заместителя руководителя. Увлекался политической публицистикой. В период нацистской оккупации был зам. руководителя коллаборационистской организации «Народная помощь», с 1944 г. в эмиграции в Германии.

дивизии¹⁶⁸ каждый день демонстрировал мне свое улыбающееся лицо, а когда я спрашивал его о положении дел, он мне рассказывал самым веселым тоном какие-нибудь фронтовые байки. Так что к наступлению нового года я еще считал, что положение не так уже плохо, чтобы я уже должен был думать об эвакуации ведомств, а даже поехал в сочельник в Митаву, где и пережил удивительные приключения, а на Новый год я работал, как обычно, у себя в бюро, хотя уже и отдал распоряжение о вывозе части инстанций в Митаву и Тильзит. Вечером я пригласил к себе на стакан вина командира Железной дивизии. Лейтенант Беккер так обеспечил меня припасами, что мы, чтобы придать мобильности моему багажу, должны были несколько опустошить подвалы. Я принял полковника вопросами о положении на фронте, а он сказал мне, что теперь уже войска отводятся на другой берег Двины. Однако же полтора батальона все еще на этом берегу на Егельских позициях¹⁶⁹. Это меня успокоило, и у потрескивающего огня в камине мы уже выпили за наше здоровье. Но как-то между делом я спросил полковника, каковы силы этих полтора батальонов по эту сторону Двины. «Шестьдесят человек!» — ответил он мне с улыбкой ребенка. Я полагал, что ослышался. «Шестьдесят?!» — «Да, там должны еще остаться около шестидесяти» — «И вы называете их “батальонами”?» — «Да, ведь у них и штабы есть», — сказал он и великодушно поднял стакан, чтобы еще раз чокнуться со мной за мое здоровье. Я страшно разозлился: я тут сижу вместе с ведомствами, с важными документами, с 7 миллионами марок наличными, я пытаюсь вселить уверенность в сердца пугливых балтийцев, которые не смогли уехать на уже отправленных судах, а между городом и ордой красных войск стоят «полтора батальона»: шестьдесят человек! И этот полковник о том знает и ничего не рассказывает о положении, а улыбается и пьет за мое и всех прочих здоровье! Но все же я рад сегодня, что смог сдержаться на несколько секунд, прежде чем дать волю своему разочарованию! Ведь в тот момент

¹⁶⁸ Первым командиром Железной бригады был полковник **Фридрих Кумме** (нем. Friedrich Kumme; 1868–1927). Он служил в 8-й армии и принял командование над несколькими сотнями добровольцев. Поскольку ничем на этом посту он себя не проявил, то уже 3 января 1919 г. сдал командование подполковнику Фабрициусу и уехал в Германию. В рейхсвере он смог дослужиться до генерал-лейтенанта.

¹⁶⁹ Это были бывшие тыловые позиции русской армии на случай сдачи Риги.

я посмотрел в безобидное радостное лицо полковника и понял: он невинен, как новорожденное дитя. Это меня и обезоружило. Я ему и слова дурного не сказал, а проводил его до лестницы и пошел в свой кабинет.

* * *

Утром 2 января часть ведомств уже свернули работу, около 25 чиновников и служащих с актами гражданской администрации выехали в Тильзит, чтобы там спокойно сформировать ликвидационные комиссии. Оставшаяся же часть служащих, если только они были жителями Риги или имели основания опасаться того, чем окажется для них приход большевиков, отправились в Митаву, где наши ведомства еще пытались продолжать работу.

Я оставил свое намерение дожидаться прихода большевиков. Так как я стал посланником, то должен был остаться при правительстве, при котором была моя миссия. Латышское правительство уже решило в случае падения Риги отправиться пока что в Митаву. Приготовления к отъезду шли уже несколько дней, так что осталось лишь принять решение об этом. Транспортные средства для ведомств были уже готовы. Однако все часы перед отъездом прошли в совещаниях и работе. Я решил оставить в Риге небольшое представительство. Поначалу я в этом не видел никакого риска. Однако же теперь с каждым днем нарастала тревога относительно все еще неизвестной судьбы делегации Беккера, так что я иными глазами смотрел на возможность их пребывания, а потому сказал тем из этих господ, кто заявил о своей готовности остаться, что я их к этому не принуждаю, а оставляю им возможность принять собственное решение. Однако только один отказался. Оставшиеся перешли под руководство господина фон Шойбнер-Рихтера¹⁷⁰. Этот чиновник много раз участвовал

¹⁷⁰ **Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер** (нем. Max Erwin von Scheubner-Richter; 1884–1923) был уроженцем Риги, после революционных выступлений 1905 г. переехал в Германию, а 10 августа 1914 г. добровольцем вступил в германскую армию. Вскоре он был командирован в Турцию, где стал вице-консулом в Эрзеруме, на этой должности пытался облегчить участь армян. Сменив ряд должностей, он стал руководителем отдела прессы при штабе 8-й армии в родной Риге и принял участие в наступлении в феврале 1918 г., за что был награжден Железным крестом. Вместе с ним в Риге работали ряд германских интеллигентов, сочувствовавших в дальнейшем нацизму. Впоследствии он вступил во фрайкор, где познакомился с А. Розенбергом. После краха авантюры в Прибалтике принимал участие в Капповском путче, бежал в Баварию, где встретился с А. Гитлером

в авантюрных экспедициях, был в Турции и состоял при германской экспедиции в Персию, так что он привык работать в самых чрезвычайных обстоятельствах и явно любил быть в опасном положении.

Задача остающегося представительства состояла в первую очередь в отстаивании германских интересов: в защите населения немецкого происхождения и сохранении большого количества имущества германской армии и администрации, которое, несмотря на все усилия, вывезти так и не удалось. Политических миссий у представительства не было, как раз в этом отношении оно должно было ограничиваться наблюдением.

Некоторые германские подданные отказывались покинуть Ригу. Это были пожилые мужчины и женщины, которые прожили в Риге долгое время, имели там семью и родственников, как правило, получая от нас поддержку. Чтобы продолжать ее выплачивать, а также для покрытия прочих расходов я оставил в распоряжении представительства 500 тысяч марок. Для тех, кто остался, такая сумма показалась очень маленькой. На выделении больших средств настаивали и балтийские немцы; но на это я не пошел.

Чтобы обеспечить немцам столько защиты, сколько еще было возможно в предполагаемых обстоятельствах, я приказал отпечатать охранные письма. В них говорилось, что их предъявитель является гражданином под защитой Германской республики. Я знал, что это станет лишь весьма сомнительным прикрытием, однако это было все, что я мог сделать. Больше было уже невозможно. Изготовление этих «охранных грамот» было делом моего представительства, однако при этом надо было посоветоваться и с Национальным комитетом балтийских немцев.

Тот день в комнате с камином в моем доме — с бесконечными приходами и уходами, с его разговорами и решениями, которые постоянно приходилось принимать немедленно, — навсегда останется для меня незабываемым. Мы чувствовали судьбоносное значение этого города, который приходится сдать сегодня. И все

и стал одним из видных деятелей НСДАП, обеспечив важные связи (в том числе с Э. Людендорфом и Ф. Тиссенем) и финансирование (например, для покупки «Фёлькишер Беобахтер»). Поддерживал контакты и с русской монархической эмиграцией. Именно Шойбнер-Рихтер стал одним из организаторов Пивного путча, а также первой из немногих его жертв. Впоследствии — один из нацистских мучеников, его имя было и среди тех, кому был посвящен «Майн Кампф».

же в этой неутомимой работе, которая не оставляла места для неторопливости, где каждую секунду требовалась высочайшая концентрация на сути дела, заключалось известное благодеяние.

В первые часы пополудни я еще раз отправился в центр города. Был солнечный зимний день. В сиянии солнца блистало и иссиня-голубое небо. Я еще раз все осмотрел, эти старые немецкие дома: Большая и Малая гильдия, дом Черноголовых, Домский собор, здание дворянского собрания, старые купеческие дома у Двины. На улицах было оживленно. Все были в ожидании грядущих событий. И те, кто решили теперь, в последний момент, все же уехать, страшно спешили. Чувствовалось и радостное безделье других, ожидавших от подступающих большевиков наступления золотых деньков. На улицах рядом с провиантскими складами по-прежнему стояли столь характерные для последних дней нашего господства в Риге толпы бедного народа. Запасясь мешками и другой тарой, они ожидали момента, когда право собственности уже утратит свое значение. Утром, подумал я, утром вы уже будете здесь хозяевами, и на несколько дней все это захлестнет волна беспорядка. Утром то, что столетиями казалось само собой разумеющейся реальностью, останется висеть над этим городом, словно дымка. Мимо всех этих памятников немецкой культуры, мимо домов гильдий, мимо дома Черноголовых и всех этих старых почтенных строений потечет река дикой солдатни, а хозяйничать здесь будут недееспособные и опьяненные властью вожаки, высмеивая все, на что мы смотрели с любовью и уважением.

По Зандштрассе¹⁷¹ я пошел назад. Сегодня, когда уже ни один германский часовой их не защищал, евреи опять открыли лавки, торгуя тем, что раньше осмеливались предлагать только из-под полы и за закрытыми дверями. Принимали и русские, и германские рубли¹⁷², бриллианты и золотые украшения, старые платья и сахарин. Это был единственный полюс спокойствия в калейдоскопе событий.

Около четырех часов дня выехали автомобили с нашим запасом наличных. К этой экспедиции присоединился и мой пресс-атташе господин Кёерер, а я с молчаливой тревогой наблюдал, как он исчезает из виду. Утром из страха перед большевиками

¹⁷¹ Песочная улица, ныне ул. Смилшу (*латыш.* Smilšu iela).

¹⁷² И вновь именуется в виду выпущенные администрацией Обер Оста «восточные марки», или «восточные рубли», весьма ходовая вплоть до середины 1919 г. валюта на этих территориях.

рассеялась русская рота ландесвера¹⁷³, ее остатки отошли за Двину. Теперь они шли по шоссе на Митаву. Я полагал, что при распаде всего и вся эти люди способны на все. Охраны для транспортов с деньгами я уже обеспечить не мог. У каждого чиновника в кармане был пистолет. Это была их единственная защита, как и для денег, которые они везли с собой в деревянных ящичках.

Наступил уже ранний прибалтийский вечер, когда транспорты с деньгами отбыли. Небо на западе было пурпурно-красным. Однако на улицах уже стала чувствоваться двойственность ситуации. Вдруг неподалеку от нашего дома высветились сполохи. А вскоре пришло известие: Немецкий театр горит. Пламя поднималось и еще в трех местах.

Я опять пошел на улицу. Теперь уже казалось, что людей охватила суматоха. На Кальк-штрассе¹⁷⁴ я встретил нескольких германских солдат. Они были без оружия, как будто на прогулку вышли. Я спросил их, когда они намерены покинуть город. «А мы здесь остаемся! Большевики нам ничего не сделают!» Я оставил их гулять. В кафе ломился народ. На улицах собирались и шумели толпы.

Когда я вернулся домой, там были несколько офицеров, которые хотели переговорить со мной. Штаб армии уже уехал. Поэтому они пришли ко мне, чтобы заручиться полномочиями для уничтожения немалых запасов крепкого алкоголя в провиантском депо. Я счел это верным и дал на это разрешение. Отогнали еще и стайку солдат, которые ворвались в депо и уже стали открывать емкости. А снаружи шумела собравшаяся толпа и намеревалась тоже пробраться внутрь. Дошло до перестрелок. Однако солдаты все же выполнили свою миссию.

Между тем наши пожитки были уже уложены и погружены. Нас было всего четверо, так что собирались выехать на двух автомобилях около 11 часов. Теперь с нами были чемоданы и ящики Беккера. Что же с ним случилось? С момента отъезда его делегации прошло шесть дней. Мы уже почти потеряли его, хотя

¹⁷³ Вероятно, имеется в виду отряд полковника К. Дыдорова, затем влившийся в войска светлейшего князя полковника А. П. Ливена, которые не только не рассеялись, а начали участвовать в боевых действиях уже в феврале 1919 г. и сыграли важную роль в дальнейшей стабилизации антибольшевистского фронта в Курляндии. См.: Памятка ливенца. Рига, 1929.

¹⁷⁴ Улица Калькю (*латыш.* Kaļķu iela, дословно Известковая улица) — улица в Старой Риге.

и утешали себя предположением, что делегацию, по-видимому, просто задержали русские, а потому вместе с ними они в Ригу и приедут. Надежда была слабая, однако мы твердо за нее держались. Об истинной же их участи я узнал лишь через месяц, и об этом стоит рассказать особо.

Делегация выехала из Риги 27 декабря почти в 11 часов утра. Ехали быстро, так что уже около 12 часов проехали Хинценберг и оттуда взяли курс на позиции Красной Армии. Взяли с собой несколько флагов парламентаря и к тому же за Хинценбергом украсили автомобиль сосновыми ветками, обозначая свое намерение вступить в переговоры. Так и подъехали к первому русскому посту, там их остановили, обыскали, а затем позволили ехать дальше. Когда автомобиль проехал еще примерно 800 м, по нему открыли огонь. Переводчик тут же был смертельно ранен в шею. Беккер и член Центрального солдатского комитета были ранены. Водитель укрылся, а унтер-офицер Зимес выпрыгнул из машины назад и остался невредим. Затем русские прекратили огонь. Машину подогнали к позициям. Беккер поначалу считал, что ранен не тяжело, что это был лишь выстрел в бедро, так что с этим можно справиться. Обоих раненых доставили в помещение и попытались оказать им медицинскую помощь, а при этом выяснилось, что Беккер тяжело ранен в живот. Вечером 27 декабря он умер. Второй раненый выжил. Выживших членов делегации задержали и отпустили только в конце января. Машину русские оставили себе. Зимес, возвращаясь домой, проехал через Кёнигсберг, где к тому времени обосновался и я. Однако он меня не застал, так как я выехал на открытие Национального собрания в Веймар¹⁷⁵. Он оставил письменный отчет, где излагались эти события. До переговоров, ради которых и направлялась делегация, так и не дошло.

Если бы я знал об этом уже при отъезде из Риги, само собой, не оставил бы там никакого представительства. Но ведь в начале декабря русские заявили, что не намерены препятствовать нашей работе в Риге по развитию двусторонних отношений. Если бы мы знали о судьбе нашей делегации, то сохранили бы для

¹⁷⁵ Оно было избрано 19 января 1919 г. и открылось 6 февраля 1919 г. в Веймаре, чтобы быть подальше от охваченного беспорядками Берлина, где умеренного состава конституанта могла быть разогнана в ходе восстания или путча радикалов. А Винниг тоже был избран его депутатом, однако быстро вернулся в Восточную Пруссию.

рейха полмиллиона, а людей, что были в ее составе, уберегли бы от насилия и многих тяжелых часов.

Около 11 часов мы сели в наши машины и выехали. Перед Двиной уже была большая толпа людей, собравшихся там, так как неподалеку были провиантские склады. Когда мы прокладывали себе путь через эту массу, нас узнали. Раздались крики и угрозы. А у каждого из нас был только пистолет в кармане. И все же в конце концов мы благополучно добрались до моста через реку. Неподалеку грянула пара выстрелов. Наш автомобиль быстро перебрался на другой берег. От Торенсберга мы еще раз оглянулись на город. В двух местах виден был красный свет от горящих домов. Мой заместитель Буркхард поднялся в машине и сказал: «Мы вынуждены уехать, но не мы это допустили. Однако когда-нибудь мы добьемся своего, и при этом будут мои сыновья». Затем поехали по большому военному шоссе в зимнюю ночь. На другом берегу через проходы в Егельских озерах протискивались вперед шеренги из красноармейцев.

XIV. Республика в Митаве

На следующее утро в Митаве была торжественная встреча. Меня разместили в одном из старых, расположенных прямо у реки Аа дворянских домов, если не ошибаюсь, принадлежавшем роду Остен-Сакенов. Здесь были старинные просторные комнаты с почтенным домашним скарбом, протертыми шелковыми половиками и облетевшей позолотой. В этом доме повсюду ощущалось присутствие парочки слуг, из тех, кого редко видишь, но они всегда где-то рядом. Они протирали и убирали, отапливали комнаты, накрывали к завтраку, однако я их не видел, я их даже едва слышал. Устало и громко отбивали такт напольные часы с древним посеребренным циферблатом. По стенам висели потемневшие полотна и пожелтевшие гравюры. Все здесь было отголоском прошлого. На белых опорах балдахина моей кровати гвоздем или ножом кто-то выцарапал два связанных пламенеющих сердца. Однако же как давно, наверное, истлел этот огонь...

Мой рабочий кабинет был в другом здании, где раньше была резиденция администрации Курляндии. Все это подготовили уже неделю назад.

На пути через город я встретил Скубика и доктора Мендера. Оба были здесь уже несколько дней, ведь у них были особые причины не попадаться большевикам на глаза. Я иногда сомневался в их рассказах о террористических жестокостях большевиков. Но Мендер рассказал мне, а Скубик подтвердил, что большевики однажды в Риге приговорили к смерти сразу 32 члена меньшевистской партии, среди них был и доктор Мендер. В отношении 17 человек приговор был приведен в исполнение, еще одного забили прямо на улице, другого подстрелили из-за угла, третьего бросили в Двину, так что большевики, несомненно, перебили бы всех 32, если бы тем временем в Ригу не вступили германские войска, которые с железной строгостью навели порядок¹⁷⁶. Я встретил и доктора Вальтера, министра внутренних дел Латвии: он совсем продрог, был унылого вида, небрит. Через каждые 10 шагов со

¹⁷⁶ Таким образом, Мендерс утверждает, что большевики сосредоточенно истребляли своих политических противников еще летом 1917 г., задолго до Октябрьского переворота и при Временном правительстве, что выглядит сомнительным.

мною кто-нибудь здоровался. Как правило, это были балтийские немцы из Риги, которые здесь намерены были выждать, как повернется дело. Кругом ходили до странности оптимистичные слухи.

Один хозяин ремесленной мастерской, с которым я познакомился на торжественном вечере в Малой гильдии, попросил меня разъяснить ему, является ли эта сдача Риги хитрым политическим ходом с моей стороны, который я предпринял лишь для того, чтобы поставить в безнадежное положение латышское правительство и тем сделать его готовым на более существенные уступки. За Митавой будто бы уже стоят 10 тысяч добровольцев из Германии, с которыми мы сразу же возьмем Ригу назад, как только латышское правительство согласится на наши условия. Все это они (немцы) вполне поняли, так что теперь он хотел бы только в этом увериться — конечно, он никому и слова не скажет, лишь хочет для себя знать это, ведь семья-то у него еще в Риге осталась. Такой слух действительно ходил, ему частично верили. На следующий день я почувствовал, что и само латышское правительство дает ход таким рассказам. Вполне может быть, что эмигрантам всегда доставляет особое удовольствие поживать на таких сказках да на поветриях.

Чем дальше я шел по городу, тем сильнее становилось ощущение, что вся эта муравьиная возня вызвана множеством эмигрантов. Лифляндские и эстляндские немцы заволокли улицы. Разъезжали доверху набитые домашним скарбом повозки, искали, где бы их разместить. В парочке кафе даже в такой ранний час было битком. Я-то давно проникся убеждением, что эти события решают судьбу всех балтийских немцев. Но никогда я не ощущал шаги судьбы так сильно и никогда мне не было так печально, как в то 3 января, когда я шел по улицам Митавы. Без какого-либо конкретного намерения я свернул с главной улицы на запад и пошел улицей, почти пустой, да и домов тут было всего несколько. А когда я подошел к одному кирпичному зданию, то вдруг услышал пение мужчин. Я встал поближе и прислушался. На первом этаже здания я увидел, как германские солдаты чистят оружие. За работой они пели. Я услышал:

От Мааса до Мемеля,
От Эча до Бельта,
Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего в мире!

Как же странно звучала песня в это утро: Германия лежала под ногами победителей и расходовала остатки своих сил на злобу против себя же самой. А мы поспешно бежали из этой страны и забирали с собой 700-летнее германство. А вот стояли добровольцы — и молодые, и старые — и пели «Германия превыше всего!».

Это была прекрасная песня. Ее пели и в школах, и в армии, она часто брала за сердце. Однако в тот день большого исхода, на земле Курляндии, эта было больше, чем песня. Из этих молодых добровольцев струилось не поколебленное никакими неудачами чувство истинно народной стойкости, неистощимая любовь верующего народа к материнской почве.

* * *

Размещение и возобновление работы ведомств в избранных для них зданиях, естественно, встречали некоторые трудности, однако я предоставил моим заместителям преодолеть их. Я же поддерживал контакт с военным руководством и латышским правительством. Однако прежде всего, чтобы я здесь мог работать с относительным спокойствием, надо было уладить и еще одно дело. Это касалось позиции Митавского солдатского совета.

Во главе этого совета был рядовой Роберт Альберт, который так хорошо проявил себя в качестве председателя Съезда солдатских советов. С Альбертом я был не знаком. Раньше он был редактором социал-демократических газет, а позднее, чтобы избежать нескольких тюремных сроков, которые он получил за нападки в прессе, отправился в Швейцарию и начал там работать в немецких газетах. Иногда он сотрудничал и с газетой профсоюза, которой руководил я. Я ценил его как очень умелого журналиста, но знал, что, будучи таковым, он слишком часто перегибает, иногда поддается тяге к сенсациям, свойственной столь многим журналистам, что и приводит его к неумеренности и преувеличениям. В Митаве он работал в издаваемой штабом 8-й армии солдатской газете. Истинным руководителем этой газеты был Эрих Янке, владелец известного берлинского издательства, который, однако, поручил основную свою работу своему подчиненному Альберту. Альберт делал всю работу, а Янке получал за это награды — старая история. Альберт из-за этого чувствовал себя обойденным и подавленным, а когда пришло время солдатских советов, он одним прыжком встал во главе митавского совета. Он сразу же сделал газету органом солдатского совета, а как руко-

водитель и председатель солдатского совета приобрел в Митаве положение чуть ли не диктатора.

Он был в числе тех вожakov солдатского совета, которым эта власть ударила в голову. Он приказал — без всяких шуток — именовать себя президентом. У его квартиры в замке был выставлен пост. Он постоянно носил широкую красную или трехцветную¹⁷⁷ повязку на груди. В газете и на общественных собраниях он сразу же взял тон, который никак не соответствовал обстановке. На свой страх и риск проводил революционную политику умиротворения, а для этой цели усвоил себе повторять все те упреки и ругань, которыми осыпали балтийских немцев латыши. Это мне не нравилось. Я с самого начала рассматривал идею взять Альберта на работу к себе, как только эвакуация продвинется так далеко, чтобы Альберт уже мог уехать из Митавы. Ведь там он поначалу был очень полезен, сумев удержать солдатские массы в должных рамках, что было непросто. Однако, чем дольше держал он там власть, тем сильнее становился заложником демагогических успехов. Это было тем более нестерпимо, что у нас в Митаве помимо солдат, подчинявшихся совету, которые вели там привольную жизнь, чему Альберт никак не мешал, была еще и вполне боеспособная часть, конечно, совсем небольшая, однако сумевшая в ходе сложных оборонительных боев с большевиками переправиться через Двину у Двинска и пробиться через Бауск к Митаве, образцово выполнив свой долг. Этот отряд тоже должен был быть подчинен полку Альберта, что, естественно, привело к ряду неприятных инцидентов.

Утром в сочельник Альберт сообщил мне по телефону, что командир отряда полковник фон Кнобельсдорф пошел будто бы на неслыханный акт насилия, который неизбежно должен будет привести к самому болезненному конфликту, если только я не приеду немедленно и не восстановлю порядок. Однако мне в дальнейшем не оставалось ничего иного, кроме как, несмотря на все сомнения, поехать в Митаву.

Полковник фон Кнобельсдорф и действительно предпринял ошибочные с политической точки зрения меры. Ему сообщили, что 29 или 30 декабря будет проходить тайное собрание митавских большевиков. Во вполне оправданной тревоге, что это может

¹⁷⁷ Цветов германского революционного флага 1848 г. — черно-красно-желтого, ставшего затем знаменем и Веймарской республики. Противники революции носили повязки цветов кайзеровского — черно-бело-красного — флага.

иметь роковое для его небольшого отряда значение, ведь это приведет к большевистскому восстанию, он распорядился об аресте собравшихся. Однако в тот же вечер прошло собрание меньшевистской партии, но оно было не тайным, а вполне открытым. Вожаков арестовали, среди них и старого лидера курляндских социалистов Весманна, человека без каких бы то ни было насильственных намерений. Когда я выяснил это в Митаве, то сказал полковнику, чтобы он немедленно отпустил этих людей. Он не отпирался ни секунды. Было пять часов вечера. Около семи часов все арестованные были уже свободны. Полковник заявил, что не осознавал этой ошибки; ведь до сих пор он с политикой никакого дела не имел, а потому никакого различия между большевиками и меньшевиками не делает — что большевики, что меньшевики, один черт. Я дал знать об этом Альберту и оставил за собой право особо навестить старого Весманна и извиниться за эту ошибку. Тем самым я полагал инцидент исчерпанным, а потому охотно принял приглашение провести сочельник с хорошо знакомой мне семьей балтийских немцев.

И вот мы сидели после ужина, ведя спокойную беседу. В тот день я как раз получил корректуру первой главы моего произведения «Рассвет» и немного читал из нее. В это время прибыл полковник фон Кнобельсдорф, который очень хотел переговорить со мной. Он еще раз заверил меня, что у него не было никакого намерения как-либо противиться моей политике, он лишь стал жертвой ошибки. Для меня же вся эта история после освобождения людей была уже окончена.

И тут вдруг отчаянно зазвенел дверной звонок. Сын хозяев вышел и вернулся с сообщением, что там снаружи стоит отряд солдат от совета, который намерен полковника арестовать. Я отправил Буркхарда, чтобы он разъяснил солдатам обстановку. Но он тут же вернулся назад в полном отчаянии и сказал, что солдаты настроены чрезвычайно упрямо и не позволяют себя отговорить. Тут полковник встал и отклонил всякие дальнейшие усилия — он намерен был отправиться и позволить спокойно провести разбирательство. Теперь уже и я пошел к солдатам и стал говорить с ними. Они показали визированный их президентом письменный приказ. Он был похож на какую-то выписку длиной в среднего размера газетную статью, да и выдержан был в таком же стиле. Я уже не могу в полной мере вспомнить содержание его, однако там точно что-то говорилось об ущербе авторитету солдатского совета. Один взгляд на этих семерых расхристанных

парней, которым Альберт поручил миссию ареста, убедил меня, что тут будут напрасны все усилия. Это были примерно 19-летние олухи в полурасстегнутых мундирах. В грязных своих кулаках каждый из них сжимал карабин с примкнутым штыком. Я тут же заявил этим людям, что они сделают себя виновными в тяжелом преступлении. Естественно, это не помогло, и полковник ушел с этими ребятами — сначала его повели в замок, где была резиденция Роберта Альберта. Известие об аресте полковника вскоре достигло и солдат того ударного отряда. Альберт посчитал разумным вскоре отпустить своего задержанного, и так как он не без оснований был озабочен его личной безопасностью, то позволил себе дать арестованному полковнику честное слово, что с ним ничего не случится. И все же Альберту пришлось тяжело. Между солдатами совета и солдатами Железной дивизии еще той же ночью дошло до перестрелок, но никто не пострадал.

Позднее в выпущенном под псевдонимом произведении Альберт попытался оправдать свои действия. Он описал полковника фон Кнобельсдорфа как отпетого реакционера¹⁷⁸ и тупого вояку, доказывая это тем, что он выслал навстречу бежавшим из Риги русским добровольцам пулеметную роту. Такая мера в данных обстоятельствах была вполне уместна, особенно если вспомнить мятеж среди латышских добровольцев. Был ли полковник «реакционером» или нет, я сказать не могу, однако я вполне могу себе представить, что для него разгильдяйская жизнь солдат совета в этой Митавской республике была столь же неприемлема, сколь и для меня. В этом не видно ничего достойного, ничего из того, чем должен обладать достигший соответствующего уровня развития народ. Напротив, там господствовали лишь самые низменные страсти и позывы.

Оценку того эпизода не может поколебать и то, если представить себе обстановку. Солдатам совета в Митаве уже давно нечего было делать. Всех их до последнего человека давно уже можно было бы отправить домой. Большая часть и действительно была уже на родине. Те, кто еще оставался в Митаве, сделали это лишь из тамошней привольной жизни и лени. Солдаты совета обеспечили себе далеко не скудное и не малое довольствие, получали

¹⁷⁸ Это было связано и с тем, что дослужившийся до генерал-майора **Ганс фон Кнобельсдорф** (нем. Hans von Knobelsdorff; 1866–1947) был представителем одного из старинных прусских юнкерских родов, а его родственники занимали высшие штабные должности, входя в военное окружение кронпринца и кайзера.

и прибавку к жалованью. Немало из них искали и находили свою выгоду преступным путем. А добровольцы Железной дивизии от них отличались. Их было лишь две небольшие роты. Они отправлялись в бои с нападающими большевиками, вынесли тяжелые муки, а на теплых стоянках оказывались не часто. И вот эти тунецы и лентяи теперь еще и претендовали на командование этим боевым отрядом. Чтобы поддержать эти притязания, Альберт и приказал вечером в сочельник арестовать полковника фон Кнобельсдорфа прямо на моих глазах, тем более после того, как единственный настоящий предмет для споров был чрезвычайно просто улажен. И простой этот факт говорит обо всем.

Когда же я вынужден был перевести свои ведомства в Митаву, необходимо стало расчистить дорогу для их деятельности. Само собой, я не мог уступить в своих делах этой власти насилия бездельников. Поэтому в первый же день моего пребывания я приказал вызвать к себе Роберта Альберта. Он должен был прийти один, однако явился в сопровождении множества солдат. Так как я хотел говорить не со всеми этими людьми, а только с Альбертом, сначала мне стоило немалого труда выпроводить всех остальных. Когда же я остался наедине с Альбертом, то хватило лишь нескольких слов, чтобы побудить его распустить солдатский совет и вместе с его членами уехать в Германию.

Только теперь я мог приступить к политической работе, которая именно сейчас демонстрировала скрытые в ней возможности.

XV. Новая обстановка

Еще 3 января в новых резиденциях наших ведомств я встретился с военным руководством и с ведущими министрами латышского правительства, чтобы вместе с ними обсудить новую обстановку. Мы хотели обговорить, что же теперь следует делать. Ригу мы оставили без всякого плана. Возможности отвоевания Риги, которые я обрисовал перед глазами Уллманна, были еще очень далеки от конкретных планов. Тем самым я хотел лишь дать понять Уллманну, что при взаимодействии с латышами у нас еще есть возможность выйти из создавшегося отчаянного положения и восстановить рухнувшее латышское государство. Я полагал очевидным, что предпосылки для такого успешного продолжения нашего курса на сближение никогда не были столь удачными, как именно в эти дни опаснейшего для молодого государства кризиса.

Англичане уже в первый день нового года без последнего «прости» отбыли из Риги, да и из Латвии. Мне рассказывали, что кабинет министров запрашивал, можно ли найти для него на кораблях место, однако получил отрицательный ответ. Не могу выяснить, насколько этот рассказ основан на реальных событиях. Я лично никогда не сталкивался с какими-либо иными намерениями латышского правительства, кроме как можно дольше оставаться в стране. Я довольно часто обсуждал с ним подходящее место для временной резиденции, и мы единогласно избрали Митаву. Однако могло быть и так, что латышское правительство имело в виду английские корабли в качестве места, куда можно спастись бегством в самом отчаянном положении, если уж никакого другого выхода не будет. В пользу этого, в конце концов, говорит и обстоятельство, что барон фон Розенберг как раз и бежал на английский корабль, конечно, чрезвычайно рано, когда еще о реальной опасности и речи не было. И все же поспешное и безмолвное исчезновение англичан заметно охладило воодушевление латышей на их счет. Этим отнюдь не сказано, что латыши внезапно нас полюбили, однако теперь они увидели: англичане отплыли и уже не могут им помочь в их тяжелом положении. Было отнюдь не предрешено, что они бы помогли, даже если бы были в состоянии сделать это. Однако мы были с ними, помогали им, как только могли, и заявляли о своей

готовности помогать и впредь, и даже больше. Я же хотел и дальше трудиться ради этой помощи, надеясь тем самым создать столь многие и прочные предпосылки, чтобы обеспечить на будущее положение немцев в этой далекой стране, чтобы можно было создать прочные экономические связи между рейхом и Латвией.

На наших совещаниях поначалу речь шла о том, чтобы прояснить военную обстановку. При этом высказывались чрезвычайно разные оценки. Получили известие, что Рига в утренние часы была занята первыми большевистскими отрядами. Поначалу в город вступил только отряд кавалерии силой в 160 всадников. Если бы у нас теперь было хоть несколько тысяч человек, мы действительно могли бы вернуться в Ригу. Однако добровольцы, на которых мы надеялись, были еще очень далеко, так что должно было пройти еще некоторое время, пока они прибудут. Я предполагал, что мы сможем остаться в Митаве. Олайские позиции все еще были пригодны для обороны. Однако и этот замысел реализовать не удалось. Наши силы и для этого были слишком незначительны. Наступавшие к западу от Двины войска Красной Армии только усиливались, так что при дальнейшем их продвижении Олайские позиции удержать было бы невозможно. Остановить же наступающих у нас не хватало сил. Так что, хотя эта мысль также была очень болезненной, теперь речь шла только о том, чтобы придержать Красную Армию, лишь бы выиграть время. Тем самым можно было попытаться вырвать четыре, может, и восемь, возможно, и десять дней. Командующий Железной дивизией и это полагал бесперспективным. За последние дни ему пришлось приобрести поистине горький опыт, ведь до того он был склонен скорее к оптимистической оценке положения. Теперь же он рисовал его в самых черных красках и заявил латышским министрам, что Германия более ничего не может сделать для их страны. Еще в тот же день или на следующий он подал в отставку и уехал¹⁷⁹.

Мы приняли решение оказывать сопротивление имеющимися силами до тех пор, пока это вообще возможно. Затем, если нам придется уступить под напором, войска должны отходить на рубеж р. Виндавы, а мы остановимся в Либаве. Я же хотел еще раз съездить в Берлин, чтобы ускорить прибытие добровольцев.

Жизнь в Митаве была ужасной. Началась оттепель, а дороги занесло грязью сверх всякой меры. Меня осаждали беженцы, не

¹⁷⁹ Это произошло уже после оставления Митавы.

давая мне ни секунды покоя. Довольствие было плохое. Буркхард мне раньше всегда хвалил «уютную Митаву». В сочельник и ночью после него я составил себе об этом уюте совершенно особое представление. Никакого порядка в работе ведомств не было. Никак не могли разместить всех служащих, так что они слонялись без дела. Мой ординарец, которого я выслал вперед с багажом, все никак не прибывал, а когда он наконец явился, этот неудачник растерял все, буквально все. Теперь у меня были только одежда и белье, которые были на мне вечером при отъезде из Риги. Однако, несмотря на эти мелкие личные неудобства, дела политические приняли весьма многообещающий оборот, и, когда мы справились с этой ситуацией, они и вовсе забылись.

4 января я пригласил к себе Уллманна для переговоров. Уже на совещании днем ранее о вопросе расселения говорили с военной точки зрения. Однако же я уклонялся от этого, ведь такое тонкое дело я не хотел обсуждать при столь серьезном раздражении. Я перевел разговор с Уллманном на финансовые вопросы латвийского государства. Они теперь были во все более дурном состоянии. Однако только оплата нынешней военной защиты требовала ежедневно крупных сумм, которые должны были и еще чудовищно возрасти, если бы действительно прибыла столь страстно желаемая и обещанная помощь. Могут ли быть в полной мере возложены эти затраты на латвийское государство — об этом еще предстояло заключить соглашение, а для этого я нуждался в инструкциях и полномочиях от германского правительства. Даже если мы будем поначалу нести бремя оплаты германских вооруженных сил, но ведь оставались еще и затраты на ландесвер, который являлся чисто латвийской организацией и делом только этой страны. Кроме того, было еще и содержание администрации. Молодое государство тут же отяготило себя довольно большим штатом чиновников, для которых после утраты значительной части территории осталось не так-то много работы, однако платить им все равно надо было. Собственных же доходов правительство почти не имело; оно было ввело пару налогов, которые могли бы дать ему некоторые средства, если бы не была потеряна Рига. Остатки страны, которыми оно теперь могло распоряжаться, вскоре превратились в узкую полосу прибрежной территории, которую нельзя было всерьез полагать источником налоговых поступлений. Все это Уллманну было известно наверняка еще лучше, нежели мне, так что ничего нового я ему не сказал. Я спросил его, как он относится к финансовой

помощи со стороны Германии. Он ответил, что это зависит от условий. А вот об этом уже я мог сказать не так много, ведь я даже не знал, а сможет ли рейх вообще выделить Латвии заем. Я знал лишь, что незадолго до этого правительство предоставило кредит литовскому правительству в 130 миллионов¹⁸⁰, сделав из этого вывод, что и в отношении займа Латвии оно не будет настроено безусловно отрицательно. Конечно, и сама Германия не могла выступать кредитором, ведь по условиям договора о перемирии все договоры рейха с другими государствами теряли силу, а новых он заключать был не вправе. Однако все это не могло стать нам препятствием, ведь была же «Касса займов Восток». И все же я ответил на вопрос Уллманна и указал на возможность использования лесных ресурсов, по крайней мере части их, в качестве залога. Уллманн заявил, что это можно обсудить. Относительно размера возможного займа он заявил, что он никак не может быть меньше предоставленного Литве. Однако и этот вопрос остался открытым, так что мы оставили тему, установив, что обе стороны готовы вести переговоры о предоставлении кредита.

Вторым предметом нашего совещания было расселение германских солдат, сражающихся за освобождение Латвии. Я сказал Уллманну, что для успеха вербовки было бы весьма важно, если бы добровольцам можно было дать надежду на выделение земли для поселения: договор от 29 декабря заключался при том условии, что на его основе сражающиеся германские солдаты смогут приобретать землю, ведь простое приобретение прав гражданства привлечь бойцов не смогло бы. Уллманн попытался уклониться от разговора под тем предлогом, что этот вопрос весьма деликатный, ведь имеющаяся в распоряжении земля для начала должна послужить тому, чтобы удовлетворить земельный голод не имеющих наделов латышей. Я с этим согласился и предложил добиться гарантий обеспечения латышских претендентов на землю тем, что для них будет оставлена вся находившаяся в государственной собственности земля (около 270 тысяч гектаров), а вот поселенцы из числа солдат будут получать наделы из тех

¹⁸⁰ Это действительно так. Благодаря коллеге Виннига в Литве эмиссару внешнеполитического ведомства **Людвигу Циммерле** (нем. Ludwig Zimmerle; 1867–1925) Германия очень серьезно поддерживала правительство **Миколаса Слезявичюса** (лит. Mykolas Sleževičius; 1882–1939), выделив деньги и продолжая оккупацию большей части Литвы, которую в Берлине рассчитывали сделать верным союзником не только против большевиков, но в основном против поляков.

угодий, что выделяют хозяева крупных поместий. Уллманн так и не смог решиться на какое-либо конкретное заявление по этому поводу, и мы закончили обсуждение на том, что договорились, что Уллманн поставит этот вопрос перед кабинетом министров, в то время как я попытаюсь изложить свои предложения на бумаге, чтобы они были готовы к одному из предстоящих в ближайшие дни совещаний.

Конечно, это было легче сказать, чем сделать. Уллманн на самом деле идее о немецкой колонизации был ни в коем случае не друг. Однако он держался за эту Латвию, а эта Латвия держалась на германских штыках, а германские штыки хотели сражаться здесь за возможность поселиться, а для этого могли спасти Латвию. Поэтому он должен был склонить кабинет начать переговоры о выделении земли. В ближайшие дни мы начали переговоры. В основу своего предложения я положил число в 5 тысяч поселенцев, потребовав для каждого 180–240 моргенов земли¹⁸¹. Это давало бы в сумме примерно такую же территорию, что собирались выделить и для латышских поселенцев. Я оставлял предметом обсуждения ту форму, в которой земля будет передаваться в собственность: будет ли это безвозмездная награда за участие в кампании, или же предусмотрена продажа по сходной цене, будет ли это полная собственность или же наследственная аренда. Уллманн привел целый ряд возражений против моего проекта. Предложенные участки будто бы слишком малы, потому в Курляндии на них никто из поселенцев не выдержит. Предполагаемое число поселенцев из солдат будто бы вычислено мною произвольно; что же тогда будет с остальными, если нам понадобится более 10 тысяч, а то и 20 или 30 тысяч солдат, которые затем потребуют земли? Все это были вопросы, о которых можно было дискутировать сутками, причем мы и действительно рассуждали очень долго. Мне пришлось для начала признать справедливость возражений Уллманна, удовольствовавшись замечанием, что латышское правительство в принципе готово предоставить германским бойцам в Латвии возможность для поселения, хотя о характере и масштабах этого следует в дальнейшем продолжить переговоры, когда можно будет более точно оценить обстановку, в частности составив представление о количестве поселенцев из солдат.

¹⁸¹ То есть примерно 45–60 га.

XVI. Зарисовки из поездок

Во время пребывания в Митаве начали приезжать первые добровольцы из рейха. Две батареи, пулеметная рота и ударный отряд из 70 человек должны были быть уже на пути в Курляндию. Мы ждали. Для поездки этим людям необходимо было максимум три дня, а теперь уже прошло пять. Мы нетерпеливо ждали, а их все не было. Они вообще не прибыли — их задержали в Восточной Пруссии солдатские советы, а затем, видимо, отправили назад по домам. Как-то добрались до нас четверо или пятеро злых, как черти, юношей. Их тоже задержали и хотели отправить домой, однако они вывернулись и доехали, рассказав нам, что солдатские советы в Восточной Пруссии не намерены пропускать в Прибалтику военные эшелоны.

Когда несколько дней спустя я поехал в Берлин, мне пришлось остановиться в Кёнигсберге, ведь не было следующего поезда. Я использовал эти часы, чтобы разыскать солдатский совет. А там, как это обычно и бывало в солдатских советах, как раз шло собрание — заседали в доме дворянского собрания. Ошибиться при поиске было невозможно, ведь перед дверями этого здания стояло аж 13 автомобилей. Тщетно просил я, апеллируя к занимаемой мною должности, предоставить в мое распоряжение для пары поездок по совершенно неизвестному мне тогда городу машину. Там внутри собрались около 120 человек. Мне позволили войти. Говорили об обязанности отдавать воинское приветствие. Я двинулся к столу председателя, сказал, кто я таков, и попросил слово. Председательствующий — жовиальный, упитанный бюргер в форме заявил, что столь важный предмет надо обсуждать лишь к концу, а тогда я и смогу получить слово. Я призвал себя к терпению и стал ждать. У меня было мало свободного времени, ведь я еще должен был навестить штаб корпуса и обер-президента¹⁸², а в семь вечера мне надо было выезжать. Тема воинского приветствия за это время стала особенно востре-

¹⁸² Имеются в виду 1-й корпусной округ во главе с генералом **Йоханнесом фон Эбеном** (нем. Johannes Karl Louis Richard von Eben; 1855-1924) и крайне консервативный юнкер **Адольф Тортилович фон Батоцки-Фрибе** (нем. Max Johann Otto Adolf Tortilowicz von Batocki-Friebe; 1868-1944), занимавший пост обер-президента Восточной Пруссии в 1918-1919 гг.

бованной и предоставила ораторам возможность обсудить все особенности и минусы солдатской жизни, да и вообще жизни простого человека. Когда спустя добрый час все еще и конца этому было не видно, я вновь отправился к председательствующему, ведь он тем временем вовсе не позволял себя прервать. Тогда уже я взял слово, а председательствующий после нескольких попыток успокоить меня все-таки позволил мне говорить. Я рассказывал солдатам о ситуации о Прибалтике, о натиске большевиков, о формировании Железной дивизии солдатскими советами, о наших слабостях и нужде. Я сказал, что мы ждем подкреплений, а они все никак не придут, потому что их задерживают здесь в Восточной Пруссии, и что большевики, несомненно, в течение нескольких недель будут у границ Германии, если мы их не остановим там, на севере. Я спросил солдатские советы, почему они блокируют снабжение для нас, неужели они считают, что будет лучше, если большевики придут в Германию. Считают ли они, что это вполне по-социалистически — сделать Германию плацдармом большевистского угара? Ответом на это был весьма отрадный для меня шум оваций, а когда я в завершение выразил ожидание, что они впредь не будут мешать нам в нашей борьбе, а наоборот, поддержат, я получил уверенность, что блокировка нам снабжения в любом случае не отвечает настроению этого весьма представительного собрания солдатских советов. После меня слово молниеносно взял врач Готтшальк. Он словно взлетел на трибуну, где тут же нарушил все возможные пределы. И вот он стоял там, указывая на меня вытянутой рукой, словно хотел немедленно пригвоздить меня к позорному столбу мировой истории. Спустя несколько минут, когда он говорил о безвредности большевиков, лицо его расплылось в столь умильной улыбке, какая бывает у 45-летней старой девы, которой пытаются соврать, что выглядит она максимум на 28. Однако сразу же за этим господин Готтшальк вновь стал чрезвычайно серьезным и стал выражаться самыми резкими словами, словно поэт-экспрессионист. В конце концов, когда я уже прощался с этим собранием, ведь мое время вышло, он, воспламененный праведным гневом, переполненный пылом, стал потрясать руками так, что только манжеты щелкали. В течение всей этой речи я смотрел на солдат и вышел оттуда успокоенным. В Кёнигсберге мне довелось видеть лишь пожимание плечами.

Поездка из Кёнигсберга в Берлин показалась не такой длинной из-за крайне приятной для меня компании. В моем купе ехал

народный уполномоченный Гаазе¹⁸³. Само собой, мы были знакомы уже много лет. Гаазе был безупречной личностью. На всегерманской конференции социал-демократов в сентябре 1916 г., непосредственно перед тем, как откололось под его руководством наше левое крыло, мы с ним резко поспорили. Однако это отнюдь не обязывало меня конфликтовать с Гаазе не только как с политиком, но и как с человеком. Кто знал Гаазе только как политика или исключительно по массовым акциям, тому он был известен лишь с одной и, к сожалению, не самой симпатичной его стороны. В узком кругу Гаазе был не только обходителен, но и чуть ли не мягок, пытаясь прислушаться к мнению другого, да так, что последнему приходилось порой очень сложно упорно отстаивать свое мнение, ведь у оппонента не было никакой твердой линии, а лишь уступчивость. Вот так он и теперь мне рассказывал, что сделал все возможное, чтобы предотвратить конфликты в Берлине и избежать кровопролития. Но теперь в Берлине вновь разгорается война, и он срочно спешит туда, чтобы с этим покончить.

Моя миссия в Берлине с самого начала оказалась под несчастливой звездой. Я попал прямо в разгар январских боев¹⁸⁴. Даже выйти из поезда и уехать с вокзала оказалось довольно трудно, ведь повсюду стреляли. На пути в отель я встретил колонны

¹⁸³ **Гуго Гаазе** (нем. Hugo Haase; 1863-1919) был из семьи восточнопрусских евреев. Стал юристом, достаточно рано примкнул к СДПГ, в рядах которой сделал успешную парламентскую карьеру, со временем став председателем своей партии вместе с Эбертом. В дни Июльского кризиса 1914 г. убежденный пацифист Гаазе до последнего пытался вместе с Ж. Жоресом сорвать войну с помощью согласованных действий по линии Интернационала, а 4 августа 1914 г., по соображениям партийной дисциплины, вынужден был проголосовать за военные кредиты в рейхстаге. К концу 1915 г. стал открыто голосовать против одобрения военного бюджета и был лишен поста председателя. Гаазе был близок к основателям «Союза Спартака», требовал освобождения Либкнехта. Так как конфликт с однопартийцами обострялся, в апреле 1917 г. Гаазе стал лидером Независимой СДПГ. В ноябре—декабре 1918 г. был членом революционного правительства — СНУ, однако вместе с другими «независимцами» вышел из его состава в знак протеста после попытки силового подавления мятежа Народной морской дивизии в Берлине. Затем тщетно пытался предотвратить бои между правительством и ультралевыми. Был лидером фракции НСДПГ в Национальном собрании. Тяжело ранен в ходе покушения и скончался в годовщину российской Октябрьской революции.

¹⁸⁴ Имеется в виду мятеж спартакистов из только что образовавшейся КПГ 5-12 января 1919 г., в котором приняли участие и большевистские эмиссары во главе с К. Радеком. Он закончился разгромом восставших правительственными войсками, убийством 15 января К. Либкнехта и Р. Люксембург, привел к серии вспышек гражданской войны по всей Германии.

вооруженных горожан. То были войска, верные СДПГ, которые призвали защитить правительство. Чтобы уяснить себе положение дел, я позвонил из отеля в берлинский филиал своего профсоюза. «Святые небеса! Ты в Берлине? Ты что, не знаешь, что тебя требуют предать суду трибунала?» Я этого не знал и спросил о причинах. «Да потому, что ты чуть ли не белую гвардию формируешь! Скройся где-нибудь и не показывайся на улицах!»

Однако последовать этому совету я не мог. Да и не считал опасность слишком серьезной. Я вполне допускал, что Роза Люксембург могла сказать нечто подобное. Раньше она меня не раз приглашала навестить ее, и несколько раз я это приглашение принимал. До войны она жила в южном предместье Берлина. Всякий раз мы просиживали там несколько часов за чаем и вели весьма интеллектуальные беседы. Роза Люксембург уже тогда верила, что революция близка. Я думал иначе и хотел ей доказать, что класс, который возвышается экономически и политически вполне законным путем, никогда не пойдет на насильственную революцию. Роза Люксембург была одной из умнейших людей, кого я когда-либо знал. Она не отрицала факт возвышения германского рабочего класса, как это было, например, у Карла Либкнехта, бывшего великим фанатиком и фантастом, но обладавшего слабым интеллектом. Роза Люксембург признавала и эволюционное воздействие нашей тогдашней профсоюзной и парламентской работы, которая в случае ее продолжения должна была бы сделать революцию все менее вероятной и возможной. А потому она выступала против такой работы и хотела как партию, так и профсоюзы толкнуть на революционный путь. Она знала, что в этом я — ее противник, однако тогда у нее еще было намерение именно меня, самого молодого из известных ей профсоюзных деятелей, сделать своим союзником. Конечно, это ей не удалось. Когда я в одной из наших бесед сказал ей полушутя, что в своей революции она будет видеть врага и во мне и, вероятно, тогда вне зависимости от приятно проведенных нами за чаем часов прикажет поставить меня к стенке, она ответила со всей любезностью, на которую была способна: «Ну, конечно же, товарищ Винниг! Только я и тогда с удовольствием поболтала бы с вами за чашкой чая!» Мы еще много тогда шутили по этому поводу, обсуждая сцену, при которой после окончания приятной беседы, обмениваясь дружескими взглядами и крепко пожав руки, она прикажет отправить меня на экзекуцию. Хотя тогда это была

лишь развеселая шутка, но легкая тень серьезности уже примешивались ко всем этим забавам.

В правительственный квартал я не смог попасть. Там всюду по-лыхало восстание. Как-то раз я попытался это сделать, но оказался в районе, полностью забитом массовыми демонстрациями. А они сменяли одна другую. Утром спартакисты заполнили улицы, их вожаки кричали: «Эберт, Шейдеман!» — а масса отвечала: «Долой, долой!» Вожак опять: «Роза Люксембург!» — а масса: «Ура, ура!» Через пару часов умеренные социал-демократы обратились за помощью к войскам, которые тут же встали защитной шеренгой вокруг правительственных зданий. Так что исход борьбы склонялся то в одну, то в другую сторону. В этих демонстрациях не было ничего преступного, они не представляли опасности. Можно было спокойно смешаться с толпой спартакистов и дискутировать с ними, послушать яростные оправдания, но уж никак не оскорбления. Военных же там и вовсе почти не было. В правительственных зданиях были лишь несколько сотен добровольцев-защитников. Там особенно много стреляли. Однако в эти дни куда более правительство защищали не оружием, а призывом верных правительству социал-демократов к массовым демонстрациям. При попытке пробраться в иностранное ведомство со стороны Тиргартена я встретил доктора Давида, который тогда был главой нашей дипломатии¹⁸⁵. Я изложил ему свою проблему: требование Латвии о защите, варианты расселения, вопрос о займе. В ходе этого мы прогуливались в Тиргартене. А там обстановка была не очень-то мирная. Из здания рейхстага стрекотали пулеметы, причем в опасной близости от нас. Кроме нас двоих не видно было ни одного человека. Нам обоим, по всей видимости, все это было очень неприятно, однако никто не хотел быть первым, кто обратит внимание другого на эту опасность. Поэтому мы продолжали свою прогулку. Однако, когда в дерево всего в нескольких шагах от нас с треском ударил выстрел, мы молча повернули в город и были рады, когда вышли на Виктория-штрассе. Мы вместе разыскали министра иностранных дел фон Брокдорфа-Ранцау¹⁸⁶, жившего неподалеку, и я изложил свои просьбы и ему,

¹⁸⁵ Точнее, отвечал за иностранные дела среди членов Совета народных уполномоченных, в то время как продолжало работать и прежнее внешнеполитическое ведомство.

¹⁸⁶ **Ульрих граф фон Брокдорф-Ранцау** (нем. Ulrich von Brockdorff-Rantzau; 1869–1928) был одним из виднейших германских дипломатов первой четверти

а он дал мне понять, что переговоры о предоставлении займа могут быть продолжены. Он же будет содействовать рассмотрению и решению этого вопроса в Совете народных уполномоченных.

Между тем в Берлине постепенно стало спокойнее. В эти дни из Киля прибыл и Носке, которого я как-то днем встретил в заведении у Фридрихсена¹⁸⁷. Беспорядки в Берлине замедлили отправку подкреплений нашим войскам, ведь предназначенную изначально для нас дивизию, развертываемую на западе Берлина, были вынуждены привлечь к восстановлению порядка в столице страны. Но с этим ничего было поделать нельзя: Берлин был важнее Риги. Вскоре правительство вновь смогло приступить к работе в полном объеме, а у меня появилась возможность доложить народным

XX в. Родовитый аристократ сделал классическую карьеру, получив образование юриста, отслужив в гвардии и перейдя на службу в иностранное ведомство. Занимал посты в Брюсселе, Петербурге, Вене, Будапеште. В 1912–1918 гг. занимал весьма важную в годы Великой войны должность посла в Дании, где способствовал революционизированию России, а затем возглавил германское внешнеполитическое ведомство (*нем.* Auswärtiges Amt). В июне 1919 г. вместе со всем кабинетом Шейдемана вышел в отставку, протестуя против условий Версальского мира. В ноябре 1922 г., будучи сторонником тесных связей с Советской Россией, «красный граф» стал первым послом Веймарской республики в Москве. Хотя Брокдорф-Ранцау не одобрял тайного военного сотрудничества рейхсвера с РККА, он немало способствовал общему укреплению советско-германских связей, чем занимался вплоть до своей внезапной смерти в 1928 г.

¹⁸⁷ **Густава Носке** (*нем.* Gustav Noske; 1868–1946) можно считать образцом, на который равнялся в своей деятельности в революционные месяцы А. Винниг. Носке также сделал карьеру в профсоюзе и СДПГ, где стал одним из лидеров правого крыла и видным публицистом. Еще до войны Носке демонстрировал стремление к поддержке усилий по укреплению обороны страны, а после 1914 г. стал убежденным сторонником политики «гражданского мира». В начале ноября 1918 г. по поручению рейхсканцлера Макса Баденского Носке сумел восстановить относительный порядок в эпицентре германской революции — в Киле. После правительственного кризиса в конце декабря 1918 г. Носке вступил в правительство СНУ в качестве уполномоченного по делам армии и флота. Именно он, согласившись быть «кровавой собакой», санкционировал предельно жесткое подавление мятежей ультралевых. На своем посту первого социал-демократического военного министра Носке оставался вплоть до подавления Капповского путча, после которого ушел в отставку, будучи обвинен в потворстве контрреволюции. Затем Носке долгие годы был обер-президентом провинции Ганновер, откуда был смещен только после прихода к власти нацистов и не без компромиссов с Герингом. После событий 20 июля 1944 г. Носке был арестован и отправлен в концлагерь, так как заговорщики надеялись на его участие в будущем правительстве. Ему удалось пережить семь месяцев заключения. На русском языке еще в начале 1920-х гг. были опубликованы его мемуары «От Киля до Каппа».

уполномоченным об обстановке. В обоснование моих запросов мне пришлось особо подчеркнуть ту опасность, которую представляет собой продвижение большевиков к границам рейха. Германское правительство могло лишь поддержать предлагаемые мною мероприятия, которые оно полагало мерами по защите границы на востоке. Освобождение Латвии, ее политическая переориентация в нашу пользу при этом были лишь побочными целями, которые естественным образом вытекали из необходимости прочного и последовательного обеспечения безопасности на востоке.

Переговоры в «Кассе займов Восток» прояснили вопрос о выделении Латвии займа настолько, что я теперь мог вполне уверенно обсуждать это с латышскими министрами. Вербовка постепенно стала налаживаться, можно было ожидать, что вскоре начнут прибывать столь необходимые подкрепления. Хотя из-за беспорядков я вынужден был потратить на эту поездку 10 дней¹⁸⁸, все же мы весьма существенно продвинулись вперед.

Незадолго до моего отъезда драма путча спартакистов завершилась сенсационным финалом — Розу Люксембург и Карла Либкнехта, одного за другой, настигла быстрая насильственная смерть.

Долгое время обстоятельства того, как их обоих лишили жизни, оставались покрыты тайной. Те, кто при этом присутствовал, молчали, вполне обоснованно опасаясь мести коммунистов. Если они позднее, уже стариками, не приоткроют своими признаниями эту завесу, правду о том, как погибли эти двое, не узнают никогда¹⁸⁹. Только теперь, спустя два года после того, как за

¹⁸⁸ Весьма вероятно, что Винниг намеренно задержался в Берлине, выжидая развития событий и желая убедиться в разгроме ультралевых, а возможно, и дожидаться установления более правого правительства, а то и военной диктатуры.

¹⁸⁹ 15 января 1919 г., после убийства, солдаты фрайкора под командованием офицера Генштаба В. Пабста сбросили трупы Либкнехта и Люксембург в Ландвер-канал, где их нашли только 31 мая 1919 г. Пабст не только обнаружил обоих лидеров КПГ в укрытии, но и допросил, после чего они были казнены по его приказу без суда. Насколько при этом Пабст действовал с согласия Носке и Эберта, то есть их бывших однопартийцев, или же он рассчитывал (и получил) на их убийство одобрение впоследствии, долгое время оставалось неизвестным. Сам Пабст дал комментарии по этому поводу лишь в 1960-1970-х гг. Непосредственные исполнители убийства были судимы и оправданы (кроме одного солдата), а некоторым из них при содействии будущего шефа абвера В. Канариса удалось бежать из Германии. Пабст привлекался только как свидетель, а впоследствии добивался признания казни лидеров спартакистов лишь исполнением приговора военного трибунала.

ними закрылись врата смерти, постепенно растет на их могилах трава забвения о настроениях тех дней, когда была достигнута кульминация в революционной деятельности обоих. И все же в те январские дни 1919 г. за пределами круга из преданных сторонников тяжело было найти человека, который не испытывал бы самого яростного возмущения их деятельностью. Во время шествий и демонстраций верных правительству социал-демократов, в которых несколько раз принимал участие и я, на Люксембург и Либкнехта сыпался град проклятий, а в той обстановке лихорадочного возбуждения, что царила в Берлине, известие об их гибели не вызвало ни слова сочувствия¹⁹⁰.

Роза Люксембург и Карл Либкнехт еще долгое время в глазах одних были окружены героическим ореолом и славой павших мученической смертью, чья гибель стала преступлением против человечества¹⁹¹, в то время как другим они казались врагами всего гуманного, устранение которых было долгом и заслугой. Об исторической правде не заботятся ни те, ни другие. В таком конце следует видеть лишь логическое завершение жизни обоих, следствие их неукротимой тяги к действиям из-за ошибочного толкования знамений времени, которое и толкнуло их на путь, где их ждала неудача. Способ, каким они погибли, суть дело второстепенное, а их смерть, так или иначе, была исторической необходимостью. Либкнехт, очевидно, никогда не давал себе труда задуматься, а есть ли требуемая для избранного им пути сила в социальных импульсах этого времени. Однако он и не был в состоянии сделать соответствующий расчет. Слова Маркса, что революции нуждаются и в пассивном элементе, в материальной основе, едва ли были ему известны, или же если он их и прочитал, то не понял. Его натура заключалась в стремлении к деструктивным действиям, причем совершенно демонического накала, не терпящим никаких препятствий, если Либкнехт вообще хоть когда-либо таковые замечал. Роза же Люксембург была человеком совсем иного плана. Она обладала безусловным превосходством

¹⁹⁰ Винниг явно выдает желаемое за действительное. Среди не только коммунистов, но и «независимцев» расправа над бывшими видными лидерами СДПГ с согласия революционного правительства вызвала сожаление и возмущение, а деятелей КПГ подтолкнула к дальнейшей радикализации и подготовке к более решительным вооруженным акциям.

¹⁹¹ В частности, большевистские правительства в Риге и Москве провели серию карательных акций и брали заложников из «буржуазии» в связи с казнью Р. Люксембург и К. Либкнехта.

над Либкнехтом и вполне ощущала это, однако ранее с усмешкой отвергала всякие попытки заставить ее нести за него ответственность. Она объединяла в себе удивительную широту исторических познаний и кристально ясные теоретические воззрения. В беседах с ней я часто поражался и тому и другому, как и любой другой, кто знал ее с этой стороны. Тот факт, что Роза Люксембург в конце концов потерпела крах именно из-за исторических реалий, я могу объяснить лишь тем, что она позволила себя сбить той самой уверенностью в собственных теоретических выкладках, недооценивая или игнорируя определенные социальные явления, которые дали о себе знать лишь после формирования основ марксизма, а в полной мере и убедительно включить их в марксистскую систему так и не удалось¹⁹². К подобным явлениям я отношу в особенности социальный подъем рабочего класса в рамках капиталистической системы. Именно он отбирает от естественных революционных импульсов рабочего движения тем больше силы, чем дольше это возвышение продолжается, а потому появляется возможность эволюционных воззрений, отвергаемых революцией. Этот факт был ей известен, однако она полагала, что это вполне можно исправить с помощью революционной пропаганды. Подобной попытке она всю себя и посвятила. В ходе многочисленных собраний раздражался блистательный фейерверк ее красноречия и убедительности, с которыми сложно было тягаться, а уж тем более превзойти, а потому всякий раз масса слушателей награждала ее оглушительными овациями. На конгрессах ей еще случалось терпеть неудачи, но на митингах никогда. Это должно было привести ее к впечатлению, что, собственно, мысль о революции чужда только этим обуржуазившимся вождям и они будут убивать ее и в массах, если не положить конец их влиянию. Именно поэтому она стала смертельным врагом рабочей бюрократии; всеми фибрами души она ненавидела партийных секретарей и профсоюзных служащих. Профсоюзы она называла «мягкой кучей мусора», на которой уютно развалили свои «любящие комфорт телеса» чиновники из профсоюзной администрации. На партийную бюрократию она обрушивалась со всем презрением свободного вселенского духа к кучке холуев. «Ты равен духу, коего постиг! — Не мне!»¹⁹³ — кри-

¹⁹² Винниг явно выступает с позиций лидера правого крыла СДПГ Э. Бернштейна, заклеянных в советской версии марксизма как «ревизионистские».

¹⁹³ Цитата из «Фауста».

чала она в 1913 г. в Йене Шейдеману. В истории ее жизни и смерти можно усмотреть борьбу одухотворенной воли с инерцией силы притяжения социальной реальности. В последние недели жизни она, должно быть, осознала тщетность своих усилий. Когда провалились революционные акции в ноябре—декабре 1918 г., она просто обязана была понять, что бо́льшая часть германских рабочих видят свое спасение не в революционном разрушении господствующей экономической системы, а ожидают как можно более быстрого ее восстановления. Однако она отвергла подобные выводы. Ей не хотелось тех боев в январе, ведь она понимала их бесперспективность. То была работа Либкнехта и самодовольного фронта Ледебура¹⁹⁴. Однако, когда они потрясли Берлин, она не смогла оставаться в надежном укрытии, а смело пошла в борьбу, в которой она, страстная мятежница, и встретила бесславную смерть. И все это были напрасные усилия, а я лично всегда отказывался оправдать как эту женщину, так и ее действия, и в целом, и в частности.

На обратном пути в Прибалтику я сделал краткую остановку в Кёнигсберге, чтобы узнать, какое воздействие оказала моя речь в солдатском совете в вопросе о пропуске военных эшелонов. Но я застал куда менее благоприятную ситуацию, нежели ожидал. Солдатский совет особенным влиянием не пользовался. Он был попросту дискуссионным клубом. Власть же была в руках командования «Народной и морской дивизии», отряда матросов численностью около 1000 человек, который хозяйничал в замке и в других общественных зданиях и никакого начальства над собой не признавал. По чистой случайности, как раз когда я навел справки в профсоюзном правлении, явилась делегация от местного унтер-офицерского союза, которая, услышав, кто я такой, попросила остаться в Кёнигсберге и выдворить оттуда матросскую шайку. Но так как это был не мой пост, мне пришлось отпустить делегацию, не удовлетворив ее пожелание. В ходе визита к тогда-

¹⁹⁴ **Георг Ледебур** (нем. Georg Ledebour; 1850–1947) к моменту Ноябрьской революции был одним из старейших социал-демократов, а также лидером НСДПГ, где возглавлял левое крыло. В Ноябрьской революции стал одним из главных деятелей советского движения. В дни Январского восстания в Берлине возглавил Революционный комитет действия, однако на решительные шаги так и не пошел. Впрочем, и тюремного срока ему удалось избежать, в 1920–1924 гг. был депутатом рейхстага. После развала НСДПГ долго пытался вернуть себе влияние, а в 1933 г. эмигрировал в Швейцарию.

шнему обер-президенту¹⁹⁵ я услышал те же жалобы. Он сказал мне, что просил у центрального правительства помощи против матросов и что последнее вполне может меня специально уполномочить навести порядок в Кёнигсберге и во всей провинции. Я же всю эту ситуацию рассматривал с точки зрения моих прибалтийских проблем, и так как для этого был необходим в первую очередь надежный путь снабжения, коим Восточная Пруссия на тот момент не являлась, я обещал, что вполне смогу приехать в Кёнигсберг на две-три недели, чтобы разобраться в местных проблемах. Затем я отправился в Курляндию.

¹⁹⁵ **Адольф Торгилович фон Батоцки-Фрибе** был обер-президентом Восточной Пруссии в 1914–1916 и в 1918–1919 гг., где пользовался немалым уважением за свои заслуги в деле восстановления провинции после русского вторжения в 1914 г. Вполне успешно сотрудничал с Виннигом, помогая ему искоренить сильное влияние ультралевых в этой провинции, и вышел в отставку в июне 1919 г. в знак протеста против Версальского мира. Был одним из авторов проекта отделения от Германии ряда восточных провинций и образования «Восточного государства», которое бы не признало новую границу с Польшей. Продолжал играть немалую роль в политике вплоть до прихода нацистов к власти.

XVII. Последние дни в Курляндии

Между тем позиции наших войск под Митавой было уже не удержать. Большевики через Ригу переправились на другой берег Двины и продвигались от Торенсберга к Митаве. Пониже Риги они закрепились в районе Туккума. Действовавшие под Бауском части Красной Армии также оттеснили небольшие силы Железной дивизии. Вследствие этого позиции, которые уже невозможно было удержать, оставили, в связи с чем пришлось сдать и Митаву¹⁹⁶. Вместе с военными инстанциями в Либаву выехала и дипломатическая миссия. Войска укреплялись на рубеже реки Виндава, где они пытались возместить недостаток численности большей подвижностью в действиях.

Отправилось в Либаву и латышское правительство. Когда я прибыл туда, то застал изменившуюся обстановку. Латышский кабинет за время моего отсутствия много раз занимался вопросами, связанными с обеспечением военной защиты. Обстановка явно давила на правительство. Имевшиеся в его распоряжении боеспособные части настолько уступали большевикам числом, что ежедневно приходилось считаться с возможностью, что придется оставить и Либаву. Для этой цели уже предприняли необходимые меры, а большой пароход стоял в готовности отплыть. Однако сдача Либавы означала бы для латышского правительства потерю остатков государственной территории. Тогда кабинету, если он не будет расформирован, пришлось бы отправиться в другую страну, чтобы продолжать работу в Тильзите. И это правительству было, разумеется, понятно. Таким образом, теперь, когда от этого зависело будущее Латвии, следовало обеспечить — и как можно скорее — необходимую военную силу. Мы имели в виду возможность оказания такой помощи, а правительство было вполне готово ее принять, однако оно противилось условиям, которые мы выдвигали. Это было отчаянное положение: с одной стороны, угроза от Красной Ар-

¹⁹⁶ РККА вступила в Митаву 9 января 1919 г., то есть всего через шесть дней после взятия Риги.

мии, а с другой — экономические и политические обязательства перед Германией, что и приводило к постоянным и упорным обсуждениям на заседаниях. Искали выхода. Казалось, что он заключается в возможности получить военную помощь от Швеции¹⁹⁷.

В Либаву прибыл молодой шведский полковник и вступил в контакт как с правительством, так и с нашими германскими инстанциями. По его данным, в Швеции уже готовы к отплытию 800 получивших оснащение добровольцев. Более того, вполне возможно в короткое время наберечь для Курляндии около 5 тысяч шведских бойцов, если латышское правительство предоставит аванс в несколько миллионов марок. Правительству стоило больших усилий раздобыть хотя бы первый из требуемых миллионов. Более было невозможно. Господин Уллманн собрал чемодан и отправился в турне. Когда я вернулся, то главу правительства уже не застал. Остальные латышские министры относительно цели его поездки давали неясные или противоречивые ответы. По их данным, Уллманн предполагал вести переговоры в Стокгольме и Копенгагене, возможно — и в Лондоне, о признании Латвии. Однако в истинной цели уллманновских визитов я не сомневался ни минуты. Он мог вести переговоры только об иных источниках получения денег и оружия, чтобы уклониться от выполнения условий, связанных с получением военной помощи от Германии. Однако проходил день за днем, господин Уллманн все не возвращался, а приходившие от него новости не особенно воодушевляли. Вскоре остальные министры стали меня просить о выделении более крупного займа. Когда же я сообщил господину Вальтеру, что с моей стороны никаких препятствий для переговоров об условиях предоставления кредита нет, а также дал понять, что обладаю на этот счет определенными полномочиями, он от дела уклонился и заявил, что с займом пока следует подождать, хотя это крупный и очень важный для будущего Латвии вопрос.

¹⁹⁷ Хотя Швеция сохраняла в Первой мировой войне нейтралитет, она стремилась играть важную роль во всем Балтийском регионе. Многие шведские офицеры воевали добровольцами в германской армии, не меньшее количество приняло участие в Гражданской войне в Финляндии, а затем в войне против большевиков в Эстонии и Латвии. Официально же шведские армия и флот провели только высадку на Аландских островах в феврале 1918 г., которые они вскоре вынуждены были под нажимом Германии оставить. См., подр.: *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.

Германия же, по его словам, пока что может заявить о своей готовности выделить латышскому правительству в знак симпатии кредит в 10-12 миллионов под личные гарантии.

Я не мог столь же охотно пойти на подобные требования, как и в деле о предоставлении займа. Мне следовало рассчитывать, что латыши будут делать все, лишь бы использовать нас как наемников, а затем, когда пора самой большой и неотложной нужды будет уже позади, тут же оставят нас с носом, чтобы отдаться в руки другой державы. Я вовсе не желал прикладывать к этому руку, а потому переговоры о таком кредите вел спустя рукава. Я не стал предлагать его выделить латышам тут же, а заявил, что подобное требование создает совершенно иное положение, а потому этот вопрос следует сначала изучить.

Теперь уже и Национальный комитет балтийских немцев посчитал правильным прийти на помощь правительству. Те его члены, что находились в Либаве, прежде всего умный и спокойный господин фон Самсон, заявили о готовности выделить со своей стороны необходимый для получения шведской помощи первый миллион, предоставив его кабинету в качестве ссуды. Я полагал такое намерение балтийских немцев правильным, так же как верным считал и то, что они выставили всех боеспособных мужчин, чтобы те сражались с оружием в руках за независимость Латвии¹⁹⁸. Вероятно, и я, и балтийские немцы заблуждались, предполагая, что такая предложенная без всяких условий помощь приведет к определенному улучшению отношения к ним латышей. В данном случае мы оказались даже слишком немцами, ведь строили свою политику на моральных основаниях. Так как и балтийские немцы, даже зажиточные, в той ситуации порой не обладали необходимыми наличными средствами, я помог Национальному комитету собрать требуемый миллион¹⁹⁹. Были ли этот миллион передан шведам, я не знаю — в любом случае,

¹⁹⁸ Разумеется, сражались балтийские немцы не за независимость Латвии, а против большевиков, о которых — после расправ в январе—феврале 1918 г. — ходили самые страшные слухи. Сказывался и опыт пробных депортаций балтийских немцев в январе—феврале 1918 г., когда под контролем большевиков находились Эстляндия и большая часть Лифляндии.

¹⁹⁹ Таким образом, эта «предложенная без всяких условий» помощь была плохо скрытым актом финансовой экспансии Германии, что давало латышам определенные основания видеть в балтийских немцах лишь проводников германской политики. Подобное мнение сильно преувеличено, однако аргументов в его пользу достаточно.

кроме этого шведского полковника, более ни одного шведского солдата в Курляндии не появилось²⁰⁰.

Помимо открытых в Германии вербовочных бюро делом поиска добровольцев для Курляндии занимались и другие инстанции. Однажды я был обрадован сообщением, что на следующий день из рейха придут 600 добровольцев. Военные инстанции просили меня поприветствовать их и рассказать об их задаче с политической точки зрения. И вот наступил другой день, и в первые часы пополудни добровольцы во главе с военным оркестром прошли маршем по улицам Либавы к приготовленной для них казарме. Это были люди без оружия и оснащения, в военной форме различных частей. На следующее утро я отправился к ним в казармы. Уже первые впечатления показали мне, что эти добровольцы не совсем те люди, в которых мы здесь нуждаемся. В группе, стоявшей во дворе, я заметил многих солдат без кокард. Я спросил их, почему они сорвали кокарды. Ответов мне вполне хватило, чтобы составить представление о настроениях этих людей. В казарме я приказал созвать солдат и спросил некоторых из них, что им было сказано при вербовке относительно их задач в Курляндии. Эти люди прямо-таки не знали, что и ответить, и упомянули лишь, что им обещали 10 марок жалованья в день и хорошее довольствие. Среди добровольцев я заметил и седовласых солдат, которым уже было за 50, а также и тех, кто был даже на вид явно не годен к военной службе. То были безработные, привлеченные подобными обещаниями и затем отправленные к нам. В такой ситуации я посчитал вполне уместным тут же заявить этим людям, что они прибыли в Курляндию на основании неверных сведений, ведь здесь речь идет не о заработках и не о довольствии, а о самой настоящей войне. Кто готов сражаться с Красной Армией, может остаться здесь, остальные будут сегодня же отправлены обратно в Германию. Когда я потребовал от добровольцев, чтобы те, кто будет сражаться на фронте, собрались у одной из стен, вышли всего 20 человек. Примечательно, что среди них был и старый седой господин лет 55.

²⁰⁰ Они появились в Эстонии и северной Латвии, где германского командования не было, ведь Швеция избегала лишний раз оказаться плечом к плечу с Германией, опасаясь санкций победившей Антанты за прежнее сотрудничество.

Однако уже через несколько дней прибыла и первая реальная помощь ведущим тяжелые оборонительные бои войскам, а именно фрайкор Пфедфера²⁰¹.

Совершенно не обращая внимания на всю сложность политической обстановки, выходявшая в Либаве правительственная латышская газета продолжала самые безудержные нападки на Германию. И вновь я поставил вопрос об этом перед несколькими членами кабинета и заявил им, что в подобной атмосфере ненависти и недоверия работать далее в прежнем ключе мне уже невозможно. Однако и опять господин Вальтер со товарищи пожали плечами и заверили в своей в том невинности и бессилии что-либо исправить. Тогда я решился на несколько необычный шаг. Я пригласил жителей Либавы в зал одного из курортных заведений на публичную лекцию «Германия и Латвия», выступать собирался лично. Я намерен был в ответ на клевету и травлю в латышской прессе и при двусмысленном молчании латышского правительства хоть раз публично изложить то, что здесь было предпринято после переворота для поддержки и защиты латышской государственности и к каким целям стремится германская политика. Разумеется, ситуация, при которой посланник в стране, при правительстве которой он аккредитован, публично выступает с политическим докладом, была необычной. Однако это происходило в далеко не самую заурядную эпоху, чьей важнейшей чертой была публичность ведения политики, и сами условия, в которых мы работали, были далеки от нормальных. Латышское государство существовало лишь на бумаге. Латышское правительство вообще может управлять территорией своей страны лишь потому, что делает это под нашей защитой и на наши деньги. В Либаве все происходило так же, как и в Риге: городское население снабжалось из германских запасов, и, несмотря на такую политику, из латышской прессы

²⁰¹ **Франц Пфедфер фон Заломон** (нем. Franz Pfeffer von Salomon, 1888–1968) тогда был капитаном Генштаба и командиром батальона. Сформировав фрайкор «Вестфален», он прибыл в Прибалтику, где быстро выдвинулся своей решительностью и жестокостью, а затем участвовал в боях в Силезии, в Капповском путче, в боях в Руре с местной Красной Армией. Вступил в 1925 г. в НСДАП, возглавил СА, однако уже в начале 1930-х гг. его пути с Гитлером разошлись. Преемником Пфедфера стал вернувшийся из Боливии Э. Рём, а сам ветеран фрайкоров при Третьем рейхе был депутатом рейхстага. Из-за близости к Гессу был исключен из НСДАП в 1941 г., а в 1944 г. даже ненадолго арестован по подозрению в связях с путчистами 20 июля 1944 г. Денацификации успешно избежал.

ничего, кроме упреков и оскорблений, не слышно, а латышское правительство, которые слишком хорошо знает, чем оно нам обязано, не проронило ни слова, чтобы разъяснить ситуацию и умерить страсти. И все же чрезвычайность моего поступка вызвала немалый интерес. Доклад проходил под защитой Либавского солдатского совета, председатель которого открыл собрание и руководил его работой. Если бы я здесь пустился в подробности содержания выступления, это означало бы повторение очень многого из уже сказанного выше. Поэтому я хотел бы свести все к основной мысли: Германия и Латвия, так же как и Германия и Литва, обречены друг на друга. Мы — вне зависимости от того, удастся ли этим странам сохранить свою независимость, или же они достанутся России обратно, — связаны многосторонними общими интересами, которые просто обязывают нас проявить волю к взаимопониманию. Однако прежде всего ясности в отношениях требует чрезвычайно тяжелая нынешняя ситуация. Выступления, что последовали вслед за докладом, были ценны тем, что слово брали как балтийские немцы с ярко выраженными консервативными воззрениями, так и латышские социалисты, и германские солдаты — все они завершали речь требованием сплотиться.

Этот доклад стал последней моей политической акцией в Курляндии. По завершении собрания я поехал в порт и там на шлюпке добрался на борт корабля, на котором отправился в Кёнигсберг. 23 января телеграммой из внешнеполитического ведомства я был назначен имперским комиссаром по Восточной и Западной Пруссии и оккупированным бывшим русским территориям, а вечером 25 января я прибыл в Кёнигсберг. Отправляясь в эту поездку, я пребывал в убеждении, что речь идет максимум о двух-трехнедельном перерыве в моей деятельности в Прибалтике, а я смогу вскоре вновь покинуть Восточную Пруссию²⁰². Однако случилось совсем иначе.

²⁰² Поскольку такое назначение для А. Виннига было явным повышением и, кроме того, на границах Западной Пруссии и в Позене уже полным ходом шла война фрайкоров с польскими инсургентами, данное мнение представляется надуманным. Скорее всего, автор попросту подстраховался на случай триумфа большевиков в Латвии и уехал подальше от Прибалтики. Тем более что куда более острой угрозой германским национальным интересам были события на территории нынешней Польши, связанные с оформлением будущего «польского коридора».

XVIII. На исходе германской политики на Востоке

События в Восточной Пруссии тут же потребовали всего моего внимания. Поначалу у меня еще оставалось время, чтобы следить за ситуацией в Курляндии по телеграфным отчетам моего представительства и своими указаниями как-то воздействовать на нее. Однако постепенно акценты в судьбе германского востока²⁰³ сместились таким образом, что у меня осталось совсем немного времени, чтобы помимо них заниматься и происходящим в Прибалтике. Вместо ежедневных формальных указаний я должен был отправляться на совещания. В особых случаях ко мне являлся Буркхард, и мы их обсуждали.

Предметом больших моих тревог стала судьба оставленного в Риге представительства. Никаких известий от него мы не получали. Только по отдаленным слухам узнали, что представительство было изгнано из своей резиденции, а некоторых его сотрудников большевики арестовали. По обычаю азиатских кочевников большевики унесли с собой и все государственное имущество. Вместе с ними в Ригу прибыли и некоторые германские дезертиры и перебежчики²⁰⁴, основав там «германское посольство» и завладев документами, инвентарем и деньгами нашей миссии, которыми они затем и распорядились по известному большевистскому образцу. Вскоре арестованные были освобождены, однако более о них никак не заботились, а под арестом остался только руководитель представительства доктор фон Шойбнер-Рихтер²⁰⁵.

²⁰³ То есть провинций Силезия, Позен, Западная Пруссия и Восточная Пруссия.

²⁰⁴ Убедившись в том, что «революционного союза» с новым правительством Германии, то есть руководимым Эбертом Советом народных уполномоченных, не получается, а также столкнувшись с нежеланием берлинских властей восстанавливать разорванные в последние дни Кайзеррейха 4-5 ноября дипломатические отношения, большевики попытались с помощью интернационалистов сформировать параллельные дипломатические представительства, рассчитывая, что в Германии вскоре победят спартакисты. Были захвачены консульства в Петрограде и Москве и т. д. и т. п.

²⁰⁵ Что и позволило ему вскоре стать связным между А. Виннигом и П. Стучкой при попытках переговоров в апреле-мае 1919 г.

Я сообщил об этих фактах в иностранное ведомство, которое со своей стороны предприняло меры, чтобы добиться освобождения этих людей. Однако господин Чичерин все нагло отрицал. Германские друзья большевиков тут же разразились негодованием по поводу моей лжи. Я, само собой, не позволил себя смутить, и после нескольких недель мои подчиненные прибыли в Кёнигсберг. Хуже всего пришлось доктору фон Шойбнер-Рихтеру. 17 января, когда в Риге узнали о смерти Либкнехта, ему заявили, что вечером он будет расстрелян как заложник за эту жертву. Вечером, когда Рихтер уже готовился к смерти, его вывели из камеры и сказали, что казнь переносится на следующее утро. Назавтра, когда Рихтер вновь уже полагал, что вот и пришел его последний час, ему сказали, что еще не вполне определились, будут ли его казнить, однако ему не стоит тешить себя надеждами; ведь его сочли недостаточно значительной фигурой, чтобы отомстить за Либкнехта, так что охотно расправились бы со мной, но я уже уехал. Вот таким образом над человеком измывались два дня, а затем его внезапно освободили, чтобы вскоре после этого вновь столь же неожиданно арестовать. 2 февраля Рихтер вместе с другими членами рижского представительства прибыл в Кёнигсберг.

Схожая судьба была и у барона фон Трютцшлера, который в ходе моей поездки в Берлин оставался германским представителем в Митаве. Его тоже арестовали. Его миновали те издевательства, которым подвергся Рихтер. В феврале вернулся и Трютцшлер.

В это время уже смогли вести военные операции новыми и более крупными силами. За несколькими горстками добровольцев в середине февраля последовал ведомый капитаном фон Плеве полк, а вскоре вербовочные бюро в Германии обеспечили столь мощную силу, что Курляндия была освобождена в относительно короткое время²⁰⁶.

Квалифицированное описание хода военных операций было дано их руководителем генералом Рюдигером фон дер Гольцем²⁰⁷.

²⁰⁶ Активные наступательные операции германских войск, фрайкоров и ландесвера начались в конце февраля, а уже 18 марта 1919 г. была взята Митава. К началу апреля фронт стабилизировался, Курляндия была под контролем антибольшевистской коалиции. См.: Бои в Прибалтике. 1919 год / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2017. С. 84–106.

²⁰⁷ См.: Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 132–285. Мемуары фон дер Гольца даже на фоне традиционного стиля германских военных воспоминаний отличаются предвзятостью, искажением фактов и попыткой ввести читателя в заблуждение относительно истинных политических целей.

Я вмешался в военные планы лишь один-единственный раз. В апреле работа по эту сторону Двины была уже окончена. Теперь притягивала к себе или, скорее, умоляла на другом берегу Рига. Большевики творили в Риге чудовищные вещи. Насколько я знаю, так и не было точно установлено, каково количество убитых ими. Мне называли фантастические цифры в 4 и даже 6 тысяч человек, причем только в самом городе. Это, по всей вероятности, преувеличение. Однажды я видел поименный список точно установленных казненных, где было более 900 пунктов. Следует предполагать, что к этому надо бы добавить и еще несколько сотен, и тогда будет довольно близко к истине. В связи с такой обстановкой кажется вполне понятным горячее желание освободить несчастный город. Балтийские немцы постоянно на этом настаивали. Я вполне понимал их мотивы, однако заявил, что против взятия Риги. Я сказал: кто пойдет на Ригу, должен идти и дальше. У кого Рига, тот должен взять и южную Лифляндию, как это показали события в декабре 1918 г. В тогдашних обстоятельствах Лифляндия была единственной продовольственной базой для Риги. А о подобном расширении сферы германских операций я и слышать не хотел. Ведь это уже нельзя было бы прикрыть понятием о «защите границы», а лишь под этим объяснением я мог обеспечить операции определенное на нее согласие²⁰⁸. Были у меня и опасения, что из такой операции, размахнувшейся аж до Пскова, может возникнуть стремление чуть ли не мир спасти, ринувшись дальше на восток, а это привело бы к авантюре²⁰⁹. Я мог также с неприятным предчувствием задумываться (и намерен об этом заявить, хотя это может выглядеть как пророчество *post factum*) и о новом соприкосновении с эстонцами²¹⁰. В своем

Второе их издание (1936 г., не переводилось на русский язык) обладает этими особенностями в еще большей степени.

²⁰⁸ В первую очередь — Антанты, однако также и правительства Германии. Сложный клубок интриг и последовательных действий вокруг взятия и контроля над Ригой в апреле—июле 1919 г. был значительно сложнее, чем хочет в том признаться А. Винниг. Исчерпывающего исследования столкновения великих держав в Латвии в середине 1919 г. нет до сих пор, хотя ряд работ раскрывают важнейшие аспекты. См., например: *Hovi K. Interessensphären in Baltikum, Finnland im Rahmen Ostpolitik Polens, 1919–1922.* Helsinki, 1984; Бои в Прибалтике. С. 137–230.

²⁰⁹ Именно так и случилось, ведь подобную точку зрения отстаивал сначала Р. фон дер Гольц, а после него и с его поддержкой — П. Р. Бермондт-Авалов.

²¹⁰ В ходе наступления фрайкоров в южной Лифляндии в июне 1919 г. на сторону воевавших против немцев латышей встали снабжаемые англичанами

неприятии повторного взятия Риги я встретил полное понимание Верховного командования «Север»; Сект тоже был против по военно-тактическим соображениям²¹¹. Балтийские немцы затем все же добились своей цели. Ригу взяли и неумолимо стремились дальше. Продвинулись до Ронненбурга и Лемзалья, а потом, разбитые эстонцами, отошли назад.

Я не намерен давать здесь оценку этим событиям, ведь я при этом не присутствовал, а потому мне осталось сказать относительно Прибалтики лишь совсем немного. Следует также разъяснить, как могло случиться так, что все германские усилия в Латвии остались столь безуспешны. В начале февраля Уллманн вернулся из своей поездки, причем на обратном пути проехал через Берлин. Он приказал сообщить миссии, что охотно провел бы переговоры с германским иностранным ведомством. Тут же началась подготовка к этому. Один ассессор отправился из Либавы в Берлин, чтобы там присутствовать при прибытии Уллманна и быть в его распоряжении. Однако прибытие Уллманна откладывалось. Чиновник напрасно прождал несколько дней. И вот однажды Уллманн невозмутимо прибыл в Либаву. Мне сообщили, что он горько жаловался на оказанный ему в Берлине прием. Он отправился в иностранное ведомство и там сообщил о себе. Однако его никто не принял²¹². Три часа он напрасно просидел в приемной и затем, разочарованный и огорченный, вынужден был уйти. Это был серьезный промах, и я о нем весьма сожалел. У ассессора была задача — от моего имени просить Уллманна прибыть в Кёнигсберг. Однако эти двое так и не встретились, а потому Уллманн проехал через Кёнигсберг, так меня и не повидав. Ассессор проявил преступную халатность, более на свою должность он не вернулся, что никак не могло компенсировать

эстонские дивизии, что привело к тяжелому поражению фрайкоров и ландсвера под Венденом, отступлению и, в конечном счете, отходу из Риги по условиям перемирия в начале июля 1919 г. Одной из главных причин неудачи были недостаток сил и сильная недооценка воли эстонского командования к поддержке войск свергнутого правительства Ульманиса.

²¹¹ В ходе реорганизации германских войск и фрайкоров и в связи с боями против поляков и большевиков все германские части от Риги до Померании подчинялись Верховному командованию «Север», которым при номинальном командующем генерале фон Квасте фактически руководил будущий создатель рейхсвера генерал-майор Г. фон Сект.

²¹² Разумеется, тут надо было бы задать ряд вопросов и тогдашнему министру иностранных дел графу Брокдорфу-Ранцау и его ключевым сотрудникам.

прискорбный инцидент. Господа из моего либавского представительства даже сомневались, что рассказ Уллманна правдив. Но для таких сомнений я не могу найти веских оснований.

Но куда тяжелее, чем этот промах, последствия которого, в конце концов, можно было бы вполне загладить, давило на нас иное обстоятельство, а именно катастрофическое обесценивание марки²¹³.

Еще в последние дни моего пребывания в Либаве господин Вальтер, когда мы, забывшись, вновь взяли в разговоре прежний доверительный тон, сказал мне, что падение курса марки затрудняет кабинету принятие решения. «Вы же вполне можете понять, — говорил мне тогда, — что мы, если уж когда-нибудь и должны будем брать за рубежом кредиты, охотнее всего взяли бы их в лучшей валюте, на которую сможем купить больше всего. Вам достаточно просто взглянуть на биржевые курсы и сравнить их с франком и фунтом, чтобы понять, как тяжел для нас этот вопрос».

Я придавал этому факту решающее значение²¹⁴. Раньше, еще до войны, было бы едва ли необходимо подчеркивать значение этого хотя бы словом. Ведь прежде вся мыслящая политически Германия, за исключением нескольких политиканствующих фельетонистов, очень хорошо знала, что дипломатия, парламент и пресса являются лишь хорошим или дурным сопровождением тех базовых аккордов, которые определяют жизненно важные для народов вопросы. Сегодня это иначе. Достаточно лишь представить себе, какое значение для сегодняшней политической повестки дня имеет так называемый вопрос о виновности²¹⁵, чтобы осознать

²¹³ В действительности падение курса марки было ощутимым и в 1919, и в 1920, и в 1921 гг., однако оно не шло ни в какое сравнение с гиперинфляцией 1923 г.

²¹⁴ Довольно удивительно читать подобные оправдания Виннига — человека, в политике искусного. Нет сомнений, что Вальтер, ранее охарактеризованный Виннигом как весьма ловкий демагог, попросту тянул время и торговался. То, что Винниг делает вид, что принял слова Вальтера за чистую монету, может показывать лишь стремление скрыть иные соображения и умолчать о прочих причинах последующих событий — в первую же очередь о попытках Виннига за спиной латвийского правительства стовориться с большевиками. Такую точку зрения только подкрепляет цитируемое далее автором письмо одного из тогдашних публицистов с резкой критикой мнения о важности «курса марки».

²¹⁵ Согласно статье 231 Версальского договора Германия признавалась виновницей развязывания Первой мировой войны, что вызывало в уверенной в ее оборонительном (для немцев) характере германской общественности бурю возмущения.

всю глубину нашего духовного банкротства. Причем более всего бросается в глаза эта нищета, когда люди, которые утверждают, что имеют отношение к духовному наследию Маркса, оказываются заняты выискиванием материалов из придворной хроники для решения этого вопроса «о вине»²¹⁶. На том же уровне находятся и попытки возложить ответственность за неудачи нашей политики в Прибалтике на германские военные инстанции.

Боеспособность германских войск в Прибалтике, если учитывать их свершения, была очень высока. Уровень дисциплины в целом было не сравнить с довоенной германской армией, а также с той, что была в первые годы войны. И это само собой разумеется. Тот, кто намерен бросать подобные упреки, волен это делать, однако тогда он судит предвзято и некомпетентно, ведь он совершенно игнорирует подрывающее моральное состояние воздействие войны и послевоенного времени. По сравнению же с «матросскими революционными ополчениями» в крупных германских городах войска в Прибалтике были куда более крепкими частями.

Командование войск, которое по своим военным достижениям также может выдержать любую критику, так никогда и не смогло разобраться в политической обстановке. Генерал фон дер Гольц, когда он ехал в Курляндию, переговорил со мной, а я использовал эту возможность, чтобы донести до него свою точку зрения. Гольц вспоминал о тех хороших отношениях с местным населением, которые сложились у него и затем поддерживались в ходе миссии в Финляндии²¹⁷. Однако между Финляндией и Латвией была

²¹⁶ Здесь Винниг наносит тяжкое оскорбление **Карлу Каутскому** (нем. Karl Kautsky; 1854–1938), одному из выдающихся лидеров германской социал-демократии и основателю НСДПГ, который в 1919 г. опубликовал собственный сборник документов «Как возникла Мировая война», действуя до некоторой степени по аналогии с большевиками, опубликовавшими, как и обещали, тайные договоры царской дипломатии. Сборник предназначался для воздействия на общественное мнение в связи с условиями Версальского мира, однако запоздал, договор был уже подписан.

²¹⁷ Р. фон дер Гольц был командующим отдельной Балтийской дивизией, высадившейся в начале апреля 1918 г. в Финляндии и составившей основу находившегося в этой стране до декабря 1918 г. контингента германских войск. Хотя генерал несколько приукрашивает действительность и отношения были далеко не идиллические, тем не менее в целом германские войска действительно смогли удачно взаимодействовать с одержавшими победу в гражданской войне финляндскими «белыми», а также сравнительно мирно уживались с обывателями.

существенная разница. В первой из них было необходимо лишь сохранить симпатию у в принципе дружественно настроенного по отношению к Германии народа. А здесь приходилось иметь дело с антинемецкими настроениями у населения, которое еще предстояло переубедить. При этом нужда латышей должна была нам помочь. Однако это было возможно лишь до тех пор, пока латышам нечего было надеяться на получение помощи где-либо еще. Германское же командование слишком мало обращало внимания на эту сложную политическую задачу. Мнение о том, что солдату нечего делать в политике, — дилетантское. Военные действия суть сильнейшая политика²¹⁸. Командующий может быть совсем юнцом в дипломатии или парламентских методах, он может и вовсе не иметь понятия о содержании и целях государственного устройства, но как только он оказывается во главе ведущих боевые действия войск или же на оккупированной ими территории, профессия его, все его действия или упущения приобретают политический эффект и значение. Однако концентрация на военных задачах, как правило, приводит к тому, что на политический эффект своей работы командующий обращает мало внимания. Так было и в Прибалтике. Я часто вспоминаю характерный эпизод, который произошел в Либаве. Я пригласил на совещание с латышским кабинетом министров одного старшего офицера, любезного немолодого господина. Он постоянно брал слово и при этом упорно и огульно считал всех латышей большевиками. Первую же паузу в беседе я использовал, чтобы шепнуть ему, что сидящие напротив нас латыши ни в коем случае не большевики, так что их задевают его слова. «Да это все равно! — воскликнул он. — Латыши и большевики — это одно и то же». Только с помощью улыбки мне удалось попросить латышских министров отнестись к этому помягче. Но и полковник фон Кнобельсдорф заявил: «Меньшевики — большевики — все они “левые”!». Естественно, такая недооценка политических требований только прибавляла сложностей.

Однако было бы совершенно неверно усматривать причину неудачи нашей политики только в поведении командования. Ближайшая цель германских операций в Прибалтике была достигнута. Красная Армия, которая 5 февраля головными своими частями стояла уже под Тельше, в 35 км от границы Восточной

²¹⁸ А. Винниг, как и многие германские публицисты, в данном случае достаточно вольно толкует мысли из трактата «О войне» К. Клаузевица.

Пруссии, была оттеснена, а потому хотя и не провозглашавшееся открыто, но вполне вероятное намерение красных вторгнуться в Германию²¹⁹ было предотвращено. И в этом отношении политика вполне увенчалась успехом. Провалилась имевшая более широкие цели политика по укреплению германского влияния в Латвии. Однако она потерпела крах не потому, что мы — те, кто над нею работал, — оказались глупцами, а в связи с тем, что крах германской экономики лишил нас средств, которыми мы могли приобрести желаемое влияние.

Такова простая и краткая правда.

Но и эта истина проливает вполне достаточно света, чтобы сориентироваться в лабиринте последующих событий.

Все то, что освободило и спасло тогда Латвию, исходило от немцев. Немцы из Германии и балтийские немцы пошли за Латвию в огонь. Неужто это не могло и не должно было вызывать у них мысль, что эта помощь в момент величайшей нужды обязывает кое к чему и латышей? Латыши, однако, никаких обязательств за собой не ощущали. Они предоставили немцам приносить жертвы, а в экономическом и политическом плане искали соприкосновения с лидерами вражеской коалиции. Немцы сражались, истекали кровью и умирали, очищая землю Латвии, а латыши их оплевывали, ругали и обвиняли, как только могли. Когда я сегодня перелистываю документы тех дней, лишь теперь у меня складывается более полное представление о последовавших нетривиальных событиях. Только такой обстановкой можно объяснить государственный переворот руками балтийских немцев 15 апреля 1919 г.²²⁰, который привел к неудачному эксперименту с прогерманским правительством Ниедры²²¹.

²¹⁹ На уровне оперативного планирования в феврале 1919 г. войскам РККА уже ставились задачи ведения разведки боем с переходом германской границы под Мемелем и Тильзитом. Лишь серия контрударов германских фрайкоров на Немане и начало советско-польской войны, а также начало наступления антибольшевистских сил в Курляндии изменили обстановку.

²²⁰ Точнее, 16 апреля 1919 г. Версия событий, высказываемая немецкими мемуаристами, крайне далека от достоверности, да и позиция самого Виннига, безусловно, знавшего куда больше, чем он пытается здесь показать, весьма характерна.

²²¹ **Андриевс Ниедра** (латыш. Andrievs Niedra; 1871–1942), латвийский политик, публицист, пастор лютеранской церкви, в мае—июне 1919 г. занимал должность премьер-министра прогерманского Временного правительства Лат-

Насколько сильно зависела от германской экономической мощи политика в Прибалтике: краеугольным камнем был вопрос о предоставлении займа, который встал передо мной уже в ходе переговоров в Митаве. Конечно, пессимист уже под впечатлением от того, что мне довелось видеть в Берлине, оставил бы всякую надежду. Однако я продолжал надеяться. Везде, где я сталкиваюсь с опасениями и сомнениями в будущем Германии, я выражаю свою веру так, как это делают голштинские крестьяне: «Все равно все это будет как надо»²²². И когда меня спрашивают, во что же я верю, я отвечаю: в немецкого рабочего. Ведь все это нервозные массовые скопления на площадях крупных городов, все это бездельничающее отребье, эти сборища, направленные на то, лишь бы забастовку устроить, — все это не относится к немецким рабочим. Только не рассказывайте мне, какие они. Те немецкие рабочие, что создали профсоюзы и кассы взаимопомощи, основавшие для своих братьев бюро по страхованию от болезни и потребительские союзы, эти истинные носители стремления к прогрессу своего класса, именно эти, настоящие, рабочие во время всего этого шума вели себя словно путники, которых застал дождь. Они раз за разом высывались из-под навеса, чтобы узнать, не кончился ли он и можно ли продолжить путь. Пока продолжалось межвременье, они лишь несколько ошарашенно глядели прямо перед собой. Вот на такого немецкого рабочего я и надеюсь. Когда он придет и продолжит идти своей дорогой, мы быстро поднимем германскую экономику. Но он пока не пришел. Вместо него пришел Маттиас Эрцбергер и сказал, что

вии. Придерживался правоконсервативных позиций. Это было третье правительство, наряду с ульманисовским, разместившимся на пароходе «Саратов» на рейде Либавы, и советским, под руководством П. Стучки. После того как 22 мая 1919 г. войска ландсвера и Железной дивизии заняли Ригу, въехал в латвийскую столицу. После июньского поражения под Венденом от эстонско-латышских формирований, снабженных англичанами вооружением, по условиям перемирия в Штрасденхофе правительство Ниедры прекратило существование, а его бывший глава отправился в Германию. Ниедра вернулся в Латвию в 1924 г., был арестован и обвинен в измене родине. Несмотря на эффектную защиту в суде, взбудоражившую латвийское общество, получил три года заключения. Через два года выслан в Германию, гражданство которой вскоре принял. Занимался публицистикой, вернулся к пасторской деятельности. После оккупации Латвии нацистской Германией в 1941 г. вернулся в Ригу, где и скончался.

²²² Винниг, гордясь своим северогерманским происхождением, цитирует это крестьянское присловье на нижнесаксонском диалекте.

мы должны подписать продиктованный нам мир²²³. А когда затем Герман Мюллер подписал его в Версале и вернулся²²⁴, я сказал ему, что нам теперь придется сворачиваться и в Прибалтике — игра была проиграна²²⁵.

²²³ **Маттиас Эрцбергер** (*нем.* Matthias Erzberger; 1875-1921) был выдающимся лидером католической партии Центра, публицистом и одним из руководителей германской пропаганды в годы Великой войны. Эрцбергер стал одним из ведущих оппозиционных либералов, готовя парламентаризацию Германской империи, в октябре 1918 г. он стал министром без портфеля в первом правительстве Германии, сформированном с участием представителей большинства в рейхстаге. Именно он взял на себя миссию по подписанию Компьенского перемирия, а затем был министром финансов в первых кабинетах Веймарской республики. В ходе острого кризиса в мае—июне 1919 г., вызванного отказом большинства его коллег по кабинету подписывать продиктованный Антантой мир, Эрцбергер решительно выступил за «политику выполнения», после чего сразу же стал мишенью для ультраправых. В 1919-1920 гг. провел крупнейшую налоговую реформу, способствовавшую дальнейшей интеграции германских земель. В конце августа 1921 г. Эрцбергер был убит представителями ультраправой организации «Консул».

²²⁴ **Герман Мюллер** (*нем.* Hermann Müller; 1876-1931), один из лидеров СДПГ, а в 1919-1928 гг. ее председатель. В 1920 и 1928-1930 гг. был рейхсканцлером. Мюллер вошел в историю тем, что после отставки кабинета Ф. Шейдемана и министра иностранных дел Брокдорфа-Ранцау именно он взял на себя тяжкую миссию и подписал Версальский мир 28 июня 1919 г. Его однопартиец Винниг этого Мюллеру так и не простил.

²²⁵ Тем не менее при активном содействии А. Виннига германские фрайкоры продолжали действовать в Прибалтике не только до июля—августа, но и позднее, а последние их солдаты вместе с остатками армии Бермондт-Авалова пересекли границу только в новогодние дни 1920 г.

ХІХ. Полеміка

Вскоре после выхода последней главы я получил письмо от господина фон дер Деккена, балтийского немца, насколько мне известно, живущего в Инстербурге литературным трудом. Это письмо было предназначено для печати; я напечатал его вместе со своим ответом. Привожу и то и другое в данной книге.

«В главе “На исходе германской политики на Востоке”, завершающей воспоминания Августа Виннига о времени его деятельности в Прибалтике, автор исследует вопрос, “как же могло случиться так, что германские усилия в Латвии остались настолько лишены успеха”. Предпринимаемые с различных сторон попытки сделать ответственными за неудачу нашей политики в Прибалтике германские военные инстанции, действовавшие там, он вполне справедливо отвергает. Правда, он полагает, что командование войск слишком мало внимания уделяло сложным задачам германской политики. В качестве характерного примера этого он упоминает случай, когда один старший офицер на совещании с латышским кабинетом министров постоянно употреблял слова «латыш» и «большевик» как взаимозаменяемые понятия. Конечно, подобные искажения только увеличивали трудности, и все же было бы неверно усматривать причину неудачи нашей политики в поведении командования. С этим мнением можно только согласиться. Столь же мало можно возразить автору и тогда, когда он утверждает, что политика провалилась вовсе не потому, что те, кто ее проводил, «оказались глупцами». Вплоть до этого момента любой, кто знаком с ситуацией и действовавшими тогда в Прибалтике личностями, может с господином Виннигом лишь согласиться. Однако, когда далее он заявляет, что политика, направленная на укрепление германского влияния в Латвии, потерпела неудачу из-за того, что «крах германской экономики лишил нас средств, которыми мы могли приобрести желаемое влияние», с моей точки зрения, это вовсе не «простая и краткая правда», как пишет господин Винниг, а тяжелая ошибка, рассмотрение которой должно представлять определенный интерес, хотя, естественно, в прискорбном результате нашей политики на Востоке это уже ничего изменить не может.

Куда более весомая причина провала нашей политики на Востоке заключается в том, что, коротко говоря, ни в малейшей степени не понимали, как вторжение большевиков, поставившее Латвию в январе 1919 г. и последующие месяцы в тяжелейшее положение, можно использовать в политических интересах Германии. Рассматривая с чисто политической точки зрения, вторжение большевиков было для нас тогда подарком судьбы. При условии его безоговорочного и умелого использования именно отсюда можно было бы добиться полного разворота в политике на Востоке, причем в нашу пользу. Вместо этого Германия пролила немало ценной немецкой крови для победы над вторгшимися большевиками и потратила на это несколько сотен миллионов марок, чтобы затем — после того как “Латвия” господина Ульманиса была наконец освобождена — тут же весьма подлыми подножками быть сбитой с ног. Редко когда в политике была более прискорбным образом упущена благоприятная возможность.

В январе 1919 г. большевики, после того как они заняли Ригу и Митаву, стояли на рубеже р. Виндавы. От Латвии остались лишь Либаву и узкая полоска земли; большая часть правительства — в том числе и премьер-министр — была за границей и разъезжала, горько жалуясь и выпрашивая помощь, от столицы к столице, но, естественно, не получая ничего, кроме дешевых словесных утешений. Остававшаяся в Либаве лишь видимость кабинета министров одной ногой всегда была на уже стоявшем под парами судне для беженцев. Англия, хотя она и отправила к портам на Балтике несколько судов, не могла и не хотела помочь военными средствами, что со всей отчетливостью было продемонстрировано падением Риги. Время для развертывания собственной армии было латышским правительством упущено. Из Либавы и ее окрестностей, разумеется, нельзя было набрать войско, даже близкое по численности к необходимым для отвоевания страны вооруженным силам, даже при том условии, если бы рекрутский потенциал в Латвии не был так заражен большевизмом, как это было в действительности. Таким образом, Германия была единственной державой, в чьей власти было освободить Латвию. Будет вполне достаточно просто представить себе эту небольшую картинку ситуации и тут же бросить взгляд на финальный результат германской политики на Востоке, чтобы понять, сколь громадный капитал в виде самых действенных политических средств здесь был попросту пущен по ветру. Для Латвии в той ситуации

курс нашей марки²²⁶ был совершенно не важен. Она нуждалась в первую очередь в военной помощи, все остальное было лишь вопросом будущего. Для германской политики на Востоке в тот решающий период краеугольным камнем были военные вопросы, а вовсе не проблема предоставления займа. С военной же точки зрения Германия, как показали события, была еще достаточно сильна, чтобы выделить средства, необходимые политикам для достижения желаемого влияния. Однако здесь в малых масштабах было проявлено то же, что и в Мировой войне в целом: политика и ведение войны шли не рука об руку, а лишь в слабом контакте друг с другом, а порой и вовсе оказывались в состоянии противодействия, так что и в завершающей фазе нашей политики на Востоке мы добились впечатляющих успехов, но политически пришли к полной катастрофе.

Если латвийское правительство — хотя оно и могло быть спасено только Германией — упорно уклонялось от всех попыток серьезных переговоров и от соглашений с господином Виннигом, то делало оно это при явном ожидании и в убеждении, что именно балтийским немцам в момент величайшей опасности удастся побудить своих собратьев из Германии к действенной военной и экономической поддержке. Ход событий показал, сколь оправданными были эти латышские спекуляции, основанные на чувстве немецкой общности. Поэтому вовсе не удивительно, что латышское правительство при переговорах с Виннигом так долго разыгрывало из себя чопорную старую деву, ведь оно надеялось получить все то, в чем нуждалось, за так. Одной из самых роковых ошибок германской политики на Востоке было то, что эта надежда не была раз и навсегда вырвана с корнем и без всякой пощады. Простейшим и радикальным средством были бы простое оставление Либавы и отвод германских войск к границе рейха. Тогда латыши оказались бы в положении тех, кто осаждал бы просьбами дом господина Виннига, они заплатили бы любую запрошенную нами цену. Против такого мнения можно, вероятно, возразить, что в тот момент развертывание добровольческих частей было возможно лишь за пределами германских границ и что всесильные тогда советы рабочих и солдатских депутатов никогда не допустили бы формирование таких “контрреволюционных формирований” на территории Германии. Справедливость этого

²²⁶ Учитывая желание правительства Ульманиса получить от Германии займы, это не совсем так.

утверждения не оспорить²²⁷. Однако из этого опять же возникает неизбежный итоговый вывод, что не из экономической нашей слабости и низкого курса нашей валюты потерпела крах наша политика на Востоке, а в связи с внутривнутриполитическим хаосом зимы 1918/19 г. и из-за слабости тогдашнего центрального правительства, которое и само в решении жизненно важных для германского народа вопросов прогибалось под желания улицы.

Если и действительно применение вышеуказанных радикальных средств было невозможно в связи с нашей неустойчивой внутривнутриполитической ситуацией, то уже по меньшей мере удар наших войск за линию Виндавы следовало откладывать до тех пор, пока не были бы получены бесспорные и гарантированные Антантой в соглашениях прочные основания для активной германской политики на Востоке. Каждая пядь латвийской земли, до этого очищенная от большевиков силой германского оружия и германскими деньгами, если рассматривать это с чисто человеческой точки зрения, естественно, была бы делом благородным, однако при политическом анализе подобная сентиментальность недопустима. При этом позиции правительства Ульманиса крепили бы с каждым днем, в то время как с каждым шагом наших войск вперед основы германской политики на Востоке не поддавались бы все сильнее, пока не рухнули бы вовсе. Так что следует полагать попыткой оправдания или, по меньшей мере, аргументирования такой политики, когда господин автор пишет в своих воспоминаниях по этому поводу:

“Немцы из Германии и балтийские немцы пошли за Латвию в огонь. Неужто это не могло и не должно было вызывать у них мысль, что эта помощь в момент величайшей нужды обязывает кое к чему и латышей?”

Спекуляции на чувстве благодарности в вопросах политических всегда являются затеей крайне ошибочной. Предполагать наличие и даже ожидать столь редкого качества от латышского народа, рассчитывать на него — такой идеализм свойственен,

²²⁷ На самом деле — строго наоборот. Фрайкоры образовывались, несмотря на определенное сопротивление советов, в самых разных частях Германии и Австрии, а не только на приграничных и оспариваемых территориях, особенно в Каринтии, Позене, Силезии и Западной Пруссии, они вели с польскими войсками полномасштабную войну уже с конца декабря 1918 г., не говоря уже о феврале 1919 г. К тому же моменту фрайкоры уже показали себя при разгроме восстания спартакистов в Берлине в январе 1919 г. и при уничтожении советской республики в Бремене в феврале 1919 г.

наверное, только наивной городской барышне, которая полагает, что молоко и масло получают в курятнике.

Останется неизвестным, действительно ли в германских политических кругах всерьез питали такие ожидания. Но балтийские немцы в любом случае слишком хорошо знали этих негодников, чтобы даже в мечтах ожидать благодарностей в доме Ульманиса. Если же они, несмотря на это, и готовы были отдать жизнь свою и своих сыновей за освобождение “Латвии”, импульсом к этому стало исключительно острое беспокойство за оставшихся под большевистским господством их соплеменников. Недоверие балтийских немцев к правительству Ульманису отчетливо проявилось 16 апреля 1919 г., когда их ударный отряд использовал паузу, возникшую в боевых действиях после взятия Митавы, для того, чтобы в один прекрасный вечер одним движением руки — словно между одной и второй чашками кофе, — к ликованию всего населения Латвии, отправить правительство Ульманиса ко всем чертям. Политическая подготовка и реализация этого чисто военного путча была более чем жалкой. Но базовый замысел его в целом был верным: путч должен был исправить большую политическую ошибку, вызванную наступлением на Митаву и преждевременным освобождением Латвии. Если же это не удалось, то лишь потому, что с политической точки зрения путч вылился в мертворожденное правительство Ниедры, а с официального представительства германской политики на Востоке не может быть снято обвинение в том, что вообще вся эта роковая авантюра стала возможной лишь из-за его “дружественного нейтралитета” по отношению к Ниедре. Тяжелые последствия были вызваны, кроме того, и поистине недостойными интригами внутри Балтийского национального комитета. Это — отдельная история, которой я не хотел бы здесь касаться.

В предупреждениях от любой политической, материальной и военной поддержки этого авантюрного предприятия недостатка не было. Однако доверие официальных германских инстанций к жизнеспособности правительства Ниедры простиралось так далеко, что было получено даже согласие на наступление на Ригу и на освобождение латвийской столицы. Тем самым добровольно упустили сильнейший и последний козырь германской политики на Востоке, а взятием Риги фактически собственными руками подставили себя под тщательно подготавливаемый Антантой в Эстонии смертельный удар. Когда же затем господин Ульманис вновь сел в кресло премьер-министра в замке “освобожденной”

Риги²²⁸, германская политика на Востоке могла с чистой совестью, словно Гретхен перед Фаустом, признать: “Тебе я, кажется, любя, так много отдала в прошедшем, что жертвовать уж больше нечем”. И на этом, естественно, германская политика на Востоке “нашла свое завершение”. Она погибала самой трагической из смертей, какой только может сгинуть политика. От самоубийства. За счет верного по своему замыслу, но чудовищно жалкого по подготовке и реализации бермондтовского предприятия она, разумеется, не могла быть пробуждена к жизни».

Ответ автора.

«Последняя фаза политики в Прибалтике атакована сразу с двух сторон. С одной стороны поступает упрек, что действовали полностью по схеме старых милитаристов, проводя brutальную политику силы, которая, вполне понятно, не могла привлечь на нашу сторону латышей, а только усиливала среди них антинемецкие настроения. Вторая же сторона, к которой принадлежит и господин фон дер Деккен, напротив, утверждает, что были слишком мягки, идеалистичны, слишком самозабвенно выступали и потому упустили все благоприятные моменты и преимущества.

Когда я однажды выступал в качестве посредника в конфликте из-за заработной платы, обе партии вначале приветствовали меня со всей сердечностью и дружелюбием. Однако, когда я прощался с ними уже после вынесенного арбитражного решения, с обеих сторон меня встретили злобные лица, в которые я и сказал, что теперь точно знаю, что приговор третейского суда был верен.

Хотя в связи с провалом данной политики это прозвучит нелепо, я все же оправдываю нашу политику в Прибалтике в том ее смысле, что в обстоятельствах, изменить которые мы были не в силах, она была методом, которым можно было достичь успеха — если это и вообще было в рамках возможного — вернее всего. Господин фон дер Деккен, как кажется, принадлежит к числу тех балтийских немцев, к которым верно выражение австрийских немцев в отношении венгров: что последним надо

²²⁸ Ландесвер при поддержке Железной дивизии выбил большевиков из Риги 22 мая 1919 г., латышские войска, подчиняющиеся правительству Ульманиса, после проигранного фрайкорами сражения под Венденом в конце июня 1919 г. вошли в Ригу в первые дни июля 1919 г. Сам глава единственного оставшегося правительства Латвии приехал в столицу еще через 10 дней. Винниг в это время внимательно следил за ситуацией со своего поста в Кёнигсберге.

было бы жить на глобусе, где есть только их страна²²⁹. Если бы мы жили на балтийско-немецком глобусе, тогда рекомендуемые господином Деккеном методы можно было бы применить с блестящими шансами на успех, ведь в этом случае мы были бы, без сомнения, сильнейшими. Однако же мы — уполномоченные страны, где рухнула политическая система, система, основанная исключительно на реализации своей власти. На ее место пришло иное устройство, которое отвергало политику силы и не намерено было таковую терпеть, в том числе и в Прибалтике. Если же мы, несмотря на это, все же проводили такую политику, то были бы просто отозваны, а во всякой помощи получили бы отказ²³⁰. Однако помимо Германии была еще и вражеская коалиция — факт, который господин фон дер Деккен не считает нужным учитывать.

Однако что же это означает? Конечно, мы могли бы надеть на латышей «испанский сапог»: там большевики, которые опустошают вашу землю, а здесь договор, который ее освободит, как только вы его подпишете! И это был бы крайне простой политический курс, который принес бы нам в течение нескольких дней наилучший вариант договора. Однако можно ли хоть на мгновение усомниться в том, что с этим договором впоследствии произошло бы ровно то же, что и с договором, где содержалось обещание латышского правительства о предоставлении гражданских прав? При таком договоре латышскому правительству даже не понадобилось бы принимать на себя бесчестье нарушения обязательств, как это пришлось сделать в отношении того, где оно обязалось предоставить права гражданства. За него это сделала бы вражеская коалиция, аннулировав своей властью любой договор, который гарантировал бы наше влияние в Прибалтике²³¹.

Если же и была бы возможность подобным путем дойти до цели, то она не ускользнула бы от меня. Я не только не раз шел

²²⁹ По-видимому, авторами этой широко известной на постсоветском пространстве шутки изначально были действительно австрийцы, ведь уровень национализма венгров после 1848 г. превосходил все ожидания.

²³⁰ Именно так и произошло с теми, кто продолжали проводить этот курс и после подписания Версальского договора 28 июня 1919 г., то есть с Р. фон дер Гольцем и лидерами фрайкоров, в первую очередь с Й. Бишофом.

²³¹ Винниг имеет в виду, что Компьенским перемирием были отменены все договоры, заключенные Германией и ее союзниками с другими воюющими сторонами до ноября 1918 г.

в мыслях той же дорогой, что и господин фон дер Деккен, но и мне более чем достаточно раз докладывали о таких проектах²³².

Естественно, и я хотел использовать тяжелое положение латышского правительства в германских интересах. Однако я хотел сделать так, чтобы результаты этого были в той области, где вражеская коалиция не могла бы их достать. И это был вариант займа, который мог предоставить не рейх, а частные кредиторы. Но и на этом пути было множество камней преткновения, что было мне столь же ясно, как и любому, кто был знаком с договорами о перемирии и о мире. Тот, кто намерен критиковать мою политику в Прибалтике, должен иметь в виду все эти факторы.

Господин фон дер Деккен потешается над моим замечанием насчет вполне логичной мысли, что латышам следовало бы чувствовать себя обязанными за германскую помощь. Превосходство господина фон дер Деккена в мудрости здесь буквально сквозит изо всех щелей. Однако в связи с этим ему следует перечитать мою фразу. Она стоит там, чтобы объяснить, насколько понятно было чисто по-человечески то раздражение, что овладело войсками по отношению к латышам, ведь последние требовали, чтобы за них проливали немецкую кровь, но при этом вели себя как враги немцев. И я хотел бы добиться понимания причин подобных настроений, чтобы несколько смягчить впечатление от допущенных войсками в отношении латышского местного населения инцидентов, давших повод к самым злобным нападкам.

“Capito?”²³³ — говорят в таких случаях итальянцы».

* * *

Другой писатель из балтийских немцев, имеющий большие заслуги перед своими соплеменниками, доктор Серафим после выхода 10-й главы направил мне длинное послание, в котором пытался исправить и дополнить некоторые мои оценки балтийских немцев в целом, а также отдельные мои ремарки относительно природы Прибалтики и населявших ее людей. Я полагаю, что

²³² По всей видимости, о сложных проектах антиантантовского сговора с большевиками, отказа от активных действий в Латвии, срыва подписания Версальского договора и интригах вокруг отделения от Германии не связанного версальским диктатом эвентуального Восточного государства (*нем.* Oststaat) Виннигу не просто «доклаживали». Однако в 1921 г., да и позднее он вовсе не был готов откровенничать на эти темы.

²³³ В данном случае: «Сдаешься?»

компетентность этого человека вполне заслуживает того, чтобы привести здесь выдержки из этого письма, к тому же я, само собой, вовсе не претендую на то, что в течение нескольких месяцев вполне смог познать всю глубину своеобразной прибалтийской культуры.

«Вы пишете в 10-й главе²³⁴: “Балтийские немцы были не правы с исторической точки зрения, когда полагали, что могут еще долго сохранять прежнее свое положение. С выделением латышской интеллигенции, с формированием латышского национального самосознания балтийским немцам следовало осознать, что настала пора ‘переучиваться’. Ныне политика, направленная на взаимопонимание, стала уже исторически обусловленной необходимостью”. Что ж, балтийские немцы теперь не отрещиваются от этой необходимости, конечно, с нелегким сердцем, однако так делают все, кто вообще способен к зрелым суждениям, хотя под этим, естественно, вовсе не следует понимать полную капитуляцию. Есть целый ряд сфер, где всегда имела место совместная работа: в церковных конвентах для школы и церквей, в ходе совещаний лифляндских приходов по экономическим вопросам, относительно расходов на постройку дорог и т. д., везде, где владельцы крупных и мелких поместий — причем всегда на языке крестьян — вполне успешно сотрудничали. Тот факт, что состав ландтага, где было гарантировано представительство исключительно крупным помещикам (но не “баронам”), давно уже изжил себя, никому не был ясен настолько, насколько прибалтийским помещикам или рыцарству. С 1880-х гг. в Лифляндии велась работа по преобразованию этого органа²³⁵: хотели ввести окружные съезды на широкой основе, венцом которых стал бы реформированный ландтаг. В Эстляндии, а порой и в Курляндии, где, кстати, ландтаг был весьма ограничен в правах в налоговой сфере, больше задумывались о введении либерального местного представительства по русскому образцу (*semstvo*). По этому поводу постоянно шли совещания с латышскими и эстонскими политиками, что и способствовало некоторому сближению. Одно из таковых — подробности можно найти в моей книге “Из

²³⁴ Цитирование идет с некоторыми купюрами.

²³⁵ Дата не случайна: с 1880-х гг. при Александре III началась серия мер, направленных на интеграцию Остзейских губерний в империю, в том числе за счет ликвидации дарованных или подтвержденных еще Петром I беспрецедентных привилегий местному немецкоязычному дворянству.

трудов балтийского журналиста” — состоялось в 1905 г., накануне начала революции, в Риге в здании Большой гильдии при участии большого количества немецких и латышских крупных помещиков, прелатов, юристов и редакторов. Однако прежде всего было достигнуто объединение на совещаниях, созванных правительством под давлением революционных устремлений 1905–1906 гг. в каждой из трех провинций отдельно, а уж затем под председательством прибалтийского генерал-губернатора в Риге прошло и Большое конституционное совещание 1906 г., где речь шла о совместной работе балтийских немцев, латышей и эстонцев. Если ни ранее, ни впоследствии из этих усилий ничего и не получилось, вина за это лежит исключительно на русском правительстве: его политика в Прибалтике всегда была под зловещей звездой “*Divide et impera*”²³⁶. А плоды это могло давать, только если в стране процветала разобщенность. Все проекты реформ балтийского ландтага в Петербурге клали под сукно, а нам намекали, что мы должны держать руки прочь от “реформирования”, ведь избавление придет от рук правительства. Однако оттуда ничего подобного не ожидалось, ведь в Петербурге давно уже вынашивали планы заменить “либеральное” земское устройство в пользу бюрократии, а потому сильно сомневались, зачем “либерально” благодетельствовать нас²³⁷. И когда все-таки к концу 1906 г. опасность революции, казалось, миновала, все реформистские проекты правительства относительно Прибалтики были прокляты, а лозунгом вновь стал: “Пусть все остается по-старому!”. И этому тем более способствовало то, что революционный радикализм латышей и эстонцев, проявившийся в 1905 г., помимо убийств и поджогов, еще и в антирусских манифестациях, в Петербурге все-таки вызвал известные сомнения в лояльности до того принимаемых под покровительство народов.

²³⁶ Разделяй и властвуй (*лат.*).

²³⁷ Автор письма, выдаваемый Винником за знатока, либо откровенно клеветает, либо вопиюще безграмотен в вопросах внутренней политики Российской империи в 1905–1917 гг. Земство не просто не сворачивали, но и постепенно вводили в тех губерниях, где его ранее не было, а при Столыпине активно готовились и к введению волостного земства, что и было сделано, но уже при Временном правительстве. Огромное сопротивление распространению земства действительно оказывала бюрократия, где было немало представителей балтийских немцев, да и рыцарство, что бы ни утверждал доктор Серафим, было по отношению к земству настроено почти исключительно отрицательно, опасаясь резкого усиления влияния крестьянства, то есть в данном случае — латышей и эстонцев.

Также и при оценке вопроса о распределении земли ситуация все же выглядела иначе, нежели она представлялась в ходе Вашего недолгого пребывания, да еще и в обстановке смятения. Принципом крестьянской аграрной реформы в Прибалтике было создание слоя свободных крестьянских дворов. И это было достигнуто с образцовым результатом. Долгое время выделение крестьянских наделов отставало, так как к этому были существенные препятствия с хозяйственной точки зрения. Остро встал вопрос о сельскохозяйственных работниках, а потому когда за него взялись — началась война. Я не думаю, что решение лежало именно в том направлении, что каждый крестьянин получил бы землю. Прибывшие новички назавтра вновь остались бы без нее! Кстати, как известно, против выделения мелких крестьянских хозяйств крупные помещики из балтийских немцев ничего не имели, более того, они были готовы выделить треть земли своих поместий для колонизации, причем поначалу, что казалось во время германской оккупации само собой разумеющимся, именно для немецких колонистов²³⁸, но позднее в договоре, заключенном в Либаве в мае 1919 г. между Ниедрой и представителями крупных помещиков из балтийских немцев Латвии, — и для латышских колонистов. В том, что такие колонизационные планы крупного масштаба, с явным намерением ослабить крупное немецкое помещичье землевладение, не были высказаны ранее, вряд ли можно обвинить именно балтийских немцев. Да и потом: как же именно сами они должны были к этому прийти, если их позиции в экономике и были основой для всего немецкого в Прибалтике?!

Кроме того, крупное помещичье хозяйство имело и еще одну миссию, будучи экономическим образцом, на который должны были равняться крестьяне. При этом последние в рамках сельскохозяйственных объединений и кооперации работали к совместной выгоде, что приводило к установлению дружественных личных связей. Я считаю, что задолго до войны мы в Прибалтике

²³⁸ Намерение расселить побольше немецких колонистов, упоминаемое Винником в начале книги, появилось как раз по результатам революции 1905-1907 гг. и было вызвано стремлением окружить немецкие поместья более лояльным к ним, чем латыши, слоем мелких земельных собственников. В годы Первой мировой войны под давлением германских военных инстанций (и лично Людендорфа) помещики из балтийских немцев заявили о своей готовности выделить треть земельных владений в качестве своего рода платы за протекторат Германской империи, что опять-таки должно было иметь антилатышский и антирусский эффект.

уже находились в мощном процессе перехода от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию и что приведенная оценка — “не было никакого дренажа, скота мало, убогие, устаревшие машины, не было и химических удобрений” — скорее всего, еще могла быть верной применительно к тем или иным местностям в Курляндии, однако и там все быстро менялось, а уж в северной Лифляндии и Эстляндии ситуация была абсолютно иной. То же, что делали “Лифляндское экономическое сообщество взаимной пользы”²³⁹ под руководством Эриха фон Эттингена и Макса фон Сиверса, а также аналогичная организация в Эстляндии, не стыдно сравнить и с тем, что было в самой Германии. После того как выяснилось, что при дешевых русских тарифах более конкурировать с российским зерном из глубины империи на экспортных рынках нельзя, прошла мастерская переориентация на луговые культуры, на разведение отборных пород скота и на коневодство для поставок в армию. Кроме того, пусть и помимо прочего, серьезно занялись и мелиорацией. Если сегодня по политическим и шовинистическим мотивам, которые совершенно противоположны здоровому экономическому развитию, в Прибалтике крупные поместья обращены в руины, то латышскому и эстонскому народам придется заплатить за это разрушением своих же предприятий. И это еще более вводит в заблуждение, нежели если бы латыши и эстонцы, обретя свои независимые государства, не продолжали бы вражду с нами, а предоставили нам то, чего мы требовать были вправе и даже обязаны.

Вы цитируете ход мыслей Ройсснера: “Мы себя вам, латышам, не навязываем. То, что вы повернули 19 ноября, это — ваши игрушки, а не наши. Наши же интересы ограничиваются тем, чтобы в созданных вами обстоятельствах сохранить наше культурное наследие и иметь возможность работать в условиях безопасности и правопорядка. Далее наши интересы не распространяются, причем они всегда были именно такими. Господствует ли здесь Россия, закрепится ли здесь Англия, или же останется республика — это всегда будет нашей единственной целью”. Конечно, это не назовешь пламенной любовью к Латвии, нет, это политика холодного расчета. Однако откуда же могла возникнуть любовь? Если бы мы и захотели ее продемонстрировать, то латыши бы

²³⁹ Livländische Gemeinnützige und Ökonomische Sozietät (*нем.*) — общество, действовавшее в Риге, затем в Дерпте с 1792 по 1941 г., выпускало популярную газету.

нам не поверили — и правильно бы сделали! “Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!”²⁴⁰

Вероятно, в заключение мне следует сказать также что значительная часть немецко-латышских противоречий, которые в принципе с латышской стороны ограничиваются лишь их “вождем”²⁴¹ и молодой радикальной и шовинистической интеллигенцией, в толще народа никакой серьезной основы не имеют, а зачастую связаны лишь с болезненными личными переживаниями, хотя, разумеется, не исчерпываются только этим. Вину перед историей нам, балтийским немцам, можно было бы поставить то, что все мы возвращены в этой стране, нами издревле колонизируемой в своего рода морали господ. Конечно, чисто внешне с нашей стороны недостатка в подобном явлении нет, и все же: латышские и эстонские сельские священники всегда получали почетное место за господским столом подле хозяйки дома, а в Дерпте и Риге в сословных конвентах всегда были латышские и эстонские союзы, одетые в собственные цвета, — однако именно там за кубком вина и в застольном опьянении и вспыхивали довольно резко до того глубоко спрятанные конфликты. И удивляться этому может лишь тот, кто строит жизнь по теориям и намерен вскормить молодежь молоком старости. Однако не будем об этом более, ведь именно на эту тему у Т. Фонтане сказано: “Здесь еще слишком широкое поле!”²⁴²

²⁴⁰ Популярная цитата из «Фауста» И. Гёте.

²⁴¹ Не случайно, что в отношении К. Ульманиса употребляется термин «фюрер», это можно рассматривать как предвидение особенностей того режима, что был установлен им в Латвии в мае 1934 г. По-латышски «фюрера» Уллманна в период диктатуры (1934–1940) официально так и величали: vadonis (вождь).

²⁴² Имеется в виду — для деятельности. **Теодор Фонтане** (нем. Theodor Fontane; 1819–1898), известный прусский романист, представитель реализма.

XX. Заключение

На этом книгу можно было бы и закончить. Она не станет для читателей чем-либо большим, нежели еще одно из многих прочих повествований о пережитом в наши дни, и, может быть, в ряду других подобных книг читатель и ответит ей последнее место. Однако в таком случае вся вина ложилась бы на автора, но вовсе не на сюжет, ведь он об одной из величайших трагедий в мировой истории.

Пусть это, возможно, слишком громкие слова. Ведь подумаешь — пара тысяч крупных помещиков лишились своих земель! Как можно осмелиться на сравнение этих событий, к примеру, с гибелью античной культуры, или же с судьбой еврейского народа, или с крушением России! Разумеется, если рассматривать дело так, это верно. Однако же именно так данные события и не стоит оценивать. По меньшей мере я отказываюсь от подобного масштаба в этом случае. Для социальных событий необходима и социальная точка зрения! А то, что свершилось в Прибалтике, не определялось лишь социальной ценностью или отсутствием таковой. В социальном смысле раздел крупных земельных владений на мелкие крестьянские хозяйства *мог* иметь преимущества и быть прямо благодеянием, но он вовсе не *обязан* был быть таковым. А было ли верным шагом изгнание немецких помещиков из Прибалтики, может показать лишь время. Вот я так не думаю.

Однако рассматривать события лишь с этой точки зрения было бы неверно. Они были отнюдь не социальной революцией, а представляли собой борьбу за уничтожение всего немецкого. Естественно, в планах латышей и эстонцев было представить изгнание немцев в качестве крупного акта социального освобождения, так же как и в намерения вражеских держав входило выставить их усилия по сокрушению нас как борьбу свободы против рабства, как противостояние культуры и варварства²⁴³. Однако будем ли мы честны и последовательны по отношению

²⁴³ Ровно так же представляли свою борьбу с Российской империей и в Германии, и в Австро-Венгрии, что было столь же убедительно, как и приводимые Виннигом примеры, однако неудобных для себя фактов и тенденций он, как всегда, не замечает.

к самим себе, если в свою очередь станем воспринимать эту ложь враждебных нам стран в качестве несомненной истины?

Верить в те рассказы, которые распространяли о балтийских немцах наши враги, могут лишь дети и глупцы!²⁴⁴ В данном случае дело было отнюдь не в акте социального освобождения, это был удар по немцам вообще!

И если мы взглянем на события именно в таком свете — стремления к национальному самоутверждению, — то признаем, что итогом германской политики на Востоке стала громадная, всемирно-исторического масштаба трагедия.

Ведь в данном случае был положен конец аж 700-летней борьбе. От Дуная и до Балтийского моря германство утратило все свои позиции, которых оно сумело добиться за пределами своих древних границ. Достойные лишь жалости остатки Австрии и оставшаяся в одиночестве Восточная Пруссия, обе страны — словно острова, окруженные враждебным потоком, вот и все, что напоминает о работе, ведшейся столетиями. Как же звенит до сих пор в ушах эхо этих веков! Как захлестывает нас клич, как отчаянно бьет он изнутри: это — наш народ, который так твердо прожил здесь свою жизнь! Еще не родившись, при этом присутствовали и мы. И нас бы не было, если они не были столь крепки, пока жили на свете.

Теперь же вся эта борьба пришла к концу, разве может это не потрясти нас? И неужто мы должны принимать на веру все то, что говорят наши враги, единодушно соглашаясь со всей той клеветой, что возводится на все труды, которые навсегда останутся деянием немцев? Это было бы равносильно тому, если бы мы позорили бы наших отцов и матерей.

Вероятно, эта книга попадет и в руки тех, кто лишь с согласием кивнет, увидев в ней резкие слова в адрес балтийских немцев. Что ж, пусть эти мысли найдут дорогу к сердцам и умам. Я желаю этого со всей серьезностью. Ведь я вовсе не думаю, что наш исход стал последним словом в мировой истории на Востоке. Восток нуждается в немцах, как немцы нуждаются в Востоке. И если только всей культуре «закатных земель» не предстоит гибель²⁴⁵,

²⁴⁴ В данном случае Винниг имеет в виду обрушивавшуюся с резкой критикой на фрайкоры в Прибалтике и на «балтийских баронов» германскую левую и ультралевую прессу.

²⁴⁵ Винниг пользуется прямой аллюзией на тогда еще недавно вышедший и крайне популярный основной труд О. Шпенглера, известный в России под

то уже вскоре на Восток, откуда каждый день приходят отклики, будут проложены новые пути.

Конечно, есть известная доля романтики в пожелании, чтобы то огромное здание, что было сооружено там, в Прибалтике, трудами немцев, ими же когда-нибудь и было отстроено вновь. Однако немецкий натиск на Восток²⁴⁶ не имеет с романтикой ничего общего. И тот, кто сегодня испытующе смотрит туда, вовсе не думает о давно минувшем мире времен владычества Ордена. Ремесленники и купцы, вознамерившиеся осваивать землю, устремились сегодня на Восток, но о тех временах они едва ли знают. За ними — жесткая необходимость вести ожесточенную борьбу за самое скромное существование. Сегодня, как и 700 лет назад, германской земли стало слишком мало для бурлящей жизненной силы нашего народа. Сегодня, как и тогда, избыток народонаселения выливается за границы своей страны, причем и сегодня, как и тогда, большая часть из него направляется на Восток²⁴⁷.

Однако германское продвижение на Восток в наши дни проходит совершенно иначе, нежели тогда. Германские переселенцы пробиваются не мечом и крестом²⁴⁸, а техническими навыками, организационным искусством, притягательной силой культуры. Вооруженные этими истинными дарованиями своего народа, они двигаются вперед, расширяя границы немецкого влияния. Вот так формируется новое германство. Наверное, на него смотрят с тем же недовольством, что и на прежнее; однако в нем нуждаются, да и само оно проявит свою незаменимость, создавая новое и прочное пристанище. Но пока что в этом зашли не так далеко. Все еще пульсирует возбуждение борьбы на уничтожение, а дороги по-прежнему закрыты. Но и это когда-нибудь отзвучит, настанет иная пора.

несколько измененным названием «Закат Европы». Термином «цивилизация», использовавшимся во французской публицистике, он из принципа не пользуется, противопоставляя ей «культуру» в немецком значении этого слова.

²⁴⁶ В тексте буквально: «Drang nach Osten».

²⁴⁷ Можно со всей вероятностью считать, что первое редактирование (или дписывание) «Майн Кампф» проводилось А. Розенбергом после ознакомления в том числе и с этой книгой. Читал ли ее А. Гитлер, останется неизвестным, но параллелей не заметить очень сложно.

²⁴⁸ Эта фраза из 1921 г. для тех, кто знаком с событиями 1939-1945 гг., выглядит мрачным предсказанием, а то и с трудом завуалированным призывом к новому и вовсе не мирному витку экспансии.

Просуществуют ли эти новые малые государства еще какое-то количество лет, или же они вскоре будут присоединены обратно, как и все прочие отпавшие от живого тела России части, — а прежняя Россия возникнет вновь, — так или иначе, без немцев они обойтись не смогут. Вполне вероятно, что нынешнее проникновение немцев будет очень постепенным и поначалу едва заметным. Не длинными вереницами армий, а лишь один за другим они будут прибывать туда, и каждый будет трудом создавать сферу приложения своих сил. Однако следствием этого станет то, что результаты их работы будут нарастать и объединяться в новое широкое поле немецкой культурной и экономической мощи, предваряющее границы рейха. И оно станет еще одной мощной опорой в случае сопротивления натиску других мировых держав, который грозит с запада.

Пусть же эта новая ветвь восточного германства, начиная с завтрашнего дня, проявит больше понимания и склонности к породившему его народу, нежели прежняя, исход которого принадлежит к числу самых скорбных поворотов в немецкой судьбе.

Указатель имен

А

Александр III — 115, 210
Александр-Синклер Э. — 142
Альберт Р. (Рене Вольгемут) — 75, 98,
124, 127, 165-169
Альтрихтер Ф. — 94
Анвельт Я. — 10

Б

Баденский М. — 13, 27, 32, 65, 78, 180
Батоцки-Фрибе А., фон — 175, 185
Бebelъ А. — 33
Беккер В. — 85-86, 102-103, 138, 147-149,
155-157, 160-161
Бермондт-Авалов П. Р. — 194
Бернштейн Э. — 117, 183
Бисмарк О., фон — 11
Бишоф Й. — 130, 208
Брантинг К. — 113-114
Брёдерих С. — 27, 116
Брокдорф-Ранцау У., граф фон — 179-
180, 195, 201
Буркхард — 35-36, 57, 61, 76-77, 142, 148,
162, 167, 172, 192
Бюркнер Р. — 142-144

В

Вальтер (Валтерс) М. — 41-43, 45, 90,
106-107, 119-120, 131, 163, 190, 196
Вацегис И. И. — 148
Весманн — 167
Вильгельм II — 7, 11, 56, 58, 65
Вильсон В. — 50, 137
Винниг А. — 7-8, 10-18, 28-29, 33, 36,
38, 43, 46-48, 50-51, 55, 59, 69, 74, 77,
83-84, 89, 95, 103, 105, 107-109, 114-115,
121, 130-134, 136, 148, 154-155, 161, 178,
180-181, 183, 185, 191-192, 194, 196,
198-202, 204, 208-209, 211-212, 215-216
Вирт Й. — 40

Г

Гаазе Г. — 177
Германовски (Германовскис) Т. - 106
Гертлинг Г. фон — 32
Гесс Р. — 190
Гёте И., фон — 80, 214
Гибшмане К. — 37
Гитлер А. — 157, 190, 217
Гольц Р., граф фон — 105, 138, 193-194,
197, 208
Госслер А., фон — 36, 44, 57, 77, 79, 101-
102, 126, 136
Готтшальк — 176

Д

Давид Э. — 32-33, 37, 40, 179
Давидзон Г. — 122
Деккен, фон дер — 202, 207-209
Дыдоров К. И. — 160

Ж

Жорес Ж. — 177
Жуо Л. — 28

З

Залит (Залитис) Я. — 106-107, 155
Зауэр — 85-86
Зеккендорф, фон — 89
Земгалс Г. — 14, 44
Зимес — 161

К

Калнин (Калниньш) П. — 37, 39-40, 90
Калниньш Б. — 39
Канарис В. — 181
Капп В. — 15
Капсукас В. — 10

Катен Г., фон — 56, 126

Каутский К. — 197

Квасте, фон — 195

Кёреп Э. — 87, 136, 159

Кёстер — 51-53

Кёстер А. — 40

Кирхенштейн А. — 105

Клаузевиц К. — 198

Клитцинг Л., фон — 61-62, 69-70, 72

Книгге В., барон — 27, 60-61, 67-68

Кнобельсдорф Г., фон — 166-169

Кох — 87

Краузе Э. — 37

Кумме Ф. — 156

Куммер — 150

Кюгельген В., фон — 115

Кюгельген Г., фон — 115

Л

Ландсберг О. — 122

Лассаль Ф. — 154

Левальд Т. — 78

Легин К. — 28

Ледебур Г. — 184

Ледебур, фон — 73

Либкнехт К. — 177-178, 181-184, 193

Ливен А. П. — 160

Лухт [Г.] — 48, 86-87

Людендорф Э. — 28, 32, 36, 126, 158, 212

Люксембург Р. — 177-178, 181-183

М

Майер — 60

Мантейфель-Кацданген К., барон
фон — 34-35

Маркс К. — 117, 182, 197

Мартна М. — 53, 90

Мартна Х. — 53

Мендер (Мендерс) Ф. — 40, 90, 163

Мюллер Г. — 40, 201

Н

Науман Ф. — 58

Ниедра А. — 199-200, 206

Николай II — 7

Носке Г. — 15, 180-181

О

Остен-Сакен, фон — 163

П

Пабст В. — 181

Парвус А. — 12

Пётр I — 210

Пикард — 63, 66-67, 69-70, 73

Пилат — 81

Плеве, фон — 193

Пфеффер Ф., фон Заломон — 190

Паэгель (Паэгле) С. — 155

Пятс К. — 9, 84

Р

Радек К. — 177

Райнис Я. — 78

Рём Э. — 190

Рихтер — 193

Розен, фон — 66

Розенберг Э., барон фон — 121-123,
170, 217

Ройсснер — 119, 213

Ройтер Ф. — 60

Ролавс Э. — 41

Рорбах П. — 49-50, 115

С

Самсон, фон — 188

Сект Г., фон — 195

Серафим — 209, 211

Сиверс М. фон — 213

Симерс — 128

Скубик (Скубики) Э. — 37-39, 41,
56-57, 62, 90, 100-102, 163

Слежявичюс М. — 173

Сметона А. — 9

Стиннес Г. — 28

Стольпин П. А. — 211

Стучка П. — 10, 192, 200

Т

Тиссен Ф. — 158

Тресков Г., фон — 138, 140

Трютцшлер, барон фон — 193

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

У

Уэллес С. — 7
Умбрайт П. — 27, 60
Узедом Г., фон — 61
Ульманис (Улманн) К. — 8-9, 14, 39-41, 43, 90, 101, 103-107, 109, 119, 123, 131, 133-134, 142, 146, 151-154, 170, 172-174, 187, 195-196, 203-206, 214

Ф

Фабрициус — 156
Фонтане Т. — 214
Франц Р. — 77, 126
Фридрихсен — 180

Х

Хайльманн Э. — 40
Хенриксон Н. — 148
Хоффманн А. — 58

Ц

Цан, фон — 85
Циммерле Л. — 173

Ч

Чаксте Я. — 105
Чичерин Г. В. — 193

Ш

Шейдеман Ф. — 33, 38, 69, 179-180, 183, 201
Шеюх Г. — 137
Шиман Т. — 49, 115
Шойбнер-Рихтер М., фон — 157-158, 192-193
Шпенглер О. — 216
Шэффер — 134

Э

Эбен Й. фон — 175
Эберт Ф. — 15-17, 33-34, 38, 68, 177-178, 181, 192
Эрдманнсдорф, фон — 138
Эрцбергер М. — 200-201
Эттинген Э. фон - 213
Эшторф Л. фон — 134, 142

Я

Янке Э. — 165
Янсен — 47-48, 52, 86-87

Указатель географических названий

А

Аа (Аа Курляндская) р. — 163
Альт-Ауц — Ауце (Латвия) — 95-96
Альтона (Германия) — 25

Б

Бауск — Бауска (Латвия) — 166, 186
Бельт, пролив — 164
Берлин (Германия) — 14, 27, 34-35, 40, 42, 44, 59, 61, 78, 108-110, 122, 136, 138, 171, 175-177, 180-182, 184, 193, 200, 205
Бремен (Германия) — 205
Брест-Литовск — Брест (Белоруссия) — 120
Брюссель (Бельгия) — 29, 49-50

В

Валк — Валга (Эстония), Валка (Латвия) — 139
Варшава (Польша) — 113
Веймар (Германия) — 161
Венден — Цесис (Латвия) — 135, 195, 207
Виндава (Вента, Вянта) р. — 171, 186, 203, 205
Вольмар — Валмиера (Латвия) — 135

Г

Газенпот — Айзпуте (Латвия) — 34
Гамбург (Германия) — 35-36, 102
Ганновер (Германия) — 28, 105, 180
Гольдинген — Кулдига (Латвия) — 49

Д

Двина (Западная Двина, Даугава) р. — 36, 58, 140-142, 156, 159-160, 162, 166, 171, 186, 194

Двинск — Даугавпилс (Латвия) — 25, 41, 96, 120, 124-125, 130, 138, 140, 166
Дерпт — Тарту (Эстония) — 27, 31, 46, 49, 87, 113, 133-135, 139, 142, 214
Дунай р. — 216

Е

Егель, Егельские оз. — Юглас оз. (Латвия) — 156, 162

И

Инстербург — Черняховск (Россия) — 202

К

Каринтия (Австрия) — 205
Кацданген (Казданга), замок, имение (Латвия) — 34
Кёльн (Германия) — 113
Кёнигсберг — Калининград (Россия) — 24, 35, 161, 175-176, 184-185, 191, 195
Киль (Германия) — 180
Кобленц (Германия) — 113
Ковно — Каунас (Литва) — 27
Копенгаген (Дания) — 187

Л

Латгалия (Латвия) — 120
Лейпциг (Германия) — 105
Лемзаль — Лимбажи (Латвия) — 195
Либава — Лиепая (Латвия) — 27, 31, 41, 55, 57, 59-62, 105, 171, 186-190, 195-196, 198, 203
Лондон (Великобритания) — 146, 187

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

М

Маас (Мёз) р. — 164
 Мемель г. — Клайпеда (Литва) — 199
 Мемель (Неман) р. — 164
 Митава — Елгава (Латвия) — 27, 31,
 34, 36, 61, 76, 153, 156-157, 160, 163-164,
 166-172, 175, 186, 193, 200, 203, 206

Н

Нарва (Эстония) — 25, 126, 130-131
 Нарова р. — 125
 Нарочь оз. — 142

П

Пазевальк (Германия) — 36
 Петербург (Россия) — 122, 180, 211
 Позен — Познань (Польша) — 136-137,
 191, 205
 Псков (Россия) — 25

Р

Ревель — Таллин (Эстония) — 13, 25, 27,
 30-31, 49, 53-54, 84, 88, 101, 113, 133, 139
 Рига (Латвия) — 13, 19-21, 27, 29-31,
 36, 42, 44, 54-55, 75-76, 84, 94, 96, 98,
 101, 104, 112-113, 123, 125-127, 133, 135,
 139-140, 142, 144-151, 153-154, 157-159,
 161, 163-165, 170-172, 186, 192-195, 200,
 203, 206-207, 211, 214
 Ронненбург — Рауна (Латвия) — 195
 Рур (Германия) — 96, 190

С

Силезия (Польша, Чехия, Герма-
 ния) — 205
 Стокгольм (Швеция) — 187

Т

Тельше — Тельшый (Литва) — 198
 Тильзит — Советск (Россия) — 156-157,
 199
 Торенсберг — Торнякалнс, ныне ми-
 крорайон Риги (Латвия) — 162, 186
 Туккума (Тукумский) р-он — 186
 Тюрингия (Германия) — 96

Х

Хербесталь (Бельгия) — 94
 Хинценберг — Инчукалнс (Лат-
 вия) — 148-150, 161

Ч

Чудское оз. — 126, 133

Ш

Штрасденхоф — Страдумуйжа,
 ныне микрорайон и парк в Риге
 (Латвия) — 200

Э

Эзель (Сааремаа) о. (Эстония) — 85
 Эч (Адидже) р. — 164

Научное издание

**ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ (1918–1919)
АВГУСТ ВИННИГ У КОЛЫБЕЛИ
ЭСТОНСКОЙ И ЛАТЫШСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Перевод с немецкого языка к. и. н. Л. В. Ланника

Предисловия, комментарии:

к. и. н. Л. В. Ланник

Н. Н. Кабанов

В. В. Симиндей

Оформление обложки *М. Левыкин*

Корректор *Г. Васильева*

Верстка *А. Григорьев*

**Фонд содействия актуальным историческим
исследованиям «Историческая память»**

www.historyfoundation.ru

Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»

Юридический адрес: 123298 г. Москва,

ул. Маршала Малиновского

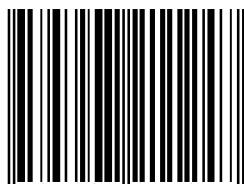
дом 6, корпус 1, офис 3

Подписано в печать 08.05.2019.

Формат 60x90¹/₁₆. Бум. офс.

Тираж 500 экз. Заказ №

ISBN 978-5-907211-24-7

9 785907 211247